

Сергей Калабухин

ТАЙНЫЕ ХРОНИКИ

Сергей Калабухин

ТАЙНЫЕ ХРОНИКИ

Ярославль
2011

ББК 84
УДК 82-4
К 17

Сергей Калабухин.

К 17 Тайные хроники. Повести и рассказы. – Ярославль: ИПК «Индиго», 2011. – 184 с., илл.

Сергей Владимирович Калабухин родился в 1958 году в России, в небольшом старинном русском городе Коломна, где и проживает до сих пор. По основной профессии – инженер-электромеханик по автоматизации производства.

С десяти лет начал писать фантастические рассказы. Печатался в российских газетах и журналах. В 2008 году в России вышла книжка его избранных произведений «Лабиринт чувств».

В сборнике собраны произведения разных лет, представляющие несколько направлений SF.

ББК 84
УДК 82-4

ISBN 978-5-91722-069-7

© С. В. Калабухин, 2011

ТАЙНЫ, НЕДОСТУПНЫЕ ИСТОРИКАМ

Сергей Калабухин твёрдый приверженец дефицитного ныне жанра научной фантастики (SF). В этом сборнике собраны произведения разных лет, представляющие несколько направлений SF – первый контакт, хоррор, киберпанк, детектив и, конечно же, путешествия во времени.

В глубоком космосе неизвестные пираты проникают на межзвёздный пассажирский лайнер «Карпаты» и похищают секретные документы из каюты курьера могущественной корпорации «Финансы». При этом кто-то усыпил экипаж и пассажиров лайнера. Значит, у нападавших на борту есть сообщник. Под подозрение попадает второй пилот лайнера «Карпаты» Михаил Дубов. Агент службы безопасности корпорации «Финансы» Василий Кротов начинает допрос пилота, и неожиданно выясняет, что под маской Дубова скрывается совершенно иная личность, а ограбление курьера – лишь небольшой отголосок масштабного заговора теряющего власть Императора, который желает полностью подчинить себе всё человечество. В чём суть этого заговора? Кто и как начнёт борьбу с ним? Всё это читатель узнает из рассказа «Заяц».

В небольшом посёлке, почти слившемся с городом, пропадают люди. Что за древнее зло поселилось здесь? Почему местные жители ненавидят и презирают вечно пьяного Толяна? Почему они молчат и не обращаются за помощью к властям города? Кто и как избавит мир от пробудившегося древнего зла? Этому посвящён рассказ «Ведьмак».

В одном из заводских общежитий внезапно устроил дебош и сошёл с ума молодой инженер. Следовательно Чернов, начав разбираться с причинами происшествия,

неожиданно понимает, что банальное дело о мелком хулиганстве скрывает под собой трагедию важного научного открытия, сделанного в кустарных условиях молодым гением. Что это за открытие, и почему его автор сошёл с ума, читатель узнает из рассказа «История болезни».

Людей, страдающих от избытка веса, наверняка заинтересует рассказ «Проблема веса», в котором с юмором и весьма увлекательно описано, как без особых усилий и даже с удовольствием будут сбрасывать лишние килограммы в недалёком будущем.

Полтора века назад несколько человек что-то нашли в Северной Африке. Что случилось потом Артур Росс, оставшийся в живых американец, никому никогда не рассказывал. И вот в конце XX века его потомок, Гарри Росс, решает узнать, что за сокровище заставило перебить друг друга соратников его предка. Новую экспедицию ждёт участь предыдущей. Кто на этот раз останется в живых, и что за роковое наследство ожидает Гарри Росса, читатель узнает из рассказа «Трагедия в Сахаре».

О проблемах первого контакта с инопланетянами повествуют рассказы «Чулан для непослушных детей», «Город», фанфик «Встреча. XXII век», юмореска «Интервью» и памфлет «Пока горит свеча».

О путешествиях во времени читатель узнает из рассказа «Автограф Гагарина» и цикла «Хроники». Кто такой Кощей Бессмертный? Что связывало Дедала и Минотавра? Зачем Персей убил горгону Медузу? Как и почему умер Александр Македонский? Это больше не тайна!

Наталья Ковалева

«ЗАЯЦ»

*«Немного в этой жизни счастливых.
И те, чей разум ещё при жизни отлетел
в заоблачные высоты, первые среди них...»*

Жан де Лаводер «Двуполые»

Видеозапись №1

Лицо капитана и морда толстого рыжего кота, терпящего грубые ласки корабельного врача, были одинаково недовольны. Усы обоих подёргивались в раздражении. Однако кот не делал никаких попыток покинуть тощие колени Кротова.

– Проходи, Дубов, садись, – промычал Рыков вошедшему в капитанскую каюту пилоту и вяло махнул рукой в сторону кресла, раскорякой стоящего напротив его массивного, из настоящего земного дуба, стола. Короткопалая лапа капитана, густо поросшая столь же рыжим, как и у его кота, волосом, бросила рядом с пепельницей зелёную пачку. – Сигарету?

– Благодарю, господин капитан, не курю.

– Давно? Кажется, именно ты весь рейс бурчал о дороговизне курева в корабельном баре.

– Потому и бросил, господин капитан.

– Да? А мне почему-то кажется, что ещё несколько часов назад ты вовсю дымил. Вот смотри сюда. – Рыков развернул личный дисплей, чтобы пилот видел изображение на экране. – Это последняя запись одной из корабельных видеокамер. Узнаёшь себя? Ты курил даже на дежурстве в корабельной рубке, что строжайше запрещено уставом!

– Виноват, господин капитан! – с трудом выбрался из низкого кресла пилот. – Этого больше не повторится. Тем более что я действительно бросил курить.

– Сядь на место, Дубов. С курением мы разобрались. Но, зная теперь, что всё происходящее на корабле записывалось, может, ты расскажешь мне ещё что-нибудь?

– Извините, господин капитан, не понимаю, о чём Вы?

– Не понимаешь? Жаль. Тогда тебе придётся продолжить эту беседу в ином составе. – Капитан встал, сделал приглашающий жест корабельному врачу. – Он Ваш, Василий Петрович, – и направился к двери. Его кот, спрыгнув с колен врача, собачкой потрусил за своим хозяином.

Кротов, основательно устроившись на капитанском месте, неторопливо закурил ментоловую сигарету из зелёной пачки капитана и пустил дым в лицо сидящего напротив пилота.

– Ещё раз так сделаешь, докторишка, и я заставлю тебя съесть твою вонючую сигарку! – Вскочил с кресла пилот и навис громадной мускулистой глыбой над невысоким, щуплым оскорбителем.

Кротов лениво и как-то даже небрежно ткнул Дубова свободной от сигареты рукой, и здоровяк рухнул без сознания на стол...

Видеозапись №2

Пилот очнулся. В пепельнице перед его носом тонкие, жёлтые от никотина пальцы Кротова мяли, стараясь загасить, уже третий окурочок. Дубов судорожно, со всхлипом, вдохнул воздух, щедро смешанный с вонючим дымом, закашлялся и сполз со стола в кресло. Ноги его не держали.

– Ну что, очухался? – спокойно спросил Кротов. – Давай знакомиться заново. Я, как ты знаешь, исполняю обязанности врача на этом корабле. Но это, если ты ещё не понял, моя «крыша». На самом деле я – сотрудник Службы безопасности галактической корпорации «Финансы». Пока ты тут валялся в отключке, я ещё раз просмотрел твой личный файл.

Ты – Дубов Михаил Яковлевич, тридцать восемь стандартных лет, родился на планете Новая Московия, окончил имперское лётное училище на Земле, отслужил пять лет в имперском звёздном флоте. Сейчас – вольный пилот. Устраиваешься на те корабли, где больше заплатят. Разведён, детей нет. Нанялся вторым пилотом на этот рейс с увольнением на Новой Московии, где у нас будет промежуточная остановка на дозаправку. Правильно?

– Да.

– Хочешь что-нибудь добавить?

– Нет. Всё правильно.

– Значит, упорствуешь? Неужели, не понимаешь, что раз я занялся тобой, то для этого есть причины?

– Что вы с капитаном от меня хотите? Я не понимаю. Просмотрите записи видеокамер. Я честно и добросовестно исполнял обязанности второго пилота. Да, курил во время дежурства. И что? Причём здесь Служба безопасности «Финансов»?

– Продолжаешь Ваньку валять? Уверен, что видеокамеры не могли записать твои художества? Да, не записали. Есть разрыв в записях всех видеокамер, управляемых с корабельного компьютера. Примерно два часа камеры были отключены, как и все люди на корабле. Кроме тебя! Видишь ли, Дубов, Служба безопасности установила на этом корабле свою систему видеозаписи, автономную. И вот она-то не была отключена! Хочешь полюбобавиться на то, как внезапно заснули пассажиры и команда, как к кораблю пришвартовались чужаки, как ты провёл их в каюту, где хранились секретные документы корпорации «Фи-

нансы», как чужаки сняли копии с документов и покинули корабль? Сам расскажешь, на кого работаешь, или мне применить соответствующие препараты?

– Не стоит. Применение любых препаратов или насилия приведёт лишь к моей смерти. Вы должны знать, как это делается.

– Значит, признаёшь, что ты не Дубов? Кто же ты?

– Его наследник. «Заяц», неожиданно ставший полноправным владельцем билета. Ладно, я расскажу Вам всё, отвечу на все вопросы, только прикажите принести кофе: диалог будет долгим...

Видеозапись №3

– Дубов нанялся на этот корабль с единственной целью: вернуться домой, – начал рассказывать пилот, с нескрываемым удовольствием, прихлёбывая дымящийся ароматом кофе. – Он не знал, что на ничем не примечательном пассажирском корыте, совершающем регулярные рейсы по маршруту Земля – Новый Рим – Новая Московия – Пандора, под видом обычного туриста летит курьер корпорации «Финансы», везущий важные документы. Вы, доктор, – буду уж Вас так называть – уже получили известия о произошедших на Новом Риме событиях после нашего отлёта?

– Каких событиях? Обычная имперская хроника.

– Значит, Паоло Грэхем решил засекретить произошедшее.

– Паоло Грэхем? Шеф личной охраны Императора?

– Да, доктор. Именно люди Грэхема совершили налёт на ваш корабль и скопировали секретные документы вашего курьера.

– Ты меня за дурачка принимаешь? Сказки мне тут сочиняешь? – Кротов нервно достал и раскурил очередную ментоловую сигарету.

– Терпение, доктор! Видимо, мне придётся рассказать Вам всё с самого начала, иначе – не поверите. Вы знаете, что власть Императора неуклонно уменьшается? Галактические корпорации давно отказались от каких-либо расовых или религиозных рамок. Зачем навязывать местным предприятиям чужаков-

управленцев и создавать тем самым лишние поводы для конфликтов и возможных неприятностей? Закон выгоды и благополучия диктует иные принципы организации. Всяческие национальные или религиозные ограничения только вредят. Люди, работающие в галактических корпорациях, ставят их (корпораций) интересы выше, чем национальные или государственные. Вам ли это не знать, доктор? Чей приказ для Вас важнее: главы корпорации «Финансы» или Императора? То-то.

– К чему Вы клоните, Дубов?

– О-о! Мы уже на Вы?

– Ближе к делу!

– Императора весьма раздражает создавшееся положение.

Он поручил своему другу, Паоло Грэхему, найти способ усилить власть императорского дома. Войска в подобной ситуации бессильны, так как «охранные силы» корпораций давно превосходят в любом смысле имперскую армию. Финансовые рычаги тоже в руках корпораций. Фактически, империя уже поделена между несколькими галактическими корпорациями, терпящими Императора, пока он не мешают им.

Грэхем, понимая, что силой и приказами он ничего не добьётся, сделал ставку на науку. Была организована секретная лаборатория, которую возглавил... Имя я Вам не назову. Давно, ещё когда земляне только мечтали о космосе, спецслужбы уже успешно занимались «программированием» людей. Тогда это был гипноз. По воле гипнотизёра человек мог выполнить любой приказ. Любой! Грэхем решил возобновить данные исследования.

Мы работали с энтузиазмом, ведь цели нам были названы иные: борьба с преступностью и доступность знаний, профессий. Извечная мечта человечества о халяве. Не нужно больше годами корпеть над учебниками – достаточно надеть гипношлем, и через несколько минут все необходимые знания в твоей памяти. Мы могли «штамповать» любых специалистов, с любым «опытом работы». Но начали с личной охраны Императора. Потом пришла очередь имперской армии. А группа, занимавшаяся программой перевоспитания преступников, неожиданно получила заказ на «любовь и преданность к Императору». Многие прозрели, эйфория закончилась, возникшие протесты были безжалостно подавлены. Нет, никого не арестовали.

Просто «привили» любовь и преданность. Коллектива учёных не стало – возник отряд фанатиков. Я остался один, пока не «привитый». Моя тема была очень важна для императора, но об этом позже.

Одной любви оказалось мало. Необходимо превратить каждого подданного империи в живого робота, готового беспрекословно выполнить любой приказ хозяина, знающего своеобразный «код доступа». Древние игры спецслужб Земли с гипнозом тут не годились. Человек должен быть в полном сознании, но выполнять любые приказы, как робот. Не взирая даже на инстинкт самосохранения.

Вы, как врач, наверно, помните первые классические опыты, когда крысам вживляли в участок мозга, ведающий наслаждением, электроды, и несчастные животные умирали от голода, потому что вместо того, чтобы есть, постоянно нажимали электрокнопку? Сегодняшние виртуальные игры подростков, не говоря уж о порносайтах, прямые потомки этих древних опытов. Правда, вживлять электроды в мозг сейчас не требуется. Техника развивается. Но те, кто проводит время в виртуальных приключениях, не теряют собственную личность и память. Наше воздействие должно было быть более радикальным.

Когда первые опыты над политзаключенными прошли успешно – вчерашние террористы стали ярыми приверженцами Императора, готовыми выполнить любой приказ Грэхема, – я понял, что приблизилась моя очередь «делать прививку». Как только будет закончена шлифовка программы, и она будет «запущена в серию», мне – как самостоятельной личности – конец. Я знал это и тайно готовился к бегству.

И вот, наконец, этот день настал. Император издал «Указ об обязательном медицинском контроле всех жителей Нового Рима, а также Империи». Скоро должна быть выброшена на галактический рынок новая виртуальная игра, тайной частью которой является наша программа «преданности и покорности». Пока дети будут играть, их убеждения незаметно сформируются в нужном Императору направлении. А у взрослых этот процесс происходит во время «обязательного медосмотра». Вы все во время остановки на Новом Риме прошли медосмотр в имперской клинике?

– Что Вы хотите сказать?..

– Да. Именно это. Во время медосмотра вас всех незаметно «запрограммировали».

– Чушь! Я ничуть не изменил своего отношения к Императору.

– Конечно! Вы же не считаете Грэхема идиотом? Если все подряд сразу после медосмотра возлюбят императора, это ментально бросится в глаза окружающим. Вас запрограммировали, доктор. Вы можете и дальше жить, как ни в чём не бывало. Но однажды к Вам подойдёт человек и скажет определённый код – он у всех одинаков в основе, просто индивидуальной добавкой служит Ваше имя, – и тут старый Василий Петрович Кротов исчезнет, но зато появится новый: верноподданный робот Императора. А может быть, Вам позвонят или пришлют письмо, опубликуют «списки выигравших в лотерею» и тому подобное. С Дубовым случилось именно это.

Грэхем решил «убить двух зайцев»: испытать аппарат и ограбить корпорацию «Финансы». Он каким-то образом узнал, что на вашем корабле летит на Пандору курьер с тайными кодами счетов в банках Новой Швейцарии. Последнее время корпорация «Финансы» всё больше и демонстративнее игнорирует имперские структуры. Это и определило выбор Грэхема. Он решил «получить налоги» старым пиратским способом. Пока ваш курьер доберётся до филиала на Пандоре, на новошвейцарских счетах корпорации будут нули.

Грэхем не знал о ваших видеокамерах, но на всякий случай Дубов получил приказ покончить с собой через полчаса после отлёта пиратов. И никакое расследование не приведёт к Императору. Корабль постоянно был на орбите, ни один человек, кроме команды и пассажиров, на нём не появлялся. Ваши видеозаписи покажут неизвестных в масках и члена корабельной команды – второго пилота Дубова.

– Вы всё время говорите «Дубов», «моя программа». Но Дубов – это Вы.

– От Дубова осталось только тело. Помните, я говорил, что приготовился к бегству. Я, настоящий, сбежать бы не смог. Но мой разум... О пересадке сознания пишут фантасты испокон веков. Больные или старые миллионеры мечтают купить себе бессмертие.

Бессмертие Императора было нашей главной темой, и мне

удалось решить эту проблему. В нашем распоряжении были лучшая лаборатория и личные средства Императора.

Моё тело находилось под непрерывном присмотром. Поэтому я решил пожертвовать им. Когда Дубов проходил медосмотр, я, кроме «программы преданности», «подсадил» в его мозг себя. Конечно, не полную копию, а только именно себя.

Знаете, в мозгу человека хранится информация, собранная всеми его предками. Но она как бы «заархивирована». Иногда человеку удаётся получить доступ к некоторым «файлам». Люди неожиданно для себя и окружающих вдруг начинают говорить на неизвестных им языках, осознают себя совершенно иными личностями. Собственно, человек использует, как правило, около четырёх процентов возможностей своего мозга. Они и составляют его личность. Эти четыре процента я и «переписал» Дубову. Фактически он стал обладателем двух личностей. Вы, как врач, должны знать, что в мозгу человека порой уживаются до пяти разных личностей, не знающих друг о друге. На этом факте построено множество сюжетов развлекательной литературы, особенно детективной. Но в нашем с Дубовым случае он обо мне не знал, а я мог полностью его подавить и «взять управление в свои руки». Однако, решил на время затаиться и бежать с Нового Рима, «зайцем» прокатившись на вашем корабле до Новой Московии. Я ничего не знал о пиратских планах Грэхема, как впрочем, и Дубов, пока во время вахты последнего не получил кодированное послание, превратившее Дубова в послушного робота. Позднее я, конечно, не дал ему убить тело. Но разум бедняги всё же распался. И теперь я – единственный владелиц этого тела.

– Всё, что Вы говорите, Дубов, очень интересно. Вы книги писать не пробовали?

– Не верите мне?

– Нет. Видимо, мне всё же придётся прибегнуть к...

– Не придется. Вы не оставляете мне выбора. Я скажу Вам правду, но только так, чтобы никто другой не услышал. От этого зависит не только моя жизнь.

Дубов достал из кармана аудиоплеер, нажал кнопку записи и что-то прошептал в микрофон, держа плеер так, чтобы тот закрыл от видеокамер его рот, и позднее никто не смог бы

установить сказанное по губам. Когда Кротов надел наушники, Дубов нажал кнопку воспроизведения записи. Врач окаменел в кресле. Глаза его остекленели. Дубов стёр запись, снял с Кротова наушники и улыбнулся в видеокамеру.

– Вот вам требуемое доказательство. Я оставляю все видеозаписи, хотя мог бы приказать Кротову, и тот стёр бы их, а сам забыл о произошедшем. Почему я решил открыть вам всю правду? Император начал войну с человечеством. Поймите и примите это! Надеюсь, вместо охоты на меня, корпорации начнут готовиться к обороне. Без меня вам не устоять. Я почти решил проблему защиты от «программы преданности». Надеюсь, если мне не будут мешать, аналог «антивируса» для человеческого разума скоро будет готов. Для завершения работы мне, естественно, необходимы немалые средства. Поэтому я позволил себе воспользоваться столь неожиданно попавшими в мои руки кодами к новозвейцарским счетам корпорации «Финансы». Пиратов Грэхема ждет сюрприз!

На Новой Московии я сменяю тело Дубова на другое. А, может быть, сделаю это не раз. И не на одно! Чтобы запутать ваших ищек и получить истинно преданных и умных помощников – кому ещё я могу доверять так же, как себе? Поэтому лучше не тратьте время и средства на мои поиски. Фактически я уже работаю на вас и всё человечество. Как невольный спонсор корпорации «Финансы» воспользуется плодами моей работы первой. Это я твёрдо обещаю.

Ваш агент Кротов будет моим рабом, как и любой другой человек, который попытается мне помешать или просто будет нужен для реализации моих целей. Не забывайте: я знаю «код доступа». И только я могу оградить вас от него. Прощайте!

В Совет директоров корпорации «Финансы»

Докладная записка

В дополнение к представленным видеозаписям по теме «Заяц» довожу да вашего сведения:

1. Зафиксированные в них факты подтвердились. Пасса-

жирский лайнер «Карпаты» действительно подвергся пиратскому нападению. Новошвейцарские счета корпорации пусты.

2. «Заяц» беспрепятственно покинул корабль на Новой Московии. Капитан лайнера «Карпаты» Рыков Н.В. и агент СБ Кротов В.П. не приняли никаких мер к его задержанию и аресту как пособника пиратов. Более того, никто из них не сообщил о случившемся в соответствующие инстанции до возвращения на Землю. Рейс лайнера был продолжен согласно расписанию, что дало возможность преступникам беспрепятственно опустошить новошвейцарские счета корпорации.

3. Агент СБ Кротов В.П. и капитан пассажирского лайнера «Карпаты» Рыков Н.В. чётко помнят всё, что с ними произошло, но объяснить своё бездействие не могут. Оба временно освобождены от занимаемых должностей и находятся под домашним арестом.

4. Проследить куда ушли деньги с новошвейцарских счетов до конца не удалось. Однако, наша агентура на Новом Риме сообщает, что Император их не получил. Через неделю после пиратского налёта на лайнер «Карпаты» в застенках Грэхема от пыток погибло пять человек. Это число совпадает с количеством исчезнувших пиратов.

5. Та же агентура доносит, что через день после налёта на лайнер «Карпаты» неизвестные террористы уничтожили со всем оборудованием и персоналом какую-то сверхсекретную лабораторию Грэхема. Ходят слухи, что погибшие от пыток люди ответственны за этот теракт. Служба Грэхема эти предположения не подтверждает, но и не опровергает.

6. «Заяц» пока не найден.

В связи с вышеизложенным, прошу вашей санкции на применение к бывшему капитану пассажирского лайнера «Карпаты» Рыкову Н.В. и к бывшему агенту СБ Кротову В.П. соответствующих технических и химических средств с целью установления того, что обозначено «Зайцем» как «код доступа».

Директор СБ корпорации «Финансы» Л.П. Натия

*Директору СБ корпорации «Финансы»
г. Л.П. Натия
от начальника технического отдела СБ
Я.Г. Малина*

Рапорт

Докладываю:

Согласно Вашему распоряжению рег. № 2905 нашим от-
делом были применены соответствующие технические и хи-
мические средства к двум объектам. Объект А был подвергнут
химическому, а объект Б – техническому воздействиям с целью
получения от них указанной Вами информации. В обоих случа-
ях результатом явился полный и безнадёжный распад личности
объектов. Искомая Вами информация доступными нам средств-
вами получена быть не может. Прошу Ваших указаний о даль-
нейшей судьбе объектов А и Б.

Начальник ТО СБ Я.Г. Малин

ПРОБЛЕМА ВЕСА

Рыцарь с трудом сполз с седла. Дальше придётся идти пешком – склон горы становится слишком крут для коня–тяжеловеса и к тому же густо зарос каким-то колючим кустарником. Логово дракона где-то там, наверху. Вот и бурный ручей, который приведёт рыцаря прямо к пещере с сокровищами. Мальчишка–оруженосец, наслушавшись в последней таверне рассказов об огромном огнедышащем драконе, о десятках рыцарей, отправившихся на гору за сокровищем, которое сторожит чудовище, но так и не вернувшихся назад, в последнюю минуту струсил и наотрез отказался сопровождать сэра Питера дальше. Виновато отводя глаза, он трясущимися руками помог рыцарю нацепить тяжеленные доспехи, крепко затянул кожаные завязки панциря, прикрепил к седлу копьё, шлем, щит, меч и

небольшой бурдючок с вином. Из-за этого трусливого негодяя сэр Питер последний час плавал в собственном вонючем «соку» внутри раскалившегося на летнем солнце железного панциря, потому что без помощи оруженосца, он вряд ли смог бы надеть его перед боем с драконом.

Подойдя к весело журчащему ручью, рыцарь, лязгая по ножем о камни, опустился на одно колено и умылся ледяной водой. Дышать сразу стало легче.

«Интересно, – подумал сэр Питер, – откуда местным крестьянам известно, что этот ручей протекает совсем рядом с пещерой дракона? Никто, ведь, живым с этой горы так и не вернулся!»

Рыцарь снял с коня своё нехитрое имущество и с помощью старого шерстяного плаща попытался увязать его в тюк. Похлопав напоследок по холке флегматично жующего прибрежную травку коня, сэр Питер, кряхтя, взвалил тюк на спину и двинулся в гору по протоптанной его предшественниками тропе вдоль берега ручья. Очень мешало длинное двухметровое копье. Оно цеплялось за ветви кустарника, именно вдоль его древка из тюка регулярно что-нибудь обязательно выпадало: перчатка, шлем или кинжал. Карабкаться в гору в раскалённом тяжёлом панцире было и так весьма нелегко, поэтому рыцарь каждый раз проклинал своего трусливого оруженосца, когда ему приходилось возвращаться назад за выпавшей вещью и заново увязывать дырявый тюк.

Рыцарю казалось, что время остановилось, и он уже неделю карабкается в нескончаемую гору под палящими лучами остановившегося в зените солнца. У сэра Питера было чёткое ощущение, что это не горный ручей шумит на камнях, а хлюпают лужицы пота в его стареньких сапогах. Уронив на землю тюк, рыцарь неожиданно хрипло закашлялся. Его давно пересохшее горло вместо хрустально чистого горного воздуха втянуло порцию отвратительной трупной вони.

«Дошёл!» – Понял рыцарь.

Ручей здесь делал резкий изгиб и исчезал за нависающим над ним скальным выступом. Берега ручья были густо усыпаны костями, кусками гниющей плоти, ржавыми остатками доспехов и оружия.

Питера замутило. Он нагнулся к ручью, но увидел, что дно того тоже усеяно жуткими останками его предшественников –

охотников до чужих сокровищ. Резкий изгиб русла, пороги и железо доспехов не дали воде унести вниз ужасные свидетельства былых сражений. Питер не стал пить отравленную воду. Жажда была невыносима, но рыцарь оставил бурдюк с вином, притороченным к седлу коня. Зачем было его тащить, если путь к пещере дракона пролегал в непосредственной близости от горного ручья?

Сдерживая тошноту, рыцарь вернулся немного назад, туда, где можно было дышать чистым воздухом, сел на прибрежный валун и развязал свой тюк. Убедившись, что все вещи на месте, и ничего не потеряно по дороге, сэра Питер, сдерживая отвращение, осторожно вошёл в ручей и лёг на спину. Ледяная вода почти мгновенно охладила раскалённые доспехи и смыла усталость. Дождавшись момента, когда зубы начали выбивать от холода дробь, рыцарь встал, встряхнулся, как собака – хорошо подогнанные доспехи не гремели. Питер справил малую нужду прямо в ручей, с усмешкой рассудив, что тот не станет от этого грязнее, и, стараясь не поскользнуться на мокрых камнях, вышел на берег.

Расстелив на горячих камнях плащ, рыцарь улёгся на него и расслабился. Он решил отдохнуть и набраться сил перед боем с чудовищем. Очень хотелось есть, пить и спать, но как только жгучее солнце высушило одежду и доспехи рыцаря, тот встал, ещё раз умылся из ручья, стараясь не слизывать капли с губ, надел тяжёлый шлем с узкими прорезями для глаз, толстые кожаные рукавицы, обшитые металлическими пластинками, нацепил на левую руку небольшой продолговатый щит, хотел прицепить к поясу меч, но подумал, что тот при ходьбе будет греметь о доспехи и цепляться за ветви кустов. Вздохнув, рыцарь взял в левую руку копьё, в правую – меч и осторожно пошёл вдоль ручья, безуспешно стараясь не наступать на гниющие останки.

Обогнув скальный выступ, сэра Питер раздвинул густые ветви прибрежного кустарника и увидел в десятке метров за ним тёмный зев пещеры. Оказывается, ручей вытекал прямо из неё. Рыцарь не собирался лезть в логово дракона. Он хотел подстеречь, когда чудовище приползёт к ручью на водопой, и убить его. Теперь хитрый план сэра Питера рухнул.

«Что ж мне так не везёт-то?! – прошипел сквозь сжатые зубы

рыцарь. – Оруженосец – трус, доспехи пришлось тащить самому, еды нет, питья нет, и план боя с драконом теперь новый нужен».

В раздражении рыцарь пнул трухлявое бревно, торчащее из кустов. Неожиданно «бревно» вздулось дугой и захлестнуло рыцаря тугой петлёй. В пяти метрах от Питера из кустарника поднялась огромная змеиная голова, увенчанная кожистым гребнем. Жёлтые глаза с щелевидными вертикальными зрачками злобно уставились на замершего от неожиданности и ужаса рыцаря. Поднявшаяся над землёй гигантская змея и спелёнутый её хвостом рыцарь образовали на площадке перед пещерой огромную перевёрнутую греческую букву «омега».

Дракон сильнее сжал кольцо, пытаясь раздавить добычу. Половинки панциря со скрипом стали прогибаться внутрь, выжимая из груди рыцаря остатки воздуха. Сэр Питер захрипел и, в отчаянии взмахнув мечом, рубанул по «бревну». Дракон зашипел и выдохнул в лицо рыцаря облако пара. Сэра Питера спасли шлем и то, что он не мог дышать и зажмурился от боли.

Рыцарь остервенело рубил мечом то, что мог достать. Брызги драконьей крови пузырились на металле доспехов. Пружина гигантской змеи резко разжалась, и сэр Питер, словно камень из пращи, полетел со скалы в ручей. Оглушённый падением, он лежал в ледяной воде среди гниющих останков и бессмысленно глядел в сияющее над утёсом небо. Шлем от удара сорвало, в голове гудело. Рыцарь разевал рот, как выброшенная на берег рыба, пытаясь заполнить грудь воздухом, но смятый чудовищной змеей панцирь мешал этому. Сэр Питер с трудом сел и с удивлением посмотрел на словно молью изъеденный шлем и превратившийся в кинжал истаявший меч.

«Кислота! – понял рыцарь. – В крови и слюне чудовища сильная кислота. Вот тот «огонь», которым «плюёт» в своих врагов дракон».

Сэр Питер разрезал остатками меча кожаные завязки панциря. Половинки разошлись, и дышать сразу стало легче. Стараясь не спускать глаз с нависшего над ручьём утёса, рыцарь задом, на ощупь, оскальзываясь на камнях и останках, попытался к противоположному берегу. Он почти добрался, когда на фоне безоблачного неба над утёсом поднялась голова гигантской змеи.

– Господи, помоги мне! – в предсмертном ужасе прошеп-

тал рыцарь, глядя, как чудовище всё выше вздымает своё огромное тело.

С изумлением сэра Питер увидел, как раздувается бревноподобное тело змеи, как словно из ниоткуда вырастают короткие передние лапы с длинными кинжалоподобными когтями на них. И вот уже не змея, а огромный дракон стоит на краю утёса на задних лапах и хвосте, злобно глядя на непрошенного гостя внизу. Неожиданно между задними и передними лапами чудовища распахнулись огромные паруса кожистых перепонки, и дракон взмыл в воздух. Глядя на падающую на него смерть, рыцарь в последнем усилии рванулся назад, но упёрся спиной в прибрежный валун. Смирившись с неизбежным, сэра Питер закрыл глаза. Он ждал смерть, но её всё не было. Где-то рядом страшно шипел, бил крыльями и хвостом по воде дракон, а рыцарь оставался жив и невредим!

Сэра Питер открыл глаза. Нанизавшись горлом на его торчащее вверх копьё, над рыцарем бился в конвульсиях дракон. Тупой конец копья глубоко ушёл под прибрежный валун, прислонившись к которому сидел в воде рыцарь. Остриё копья вышло из левого глаза чудовища, туша которого стала проседать по древку всё ниже и ниже, грозя погрести под собой незадачливого рыцаря. Сэра Питер неуклюже выскользнул из-под него, стараясь не попасть под удар когтистой лапы или струи кислотной крови. Отбежав от агонизирующего чудовища подальше, рыцарь отбросил пузырящийся от драконьей крови щит и огрызок меча. Он остался совершенно безоружен!

Сэра Питер огляделся. Вокруг валялись ржавые остатки рыцарских мечей, булавы и кинжалов. Наконец, в прибрежных кустах сэру Питеру удалось найти неплохо сохранившуюся секиру. Видимо, её бывший владелец совсем недавно пытался «освободить сокровище».

«Может, подождать, пока гад сам издохнет? – подумал рыцарь, глядя на судороги дракона. – А если нет? Кто знает, насколько эта тварь живуча? Ишь, как бьётся! Того и гляди, либо сама освободиться, либо копьё выдернет. Нет, ждать нельзя!»

Рыцарь осторожно подкрался к дракону со стороны выколотого глаза и, широко размахнувшись, что есть силы рубанул чуть ниже насаженной на копьё головы. Ударом перепонки ры-

царя отбросило на несколько метров. С трудом выбравшись из кустарника, сэр Питер ощупал себя. Его вновь спас панцирь. Рёбра, кажется, целы, хотя вся грудь наверняка представляет собой сплошной синяк. Подобрал по пути выпавшую из рук секиру, рыцарь вернулся к дракону. Конечно, он не смог одним ударом отрубить тому голову, но, судя по всему, сумел перебить позвоночник. Голова чудовища, спустившись по древку копья, лежала на валуне, а бревноподобное вновь тело беспомощно извивалось в конвульсиях в ручье. Перепонки и лапы со страшными когтями исчезли. Из пасти змеи шипя и пузырясь вытекала кровь, смешанная со слюной.

Рыцарь встал в позу дровосека и, громко хакая, принялся деловито рубить. Опыта у него в этом деле не было никакого, а потому брызги крови и ошмётки мяса летели во все стороны. Хорошо, что ручка секиры была достаточно длинной, иначе наш герой не уберёгся бы от «драконьего огня».

Рыцарь почти полностью выбился из сил, пока ему удалось отделить голову гигантской змеи от тела. Отбросив остатки изъеденной драконьей кровью секиры, и сняв остатки своих доспехов, рыцарь, забыв о брезгливости, вошёл в ручей чуть выше ядовито кровоточащих останков и умылся, не обращая внимания на кости и куски тел на дне. Потом потёр гудящую с непривычки поясницу и пошёл к пещере...

– Ну, вот и всё. Вставайте, Пётр Иванович. Как ощущения? – Мускулистый врач, живая реклама фирмы, помог Питеру сесть. – Ещё несколько сеансов, и Вы станете обладателем фигуры древнегреческого атлета.

– Вы меня обманули! – хмуро сказал Питер, освобождаясь от шлема виртуальной реальности.

– Выбирайте выражения, молодой человек! – Улыбка исчезла с лица врача. – Наша фирма гарантирует, что за один сеанс, продолжительностью полтора часа, клиент избавится минимум от трёх килограммов лишнего веса. Вы же скинули почти пять! – Врач показал Питеру на электронное табло весов, встроенных в топчан виртуального тренажёра.

– Я не об этом, – отмахнулся Питер. – Вы мне обещали, что я буду худеть в процессе захватывающего виртуального приключения. Так?

– Разумеется! Наша методика построена на этом. Когда вам снится, например, кошмар, Вы просыпаетесь в холодном поту, сердце учащённо стучит в груди, мышцы напряжены и тому подобное. Вы спасались от мнимой опасности во сне, а ваш организм реагировал так, как будто всё происходит в реальности. А эротические сны? Признайтесь, Пётр Иванович, Вы не раз просыпались после таких снов в соответствующем состоянии, а то и более конкретные последствия обнаруживали на простынях своей постели.

– В пещере дракона никаких сокровищ не было! Это обман! – выдавил побагровевший Питер.

– Ах, вот Вы о чём! Ваше сокровище, дорогой Пётр Иванович, это – сброшенные килограммы и накачанные мышцы. – Засмеялся врач. – А победа над чудовищем – это просто дополнительный моральный бонус. Ну, Вы же – взрослый человек, студент пятого курса нашего университета, ну сами подумайте: зачем дракону золото, алмазы и прочие драгоценности? Да и где он их возьмёт? Это же животное! Как волк или медведь. Все их желания – хорошо пожрать и безопасно поспать.

– Ничего себе бонус! – Жирные щёки Питера тряслись от возмущения. – Эта поганая змея меня чуть не убила! У меня всё тело болит.

– Уверяю Вас, Пётр Иванович, Вы были в полной безопасности. Наши клиенты всегда побеждают. Всегда! Никакого риска для жизни и здоровья. Фирма гарантирует. А боль естественна. Разве у Вас её не было после упражнений с гантелями или обычного велотренажёра? Ваши мышцы хорошо потрудились, пока Вы сражались с драконом.

Врач подал Питеру бокал какой-то зелёной жидкости.

– Вот, выпейте. Жажда-то, небось, мучит?

– Ещё бы! – Питер залпом проглотил прохладный напиток. – А что это?

– Стимулятор. Совершенно безвредный, не беспокойтесь. Вкупе с обезболивающим. А теперь попробуйте встать. Голова не кружится? Вот и отлично! Душ за той дверью, Пётр Иванович. Там же и Ваша одежда. Одноразовую пижаму, что сейчас на Вас, бросьте в мусорный контейнер. На нём есть соответствующая табличка, не ошибётесь.

Разъярённый Питер в одних трусах вывалился из душа.

– Что это такое? – заорал он, выпячивая вперёд тряскую, как студень, грудь, на которой мокро блестяло всеми цветами радуги пятно огромного синяка. – Это – ваша хвалёная безопасность? А если б дракон меня укусил или забрызгал своей кровью, в каком виде я бы встал с вашего тренажёра? И встал бы вообще?

– Успокойтесь, Пётр Иванович, не надо так кричать, – озлобленно ответил врач, нажимая кнопку вызова медсестры. – Принесите успокоительное и мазь от ушибов, – приказал он вбежавшей девушке.

– А если б дракон меня убил?! – взвизгнул в ужасе Питер, плюхаясь в кресло, ноги его не держали.

– Это исключено! – твёрдо ответил врач. – Наш клиент всегда побеждает. Ранить, а тем более изувечить его совершенно не возможно. О смерти же вообще речи не может быть. Сюжеты к нашему виртуальному тренажёру писали лучшие программисты страны. Приборы непрерывно контролируют состояние клиента и в случае малейшей опасности для его здоровья – Вашего здоровья, Пётр Иванович! – немедленно прекращают сеанс.

Вопедшая медсестра ловко сделала Питеру укол и начала наносить на синяк толстый слой какой-то жёлтой вонючей мази.

– Я подам на вас в суд! – Оттолкнул медсестру Питер. – За моральный и материальный ущерб. Вы обещали мне похудение в комфортных условиях, а не синяки.

– Вы, молодой человек, видимо, невнимательно читали договор. – Холодно усмехнулся врач, взмахом руки отпуская медсестру. – Там есть пункт 23.4.13, в котором оговорено, что фирма не отвечает за последствия, если клиент окажется ярко выраженным стигматиком. Наши юристы не зря едят свой хлеб.

– Что ещё за стигматики? – растерянно пробормотал Питер. – Нет в договоре никаких стигматиков.

– Разумеется, в договоре применены научные определения и юридические формулировки. Это я для Вас упростил суть. Вы, ведь, знаете, кто такие стигматики, Пётр Иванович? – ехидно поинтересовался врач.

– Конечно, знаю! – Обиделся Питер. – Какие-то религиозные фанатики, у которых иногда появляются кровоточащие раны на руках и ногах, как у Христа, прибитого к кресту.

– Так вот, дорогой Пётр Иванович, как оказалось, Вы тоже

обладаете подобными способностями. То бишь, Ваш организм реагирует на воображаемую рану так, как будто она настоящая, и эта рана, в данном случае синяк, реально появляется на Вашей груди. Это создаёт нам с Вами определённую проблему.

– Вы хотите сказать, мне придётся вернуться в обычный спортзал к велотренажёрам, гантелям и штангам? – уныло протянул Питер.

– Вовсе не обязательно! – Всплеснул мускулистыми ручищами врач. – Просто придётся отказаться от экстремальных сюжетов, всяких там битв и сражений, гладиаторов и пиратов, рыцарей и мушкетёров, столь любимых людьми вашего возраста. Но у нас есть масса и менее опасных в плане травматизма приключений. Альпинизм, например. Не желаете, Пётр Иванович, подняться на Джомолунгму?

– Нет, спасибо! – резко отказался Питер. – Я уже достаточно сегодня полазил по горам. К тому же мне не хочется после сеанса лечить возможные обморожения.

– Да, простите, не подумал... – Врач вывел на экран компьютера какой-то список и начал его быстро просматривать. – А вот и то, что Вам нужно! – Наконец радостно воскликнул он. – «Гарем султана»! Никакого риска, масса удовольствий, и синяки только от поцелуев страстных красавиц. Фирма гарантирует потерю не менее четырёх килограмм лишнего веса за сеанс! Целый час сплошных удовольствий. Как Вам такой сюжет, Пётр Иванович? Впрочем, если у Вас несколько иная ориентация, то у нас есть тут...

– Нет, гарем подойдёт! – поспешил ответить побагровевший Питер.

– Да уж, такие синяки украшают мужчину. – Понимающе улыбнулся врач. – Значит, ждём Вас завтра. Не опаздывайте.

ВЕДЬМАК

Злой, как чёрт, я ввалился в вонючую духоту поселкового магазина. В этот послеобеденный час в нём почти никого не оказалось, только молоденькая продавщица доставала из ящика бутылки с водкой и заполняла ими пустые полки, да у прилавка маялся какой-то маленький, похожий на бомжа мужичонка.

– Где у вас тут сорок восьмой дом? – рявкнул я с порога.

Очередная бутылка выскользнула у девушки из рук, и запах разлитой водки моментально заглушил все остальные.

– Ты что, мужик, очумел? – Повернулся ко мне недомежок. – Рази ж можно в такой момент под руку говорить?

– Извините! – раздражённо буркнул я застывшей продавщице. – Я заплачу за разбитую бутылку, только ответьте на мой вопрос.

Та молча взяла веник и начала заметать осколки.

– Понятно... – процедил я. – Посёлок сплошных партизан! Вот только я не из гестапо, а вы не на допросе.

Я повернулся к жадно приносивавшемуся «бомжу».

– Может, ты проводишь меня к сорок восьмому дому? Пузырь за мной.

– Серый, ты? – Неожиданно заулыбался тот. Его зубы напоминали остатки полуразрушенного гнилого забора, окружавшего покосившуюся голубятню рядом с поселковым магазином. – Вот так встреча! Это ж я, Толян. Мы с тобой в детстве в одном доме жили, на Ленина, помнишь? Только я в первом подъезде, а ты в четвёртом.

– Толян? Извини, что-то не припомню. Я жил когда-то на улице Ленина. Но...

– Клава, дай-ка нам пару бутылок «Кристалла». Ща мы с тобой, Серёга, раздавим эти пузырьки, и ты всё вспомнишь.

Я полез за портмоне, но Толян возмущённо отмахнулся и, достав несколько смятых бумажек из кармана грязных драных джинсов, бросил их на прилавок. Продавщица с непонятной мне ненавистью сунула моему неожиданному знакомцу две бутылки водки, как-то брезгливо, даже с отвращением, взяла его деньги и положила в кассу. На меня она старалась не смотреть.

В дом Толян меня не пригласил. Мы устроились в саду, за старым железным столиком под цветущей яблоней. Смахнув рукавом грязной водолазки хлопья облупившейся краски и прочий мусор, Толян расстелил газету, придавил её по краям консервами и банками с соленьями, сноровисто порезал крупными кусками хлеб.

– Ну что, за встречу? – Наконец перестал он суетиться.

– За встречу, – согласился я, хотя так и не смог его вспомнить.

– Двадцать лет прошло. – Захрустел огурцом Толян. – И я бы тебя не узнал, если б...

Он не договорил и начал разливать по второй.

– Слушай, Толян, что за народ тут у вас в посёлке живёт? Поверишь, кого ни спрошу, где этот чёртов сорок восьмой дом, никто не отвечает! Шарахаются, как от чумного. А номеров на домах нет. Ты-то хоть покажешь?

– Это ты верно сказал: чёртов дом. Зачем он тебе?

– Да вот, жена прочла объявление в газете. Хозяева предлагают продать или обменять на квартиру в городе. А ей уж очень хочется огород завести, живность всякую. Мне этого не понять, я в городе вырос, а она – деревенская. В деревню я бы ни за что не поехал, а сюда, в посёлок, можно.

– Моя тоже деревенская была. – Загрустил вдруг Толян. – Это её дом. Сам помнишь, как трудно было тогда с жильём. Вот я и попал сюда, в примаки. Да особо и не сопротивлялся. Мне с Любашей моей и в шалаше был бы рай. Теперь один вот кукую. Давай за наших жён!

Мы выпили. Я не стал расспрашивать Толяна, что стало с его Любашей. По всему видно, что он давно уже живёт один. Огород зарос сорняками, никакой живности во дворе не видеть, одет Толян, как бомж, давно не брит и не мыт. И дом выглядит таким же неухоженным и пустым, как хозяин. И даже крыша так же криво накрывает почерневшие брёвна стен, как засаленная кепка голову Толяна.

– Далеко отсюда сорок восьмой дом?

– Рядом, – хмуро ответил Толян, яростно взрезывая тупым ножом какую-то рыбную консерву. – Только тебе там искать нечего.

– Почему это?

– Потому. Скажи своей жене, что дом тот давно продан. Это когда-то здесь была деревня – «Протопопово» называлась. А теперь город вокруг, трамвай ходит, и мы сейчас – «посёлок имени Кирова», да и то только по названию, а по факту – городской район. «Новые русские» как обезумели. Скупают дома и участки, дворцы строят, газ с электричеством провели, телефонный кабель тянут. Ко мне вон тоже регулярно подкатывают, гады! То золотые горы сулят, то утопить пьяного в колодце грозят или сечь в дому – всё одно, говорят, твою развалюху носить!

Толян слил остатки водки в свой стакан и быстро выпил.

– Ты сюда, Серёга, больше не приезжай. И жене своей толкуй: пусть ищет дом где угодно, только не в нашем посёлке. А лучше оставайтесь в своей квартире.

Толян проводил меня до трамвайной остановки.

– Прощай, Серёга. Так и не вспомнил меня? Ладно, я не обижаюсь. А школу нашу спортивную помнишь?

– Тяни носок! – Громкий шлепок, и я чуть не падаю от жгучей боли с турника. Сквозь выступившие слёзы вижу, как тренер, идя по залу, щедро раздаёт шлепки и ругательства. Почему он был так груб и жесток с нами, мальчишками и девчонками, пришедшими к нему учиться спортивной гимнастике? Натура у него была такая, или просто срывал на отданных в его власть безответных детях своё дурное настроение? А хорошего настроения у этого человека никогда не было. Вымещал на нас обиду за собственную неудавшуюся спортивную судьбу? Или неудачи в личной жизни? А, может, это был общепринятый тогда метод, стандарт спортивного воспитания молодёжи? В восточных боевиках мастер-азиат часто бьёт своего ученика бамбуковой палкой, когда тот что-то неправильно делает. Но этот ученик – уже здоровый мужик, пытающийся стать «круче» своего «близнеца-злодея», а не десятилетний ребёнок. Неужели, жестокость и побои – метод воспитания спортсмена?

Через несколько лет, уже будучи студентом института и посещая занятия по гимнастике, а затем по тяжёлой атлетике, я ни разу не видел, чтобы тренеры кого-нибудь били, оскорбляли или даже просто повысили голос. Но было уже поздно: между детской спортивной школой и институтом пролегли годы без спорта, определившие мою судьбу. Спорт перестал меня привлекать. И не только грубиян-тренер был тому причиной.

Наша детская спортивная школа занимала здание церкви Петра и Павла на старом купеческом кладбище. Кроссы мы бегали вдоль красивой кирпичной стены, порой прыгая через могилы. Отдыхали сидя на поваленных мраморных надгробиях, рассматривая непривычные надписи с ятями и фитами о «рабах Божиих». Могилы нас не пугали.

Несмотря на грубость и побои тренера, я продолжал ходить в спортшколу. Но город рос, и старое купеческое кладбище неожиданно оказалось в его новом «центре», причём власти именно здесь решили построить здание горсовета. Партийное и городское начальство не желало наблюдать из окон своих кабинетов кладбище явных врагов советской власти: купцов и именитых горожан дореволюционного периода. Было решено кладбище «перенести» и создать на этом месте мемориальный парк с аллеей героев, скульптурой Родины–матери и «вечным

огнём». Мраморные надгробия были снесены, «лишние» вековые деревья выкорчёвывались. Экскаватор рыл огромный котлован под мемориал. Рабочие несли жёнам найденные в могилах старинные монеты, кольца и перстни, а пацаны тащили в свои дворы черепа и кости. Несколько дней на крышах многих домов щёлкали на ветру челюстями надетые на телевизионные антенны черепа, вызывая восторг у дворовых банд. Мы, дети, не понимали всего ужаса происходящего. Взрослые молчали, но кто-то всё же лазил по ночам на крыши и снимал черепа. А днём пацаны приносили со «стройки» новые и насаживали на антенны.

Спортивная школа в помещении церкви Петра и Павла была ликвидирована, и вместо неё там создали музей боевой славы. Через несколько лет я принёс сюда ордена и медали деда, но директор отказался их принять, так как я не мог ничего рассказать о военных подвигах, за которые были вручены эти награды. Дед никогда не рассказывал мне о войне. И в этом музее для его орденов и медалей не нашлось места. С тех пор я в него никогда больше не зашёл. А награды деда висят у меня дома на стене, на самом видном месте.

– Серый, ты? Опять?

– Привет, Толян. Вот приехал. Ты, ведь, меня обманул в прошлый раз. Дом-то, сорок восьмой, до сих пор не продан. Жена опять объявление в газете прочла.

– Что ж, видно не зря судьба нас с тобой опять свела. Не ходи ты туда. Я ж тебе говорил: ищите себе дом где угодно, только не в нашем посёлке.

– Да почему?!

– Посмотри на меня. – Толян снял кепку. По его совершенно лысой голове змеились страшные шрамы. – Видишь, что со мной тут стало? А Любаша моя, дети наши – вообще сгинули! И не только они. Думаешь, почему тебе никто дорогу к тому дому не показывает? Не задумывался, почему этот проклятый дом никак постоянного хозяина найти не может? Почему за дом с огромным участком практически в черте города, а не где-то за пятьдесят километров в захолустной деревушке, просят так мало?

– Чего ты меня пугаешь? Чем? А что мало просят и обменять на квартиру согласны, так в газете прямо написано: дом требует ремонта. Вот я и хочу посмотреть, в каком он состоянии, что за участок. Чего ты так возбудился-то, Толян?

– Да, мотыльки летят на свет свечи, а попадают в её огонь. Пойдём, Серёга, возьмём у Клавки пару пузырей, закусь какую-нибудь. Я расскажу тебе всё, что знаю и помню про тот дом. А там решишь, захочешь ли ты его смотреть...

На этот раз мы сидели в доме. Небо с утра хмурилось, и теперь по железной крыше гулко хлестал дождь. Электричества Толян так и не провёл, окна почему-то были наглухо закрыты ставнями, и мы сидели в жёлтом круге света допотопной керосиновой лампы.

– Ну что, так и не вспомнил меня?

– Извини, Толян. Дом на Ленина, помню, школу спортивную тоже...

– Ладно, не ломай голову. Щас раздавим первую, я тебе такой «маячок» зажгу...

Пока хозяин готовил стол, я постарался немного осмотреться. В колеблющемся свете керосиновой лампы многолетняя грязь, пропитавшая некогда пёстрые домотканые дорожки половичков, смотрелась каким-то абстрактным узором. Печь зияла открытым «ртом», полным слежавшейся золы и какого-то мусора. Её когда-то белые стенки покрывали серые разводы пыли, паутины и отпечатков ладоней, по-видимому, пьяного хозяина и его гостей. За печкой виднелась широкая двуспальная кровать, от которой воняло несвежим бельём. Судя по виду, это бельё не менялось несколько лет и впитало все возможные выделения пьяного хозяина.

– Давай откроем окошко? – предложил я. – Тут у тебя явно не хватает озона.

– Нельзя. У меня ставни забиты намертво гвоздями. Потерпи, скоро привыкнешь. А дождь кончится, тогда, если захочешь, в сад переберёмся, под яблоню.

– Ну, рассказывай, – закусив первую, попросил я. – Давай свои «маячки».

– Торопишься? Школу спортивную, говоришь, вспомнил? А помнишь, почему ты перестал в неё ходить?

– Так ведь закрыли её! Кладбище снесли, мемориальный парк там теперь.

– Да, понятно теперь, почему ты меня никак вспомнить не можешь. Я догадывался, потому и не обижаюсь. Наливай! Ух, хороша, зараза! Повезло: не подделка попалась. Настоящая, «кристалловская».

Так вот, Серёга, школу нашу спортивную тогда вовсе не закрыли, а перевели в другое место. Но ты в новое помещение ни разу не пришёл. Заболел ты сильно, после того, как на наших глазах склеп вскрыли. Помнишь?

На кладбище было несколько склепов. Этот стоял в стороне от других, прилепившись к кирпичной ограде, и даже простых могил рядом с ним почему-то не было, хотя в иных местах холмики теснились чуть ли не вплотную. В отличие от прочих склепов и надгробий, на этом не было привычных нам надписей: «Здесь лежит раб Божий...» или «Покойся с миром...». Только имя и фамилия. Мы совершенно спокойно лазали в другие склепы. Железные двери и решётки с них давно уже были сняты и сданы пионерами на металлолом. У этого склепа дверь висела, хоть замок и был давно сорван. Никто из нас почему-то не мог заставить себя открыть эту ржавую дверь и войти внутрь. У любого смельчака, пойманного на «слабо», в последний момент отказывали ноги, сердце сжималось от непонятного ужаса, а тело покрывалось мурашками. Кроме того, мы откуда-то точно знали, что внутри всегда полно змей, хотя никогда их не видели вползающими туда или выползающими оттуда. Каких только ужасов не рассказывали мы друг другу о «вампирах из склепа», отдыхая между крестами на поваленных надгробиях. Поэтому, когда кладбище начали «переносить», и бульдозер зарычал рядом с загадочной постройкой, вся наша школа, включая мрачного тренера, бросив занятия, сгрудилась поблизости.

Надо сказать, что власти не все могилы пустили под бульдозер и экскаватор. У многих захороненных на старом кладбище нашлись живые родственники, которым «было оказано содействие» в перезахоронении «буржуев» на новом кладбище. Нашлись такие родственники и у «вампира».

Склеп действительно оказался заполнен змеями, и бульдо-

зерист сначала плеснул внутрь ведро солярки и бросил горячую тряпку. Когда с гадюками было покончено, солнце стояло уже в зените. Но главное препятствие ждало рабочих впереди. Крышка огромного саркофага оказалась примурована раствором по древнему русскому рецепту, по которому была построена кирпичная ограда вокруг кладбища и сама кремлёвская стена. Открыть саркофаг оказалось невозможно, а разбить не позволяла теснота помещения. Выволочь саркофаг наружу не давала узкая дверь. Видимо, склеп был построен уже вокруг захоронения. Были остановлены работы по разрушению «лишних частей кладбищенской ограды», и стенобитная машина начала крушить склеп.

День клонился к закату, первую смену рабочих сменила вторая, набежали тучи, и вскоре заморосил мелкий противный дождь. Но толпа зрителей не расходилась. Наоборот, она увеличилась за счёт пришедших с работы мужчин и женщин и присланных властями города милиционеров.

Наконец матерящиеся рабочие разгребли обломки с огромным трудом разрушенного склепа и начали долбить кувалдами крышку саркофага. Толпа, сминая жидкую цепочку милиционеров, придвинулась поближе, оттеснив нас назад, и мы полезли на уцелевшие кладбищенские деревья, чтобы не пропустить ни одной подробности. Бульдозер и экскаватор давно утихли. Люди стояли молча. Шелест дождя не мог заглушить грохот кувалд. Ветви дерева были скользкие, мокрые листья противно липли к лицу и рукам. Мы с Толяном успели занять самые лучшие места и теперь сидели, как в театре, разве что тряслись от сырости и нетерпения. Саркофаг был прямо под нами.

И вот, наконец, крышка разбита и удалена вместе с гнилыми остатками гроба. Народ ахнул, увидев вместо скелета сморщенную мумию, к тому же лежащую на животе!

– Ироды! – заахали женщины. – Живём бедолагу похоронили.

Хмурые родственники, скользя в мокрой жиже земли и мусора, расквашенной техникой и сапогами рабочих, кинулись переносить мумию в приготовленный гроб. Крик ужаса чуть не сбросил нас с дерева. Голова мумии осталась лежать в саркофаге. Она оказалась отрублена! В рот был вбит деревянный кол.

– Оборотень! – завизжали в отхлынувшей толпе.

Передние ломились назад, задние напирали вперёд, желая своими глазами рассмотреть происходящее. Один из родственников торопливо схватил голову мумии и понёс к гробу. И тут голова открыла глаза. Судорожно всхлипнул рядом со мной Толян. Жёлтые глаза со змеиным вертикальным зрачком уставились прямо на меня.

– Ведьмак! – истошно заголосила какая-то женщина, и я тяжело рухнул с дерева вниз...

– Ведьмак... – прошептал я.

– Вспомнил, наконец. – Довольно ухмыльнулся Толян и разлил по новой.

– Вспомнил. Мы с тобой на одной ветке сидели...

– Да, знатно ты тогда шмякнулся! Прямо на того бедолагу, что голову отрубленную нёс.

– Но почему же ты мне потом ни разу не встречался?

– Ты, Серёга, тогда несколько дней в больнице без сознания пролежал, потом болел долго, а когда выздоровел, твои родители уже с нашего двора переехали куда-то.

– Точно! Я ж после Ленина на Советской жил. Новый двор, новая компания, новая школа. И вместо спортивной меня, помню, в музыкальную записали. Надо же, столько лет не вспоминал этот отрезок своего детства. Серьёзно, видать, доктора надо мной колдовали!

– Это, Серёга, не доктора колдовали. Это он.

– Кто?

– Да ведьмак же!

– Погоди, Толян, ты о чём?

– О том. Я ж об этом тебе с самого начала толкую, а ты никак не поймёшь! Здесь он, в том самом сорок восьмом доме обитает.

– Ты что, очумел? Или водяры перепил? Он же труп давно.

– Был труп. А теперь живее всех живых. Давай ещё по одной. Ты хоть знаешь, кто такие ведьмаки?

– Ну, читал, в кино видел. Бьются с чудовищами, защищают людей...

– Читал он, кино смотрел, – процедил Толян. – Не то ты

читал, Серый, и не то смотрел. Ведьмаки, как и ведьмы, говорят, бывают добрыми. Но это редкость, как те белые вороны. Настоящая сущность ведьмака – зло! А добрые, наверно, только в твоих книжках бывают или в сказках. Эти твари – настоящие оборотни. Могут превращаться в кого угодно. Я даже не представляю, каков их настоящий облик. Может они и не люди вовсе, а какие-нибудь драконы или ещё кто. Все ведьмы подчиняются ведьмаку, потому что он гораздо сильнее любой из них. Ведьмак может дунуть человеку в рот, и у того выпадут все зубы, посмотреть в глаза таким взглядом, что человек тотчас заболит и умрёт. Ты, вот, выжил. Видать, у мумии не те силы, что у живого и здорового ведьмака.

– И ты говоришь, он здесь?

– Здесь. Крематория у нас нет, а жечь мумию на костре родственники побоялись. Властей побоялись, идиоты, не ведьмака! Привезли мумию сюда, в посёлок, и похоронили на местном кладбище. А через несколько лет, когда гроб прогнил, и на мумию стала лить после дождей земляная жижа, эта тварь ожила, набралась сил и выбралась из могилы. И голова у неё приросла на место!

С тех пор ведьмак стал пожирать местных жителей. А те молчат! Страх не даёт им бежать отсюда, а тем более рассказать кому-нибудь вне посёлка о чудовище. Да и кто им поверит? Они и между собой-то никогда не говорят об этой нечисти.

Когда я сюда переехал, ведьмак сожрал уже всех родных моей Любаши. А она мне об этом ни слова! Прямо гипноз какой-то. Я спрашиваю, где твои родители, она мне в ответ, мол, уехали к родичам погостить. Недели проходят, месяцы – от них ни одного письма! А Любаша и не волнуется. Я удивляюсь, а она говорит: «Радуйся, что никто в нашу жизнь не лезет. Разве плохо нам вдвоём?»

Годы прошли, детишки у нас народились, близнецы – Саша и Маша. Как стали бегать по посёлку, так он их и пожрал! Тогда только мне Любаша всю правду и открыла.

Я – в милицию. Участковый у нас из местных был, Пашка Лось. Здоровенный детина, под два метра ростом. Очень волейбол любил. Каждый день с компанией себе подобных мячиком перебрасывался. А бумаги заполнять для него сущей мукой было. Так он, ежели кто хулиганил, со всей своей волейбольной

кодлой приходил и так нарушителя отделявал, что тот потом несколько дней пластом лежал. Зато начальство Пашку уважало. Наш посёлок по всем показателям в передовые вышел, а Пашку у нас забрали – на повышение пошёл.

Ну вот, пришёл, значит, участковый к нам, а дети во дворе играют! Пригрозил мне Пашка морду набить за такие шуточки и пошёл дальше мячик через сетку перекидывать, а вместо детей передо мной уже ведьмак стоит и зенки свои змеиные щурит. Жди, говорит, как только твоих детёнышей переварю, за женой твоей приду. А я стою, как каменный. Хочу бежать, ноги не слушаются. Язык примёрз – слова в ответ сказать не могу. Целый час так простоял, как статуя.

Уговорил Любашу бежать, но как только за посёлок выйдем, ноги сами назад нас несут. И так тут со всеми! Сколько народу в посёлке ведьмак пожрал, никто не ведает. Ежли кто пропадает, родственники говорят, мол, уехали то ли на заработки, то ли к дальним родственникам. К властям никто и не суётся. Так и живём.

– погоди, Толян, а как же ты-то?

– Я-то? Меня он наказать решил. Я, ведь, когда он за Любашей пришёл, стрелял в него. Не сам, конечно. Забил намертво ставни, снарядил самострел. Как ведьмак дверь открыл, так заряд картечи ему в брюхо и влепило. А мы-то сами, с Любашей, как парализованные сидели. После выстрела паралич с нас спал. Ведьмак когда боль чувствует, контроль над жертвой теряет.

Стала Любаша заговор против него читать, который у местной знахарки взяла, а я на нас и него «святой водой» брызгать. Бежать-то бесполезно: дальше околицы не уйдём. Вот и хватились за соломинку, хоть оба тогда неверующими были и даже когда-то в комсомоле состояли. Как щас помню: ходит моя Любаша вокруг этого корчащегося в муках гада и дрожащим от страха голосом читает раз за разом: «Молитв ради Пречистыя Твоя Матери, благодатный свет мира, отступи от нас, нечестивый, змея злая, подколотная, гадина люта, снедающая людей и скот, яко комары от облаков растекаются, тако и ты, опухоль злая, разойдись, растянись, от раба божьего Анатолия и рабы Божией Любви. Все святые и все монастырские братья, иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовные святые лики, станьте нам на помощь, яко в дни, тако и в нощи,

во всяком месте, рабу Божьему Анатолию и рабе Божьей Любви. Аминь».

Только, Серёга, что ему эта картечь и заговоры? Поревел полчаса, а потом встал перед нами здоровёхонек, как ни в чём не бывало! Разозлился только жутко. «Глупые людишки! – шипит. – Я ходил по этим местам, когда даже птиц ещё не существовало. Динозавры служили мне миллионы лет. Я учил ваших волосатых предков добывать огонь. Тысячи лет я был их богом. Они называли меня Велесом и приносили мне жертвы. Когда ваши предки стали жечь идолов и вырубать священные деревья, я ушёл отсюда в места, где меня стали звать Драконом. Я был богом, воином, учёным, царём! Мне известны все ваши жалкие желания и уловки. Вы всегда были и останетесь только моими игрушками, пищей для ума и тела».

Тут он стал на наших глазах меняться! В какого-то змея превратился. Прямо дракон или огромный крокодил со змеиной головою. И стал на моих глазах Любашу живьём жрать. А я опять стою, как статуя, и даже глаза зажмурить не могу! Натянулся на Любашу, как перчатка на руку, а потом и меня начал заглатывать. Я хоть ничем двинуть не мог, но всё чувствовал! Как только коснулся его поганый язык моей головы, потекла драконья слюна, меня как огнём обожгло! Видать, кислота у него вместо слюны. Слава богу, в глаза не попало. Только волосы начисто сгорели, да вот шрамы остались. Теперь и летом на улицу без кепки не выхожу.

– Как же ты выжил?

– Передумал он. «Я сейчас сыт, – говорит. – Живи пока, но помни: с этого момента ты – мой раб. Будешь приводить мне раз в месяц жертву вместо себя. Лучше не из местных. Приведёшь – значит, ещё себе месяц жизни купил, не приведёшь – я тебя сожру, но не сразу, а по частям, и начну не с головы». Вот почему, Серёга, ты меня у трамвайной остановки-то встретил...

– Значит, Толян, ты меня?..

– Да ты что, Серый?! Я ж тебя с самого начала отговаривал. Пусть я – гад распоследний, но уж тебя-то я ему не сдам. Божьей у вас в городе пока хватает, а тут ещё и всякие нищие, беженцы с Кавказа и прочих азиатских республик появились. Да не смотри ты на меня так! Жить, Серёга, всем хочется, а своя рубашка всё же ближе к телу.

Мы выпили очередную. Толян хрустел огурцом, а у меня неожиданно разболелась голова. Перед глазами дрожало какое-то марево.

– Слушай, Толян, если ведьмак – не человек, то откуда взялись «родственники»?

– А ты подумай: ведьмак же оборотень! Ему жить где-то надо. Какого-нибудь купчишку сожрал, а сам под его видом в городе поселился. Но, видать, эту тварь всё же распознали, раз уж в таком виде похоронили. Кто правду знал, мог в гражданскую или Отечественную сгинуть. А современные «родственники» ни в бога, ни в чёрта не верили. Парткома больше любой нечисти боялись...

Неожиданно скрипнула дверь, и в горницу вошёл милиционер.

– Так, Трусов, опять у тебя пьянка. Ваши документы, гражданин.

– Это не то... – Засуетился вдруг Толян. – Друга я встретил. Двадцать лет не видались. Мы уже заканчиваем. Щас я его на трамвай провожу...

– Какой трамвай? Твой гость на ногах не держится. В вытрезвитель захотели?

– Я в порядке, лейтенант, – прохрипел я, с ужасом чувствуя, что ноги меня и в самом деле не держат. – А из документов у меня только пропуск на завод.

– Покажите. У нас сейчас компания идёт по проверке паспортного режима. Так что, ходить по городу без документов я Вам не советую. Тем более распивать спиртные напитки с лицами, вроде Трусова. Пропуск Ваш я пока забираю. И не возражайте! Переночуете здесь, а утречком явитесь ко мне. Дорогу Вам любой укажет. Да вот хоть и Трусов проводит.

– Послушайте, лейтенант...

– Это Вы меня послушайте, гражданин! Или ночуете здесь, и утром являетесь ко мне для установления Вашей личности, или я немедленно доставляю Вас в вытрезвитель, а утром мы опять же займёмся установлением Вашей личности. Решайте.

Я молчал, хотя внутри меня всё клокотало. Надо же так влипнуть! И что я скажу завтра жене?

– Вот и ладненько. – Улыбнулся участковый, пряча мой пропуск в карман кителя. – И не шумите здесь. Ночь уже во дворе.

Когда за участковым закрылась дверь, я в ярости пнул под столом пустую бутылку.

– Вот чёрт! Откуда он взялся? Когда надо, их не найдёшь, а тут сам заявился.

– Серый, тебе нужно срочно делать ноги! – Толян метнулся к двери. – Запер! Теперь нам точно хана!

– Как это запер? – Я, что есть сил, рванул дверь на себя и чуть не рухнул. Толян вовремя меня подхватил. Отбросив оторвавшуюся ручку, я вновь кинулся к двери. – Да что этот участковый себе позволяет?

– Ты что, Серый, совсем очумел? Какой там участковый? Это ж он был, ведьмак! Я ему сегодня должен был бомжа привести...

– Ведьмак? – Я всё не мог заставить себя поверить в реальность происходящего. – Чего ж ты молчал?

– У тебя ноги отнялись, а мне он язык заморозил. Ладно, видать, судьба. – Обречённо махнул рукой Толян. – Давай баррикаду делать. Он сейчас тобой оборотился. Пойдёт через весь посёлок, потом в трамвае с кем-нибудь свару затеет, чтоб свидетели были, что ты из посёлка ушёл. Думаю, час у нас есть.

Мы с трудом придвинули к двери старинный деревянный сервант, не обращая внимания на бьющуюся внутри посуду.

– Тут ему не войти, – удовлетворённо пропыхтел Толян. – Окна тоже забиты. Печь!

Он стал пихать оставшиеся с зимы поленья, пока не забил печной зев под завязку.

– Тут ему теперь тоже не пролезть. Авось, продержимся до утра. Днём, на виду у всех он нас штурмовать не будет. Его время – ночь. Давай, Серёга, устраиваться. Хошь, на кровати, а хошь – на печи.

Я, конечно, выбрал печь. Тряпьё, что лежало там, тоже было далеко не первой свежести, но всё же не такое зловонное, как на кровати. Толян, не раздеваясь, плюхнулся в свою постель и задвинул замызганную занавеску. Как ни странно, мы с ним быстро уснули. Я погрузился в какую-то мутную дрему, сквозь которую явственно прорывался пьяный храп Толяна.

Неожиданно дверь громко стукнула в стенку серванта. Я попытался скинуть с себя путы сковавшей меня дрёмы, но не смог. Толян встал.

– Толик, открой, это я. – послышалось из-за двери.

Толян всхлипнул. Дверь вновь несколько раз стукнула о придвинутый сервант.

– Толик, ну что же ты? Я соскучилась.

– Любаша, это ты?

– А кто же ещё, дурной? Открывай скорее! На улице дождь, я вся промокла и замёрзла.

Толян бросился к двери и, пыхтя, отодвинул сервант.

– Чего это ты вдруг закрылся, дурачок?

Я лежал, не в силах даже открыть глаза. Язык тоже не повиновался, но слух мне не отказал. Борясь с ужасом и отвращением, я слышал, как Толян с Любашей кинулись на койку. Их возня вызвала у меня тошноту. Я боялся, что меня вырвет, и я захлебнусь собственной рвотой, и потому прилагал все силы, чтобы скинуть с себя оцепенение. Но мои усилия были напрасны. Обливаясь потом, я затих, решив немного отдохнуть, накопить силы и попытаться ещё раз. Заткнуть уши я не мог, и потому вскоре холод ужаса покрыл мурашками неподвластное мне тело. Возня на койке затихла, и начался диалог, который я никогда не забуду. Ведьмак играл со своей жертвой, как кошка с мышью. Он давал Толяну иллюзию счастья обладания любимой женщиной, а потом взамен требовал награду – меня! Толян сопротивлялся, как мог, но силы были явно не равны. Наконец, наигравшись, ведьмак встал с кровати. К печи подошла уже не женская, а мужская фигура.

– Гражданин, вставайте! – Цепи с меня спали, и я увидел перед собой давешнего участкового.

– Уже утро? – Деланно зевая, слез я с печи.

Видимо, столкновение с ведьмаком в детстве дало мне какой-то небольшой иммунитет к его чарам, и эта тварь не подозревала, что я не спал, всё слышал и теперь точно знал, кто стоит передо мной.

– Нет, но неожиданно выяснилось, что у меня утром будут другие дела. К тому же вчера у нас распространили инструкцию: по возможности доставлять пьяных и граждан без документов по домам и там, на месте, устанавливать их личности. Потому как спецучреждения сильно переполнены. Так что собирайтесь, поедем сейчас. Только сначала зайдём по одному адресу, тут рядом – дом сорок восемь, заберём ещё одного без документов. Машина придёт туда.

– Хорошо, только верните мне мой пропуск.

– Пропуск? Зачем он Вам сейчас? Вот приедем к Вам, тогда и получите. Впрочем...

«Участковый» вынул из кармана пачку документов и в свете лампы стал искать среди них мой.

– Лучше сейчас, – сказал я, дрожащей рукой выливая остатки водки в стакан. – Вон у Вас их сколько, чужих документов-то. Неравён час, и я свой на радостях забуду.

«Участковый» испытующе взглянул на меня через стол, и сквозь дрожащее марево вновь скрутившей меня головной боли я увидел на жёлтом фоне вертикальные щели зрачков. В ту же секунду я плеснул водку ему в лицо. Ведьмак заревел – жидкость попала ему в глаза. Схватив со стола лампу, я бросил её в голову чудовища. Живой факел заметался по комнате. Головная боль у меня тут же исчезла.

– Беги, Серёга! – заорал оживший Толян и выпихнул меня за дверь. – Ну-ка, посвети.

Я щёлкнул зажигалкой.

– Вот чем нас этот гад вчера запер, – пробормотал Толян, просовывая в ручку двери рукоятку швабры. – Серёга, там, под крыльцом, канистра с бензином лежит...

– Бежим, зачем тебе эта канистра?

– Ты беги, а мне с этой тварью поквитаться надо.

В комнате с грохотом рухнул сервант, и дверь задрожала под ударами ревущего ведьмака. Я сунул Толяну тяжёлую пластиковую канистру и поджёг вместо свечки веточку из распротрошённого им веника.

– Откуда у тебя бензин?

– А-а, от одного «нового русского» остался. Тоже приезжал дом посмотреть...

Толян плеснул на дверь в горницу, стены и, когда мы выскочили на крыльцо, бросил в сени горящую веточку. Сквозь вспыхнувшее пламя донёсся яростный рёв ведьмака, неожиданно перешедший в какое-то свистящее шипение. Толян побежал вокруг дома, щедро плеща из канистры на стены и ставни.

Я подошёл к колодцу и бросил ведро вниз. То ли водка, то ли нервы, то ли всё вместе навалилось, но меня вдруг скрутила жажда. Появившийся из-за угла Толян вдруг закричал и упал. Я хотел кинуться к нему, но в ужасе застыл. В свете луны

и звёзд трава шевелилась. Сотни, а может и тысячи змей, ползли к дому, из которого доносилось шипение ведьмака. Толян с трудом встал.

– Серёга, лезь на колодец, – прохрипел он, отрывая от себя и отбрасывая извивающихся гадюк.

– А ты?

– Мне конец! Не думай обо мне.

Толян вылил остатки бензина на себя и вцепившихся в него змей. Трава исчезла под живым шипящим ковром.

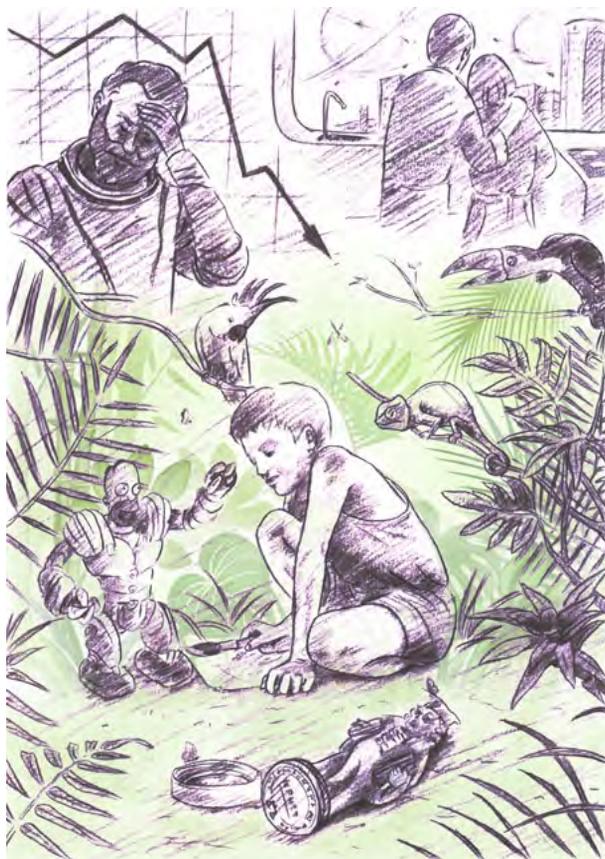
– Прощай, Серёга! Прости за всё...

Толян, превратившийся в клубок змей, с трудом взобрался на крыльцо, распахнул дверь и упал в ревущее пламя...

– Прощай, Толян... – прошептал я, глядя на всё сильнее пылающий дом. Никто из соседей не спешил на тушение пожара.

Не знаю, сколько я просидел на скользком бортике колодца. Когда ведьмак затих, змеи, как камикадзе пытавшиеся живым морем затушить огонь, сразу утратили осмысленность своей атаки и быстро исчезли. Трава после них так и не поднялась.

С трудом разжав затёкшие руки, мёртвой хваткой вцепившиеся в колодезную цепь, я спустился на землю. Подняв фонтан искр, рухнула прогоревшая крыша. Я вышел за калитку и пошёл по тёмной улице, на которой не горел ни один фонарь, и не светило ни одно окно. Передо мной в зареве пожара шагала моя тень. Я не спешил и не пытался прятать лицо, хотя был уверен, что за мной наблюдают сотни глаз. Никто из жителей посёлка никогда не расскажет властям правду. А смогу ли я сам рассказать её хотя бы жене?

ЧУЛАН ДЛЯ НЕПОСЛУШНЫХ ДЕТЕЙ

– Итак, господа, пора подводить итоги. – Капитан отодвинул опустевшую тарелку, стряхнул с рыжей бороды крошки и достал из кармана форменной куртки «наследственные», как он говорил, трубку и расшитый бисером кисет с табаком. – Компи уже закончил расчёты гиперпрыжков к Солнцу. Через пять часов мы должны покинуть эту планету и вернуться на Землю. Срок нашей миссии истёк. Должен с горечью признать, что впервые наша команда потерпела столь явный и сокрушительный провал. К тому же в этой экспедиции, как вы знаете, мы представ-

ляем и заказчика, и исполнителя. Грубо говоря, мы решили, наконец, поработать не на дядю с толстым кошельком, а на себя, и вбухали все накопленные за прошлые рейды денежки в эту проклятую планету! Мы практически разорены, и нам придётся начинать с нуля, причём с подмоченной репутацией. Прежде чем приступить к составлению окончательного отчёта, я хотел бы в последний раз выслушать ваше мнение о причинах случившегося. Кто первый?

Капитан повесил над столом причудливо клубящееся облако ароматного дыма.

– Нет желающих? Юрист?

– Да что там говорить, Капитан? Кто ж знал, что на планете окажутся аборигены? В отчётах «Кон-Тики» об этом нет ни слова. – Юрист, брезгливо морщась, включил вытяжку, и облако над столом стало таять. – По закону мы не можем производить никаких работ на населённых планетах без письменного разрешения местного населения. Причём данное разрешение должно быть получено в течении тридцати стандартных суток, по окончании которых претендент навсегда теряет право на повторную попытку, дабы не отнимать время у других старателей, и должен покинуть планету. Час назад истекли последние законные сутки нашего пребывания здесь. Мы рискнули и проиграли.

– Кончай воду лить! Что ты нам лекции читаешь? – Капитан выпустил ещё одно облако дыма, на этот раз прямо в потное, с косящими более обычного глазами лицо Юриста. – Говори конкретнее: почему за месяц так и не смог заключить с аборигенами ни одного договора, даже самого простейшего?

– Сам не пойму, в чём дело, Капитан. Самое странное: никогда ещё я не чувствовал такого подъёма в работе! Тексты составленных мною договоров и анкет – настоящие шедевры бюрократии, содержащие замаскированные пункты и формулировки, дающие нам все необходимые права на любые разработки. Но этот чёртов Мао каждый раз приносил их вариант документа, в котором все мои уловки сводились на нет. Не знаю, сам он делал поправки, или их разрабатывал некий бюрократический коллектив, но я не смог перехитрить аборигенов. Хотя, повторюсь, таких высот в крюкотворстве я ещё не достигал.

– Ладно, перестань теребить свои пейсы, а то облысеешь раньше времени, как я. Если б ты больше уделял времени и старания работе, а не завивке этих... А ты что скажешь, Кисточка?

– Как врач я весь месяц пробездельничала: на этой планете не оказалось вирусов и бактерий, опасных для здоровья людей. Такое чувство, что я здесь была в отпуске.

– Видимо, это чувство было не только у тебя. – Капитан с раздражением выбил трубку и начал набивать её вновь, уминая толстым пальцем табак. – Ещё месяц на этом курорте, и вы все догоните меня по массе и фигуре. Продолжай, не тяни время.

– Климат на планете прекрасный, по крайней мере, пока. Что тут будет после нашего отлёта, мне неизвестно. Как биолог я не могла ничего делать по всем известной причине – персональное спасибо Юристу, – хотя как раз именно для биолога здесь непочатый край интереснейшей работы. Земля в начале времён, лишённая динозавров и иных крупных хищников. Рай, покрытый совершенно безопасными джунглями. Скафандры не нужны, аборигены доброжелательны, ископаемые не тронуты, воздух пьянит своей чистотой и ароматами цветов.

Жаль терять такую чудную планету. Да на одном только туризме мы в считанные месяцы покрыли бы все свои затраты. Теперь вся эта красота останется лишь в нашей памяти и на моих полотнах. Никогда мне так легко не работалось. А какие бесподобные пейзажи пишет Мао! Как вернёмся на Землю, я сразу попытаюсь устроить выставку наших картин. Думаю, аукцион по их продаже и доходы от выставки несколько снизят наши убытки.

– Аукцион? – фыркнул Монстр. – Кем ты себя вообразила? Леонарда Недовинченная. Кто будет пялиться на мазию никому не известной любительницы? Джунгли ей понравились! Родную пальму вспомнила? Бананчик не хочешь пососать?

– Хоть ты и занимаешься исключительно боевыми системами корабля и накачкой собственных мышц, Монстр, думаю, даже такой белозадый хам и урод с мускулами вместо мозгов в голове сможет оценить то, что я сейчас вам покажу.

Кисточка положила на стол свой кейс-палитру и коснулась сенсора выключателя. Радугой заиграла активированная палитра, а над кейсом появился пустой голохолст.

– Смотрите. – Кисточка включила режим слайд-шоу. – Это пейзажи Мао. Впечатляет? Лично я никогда не видела ничего подобного. А при соответствующей рекламной компании зрители и покупатели будут просто драться за обладание любым из этих полотен.

– Но мы же не можем продавать чужие картины, Кисточка. А я уверен, что не смогу заключить с Мао ни одного контракта. Я сдался.

– Эх ты, Юрист! Я сама всё сделала. Мне не нужно было хитрить и заниматься крючкотворством. Мы с Мао просто произвели обмен: он мне подарил свои картины, я ему – свои. Вот и всё. Я не собиралась их продавать, но раз ситуация требует...

– Да, уела ты меня! Что ж, как только вернёмся, я займусь вернисажем и аукционом картин Мао.

– И моих тоже, Юрист!

– Каких твоих? А как же обмен?

– Но я же писала каждый день, за неимением других занятий. А Мао лишь изредка составлял мне компанию. Обмен мы произвели полюбовно. Я взяла почти все его картины, он выбрал несколько моих. Так что можете полюбоваться и на мои работы.

– Это твои картины?

– Да.

– Невероятно! Кисточка, снимаю шляпу и беру назад свои слова насчёт мазни любительницы. Когда ты научилась так мазать?

– Сама поражаюсь, Монстрик. Стоп, а это что?

Кисточка остановила слайд-шоу и вернула на голохолст предыдущий пейзаж.

– А-а-а, это один из моих первых опытов здесь. Жуть какая! И как он сохранился? Я была уверена, что стёрла его. Впрочем...

Она взяла кисть и поочерёдно «макая» её в разные «краски» палитры быстро сделала несколько исправлений на голохолсте.

– Вот так будет получше, хоть и всё равно не фонтан. Эту работу мы выставлять, конечно, не будем.

– Ладно, с тобой, Кисточка, всё ясно. Сворачивай свою мастерскую. Твоя очередь, Монстр. Что скажешь?

– Ничего, Капитан. Лучше покажу. Комп, вариант номер один.

Все надели нейрошлемы и очутились в додзё. Монстр вышел на середину, где его уже ждал сенсей, остальные сели с краю. Противники обменялись ритуальными поклонами, и бой начался. Каскад ударов и блоков был настолько стремителен, что затаившие дыхание зрители многих из них просто не успевали увидеть. На пятой секунде боя сенсей лежал перед Монстром, жутко булькая в наступившей тишине фонтаном крови из вырванной гортани, его левая рука была согнута под неестественным углом, а правая штанина прорвана торчащим осколком кости. Монстр поклонился поверженному сенсею, потом застывшим в ужасе зрителям и сказал: «Компи, конец сеанса».

Сняв нейрошлемы, все молча уставились на Монстра.

– Как видите, я тоже не терял время зря и кое-чему научился. Когда мы приземлились на этой планете, никто из нас даже не пытался драться против «сенсея» в варианте номер один. Лично я, например, мог на равных биться с «сенсеем» лишь в седьмом варианте, да и то с переменным успехом. Однажды Мао – да, да, опять этот Мао! – поинтересовался, что это за странные телодвижения я делаю каждое утро на поляне у ручья. Я привёл его в виртуальное додзё и познакомил с «сенсеем». Последние пару недель мы с Мао по утрам тренировались уже вместе, причём спарринги были в полный контакт. «Сенсей» был прочно забыт. Сегодня Мао почему-то не пришёл, и я вызвал седьмой вариант с «сенсеем». Потом шестой, потом третий и, наконец, первый. Результат вы видели сами.

– Я начинаю жалеть, что по правилам безопасности избегал личного контакта с Мао и торчал в корабле на орбите, пока вы «повышали квалификацию» в наземном лагере. Глядишь, сейчас был бы суперкапитаном. Общаясь с Мао, каждый из вас достиг, можно сказать, совершенства в какой-либо области. Кисточка гениально пишет картины, Монстр стал первоклассным бойцом, Юрист утверждает, что достиг небывалых вершин в крючкотворстве, хотя так и не смог обойти в этом деле Мао. А, ведь, вы общались, причём довольно кратковременно, лишь с одним из аборигенов, который сам утверждал, что является далеко не лучшим их представителем. Он и пришёл-то к вам из джунглей, потому что другим просто не до нас: у них есть более важные дела! Интересно какие? Я облетел планету и не заметил никаких признаков цивилизации: ни городов, ни полей с посе-

вами, никаких дорог, карьеров, радиосигналов, огней, дымов. Ничего!

– Забудь о полезных ископаемых, Капитан. По возвращении домой загоним контейнер с геологоразведочным оборудованием первому желающему старателю. Лучшее сокровище на этой планете – её жители. Все писатели, художники, артисты, короче, вся творческая богема будет просто рваться сюда, заплатит любые деньги за хотя бы краткое общение с туземцами.

– А наука, Кисточка? Не забывай об учёных. Я уж молчу о военных и политиках. И мы упустили шанс застолбить такую золотую жилу! Эх, Юрист! Думай. Мао тебе не обойти, но земных-то крючоктворов ты можешь, должен скрутить! Ищи лазейки.

– Не дави, Монстр, до Земли полгода лёту, пока вы будете спать в своих ванночках, я что-нибудь придумаю. В конце концов, раз одной и той же фирме нельзя дважды пытаться застолбить одну и ту же планету, мы можем организовать десяток, сотню, сколько потребуется фирм.

– А конкуренты? После выставки Кисточки, боёв Монстра – ты, ведь, наверняка полезешь на ринг за чемпионским поясом, не удержишься, – и нашего отчёта, сюда будут ломиться все, кто... Нет, сюда просто перекроют доступ вояки и политики.

– Что ж, Капитан, в таком случае, сразу после стандартного отрицательного отчёта мы должны решить эту проблему. Я, конечно, как ты выразился, полезу на ринг. И не только за поясом чемпиона. Нам нужны деньги. Я смогу их заработать на ринге. А выставка Кисточки подождёт. Пока Юрист не разродится. Согласны?

– Я согласна. Что скажешь, Юрист?

– Других вариантов пока нет. Планету мы застолбить не можем. А вот пробить монополию на любые пассажирско–транспортные перевозки сюда вполне реально. При наличии денег на взятки, конечно, – для ускорения бюрократических процедур и сохранение тайны. Подобная монополия, как вы понимает, практически решает всё. Даже если кто-нибудь ухитрится застолбить планету, в чём я лично сильно сомневаюсь, без нас её эксплуатация будет не возможна. Я, конечно, не рассматриваю правительственных чиновников и военных – эти просто могут

стереть нас в порошок, если понадобится. Но пока они поймут, в чём здесь дело, мы, надеюсь, уже успеем в достаточной мере набить свои защёчные мешки.

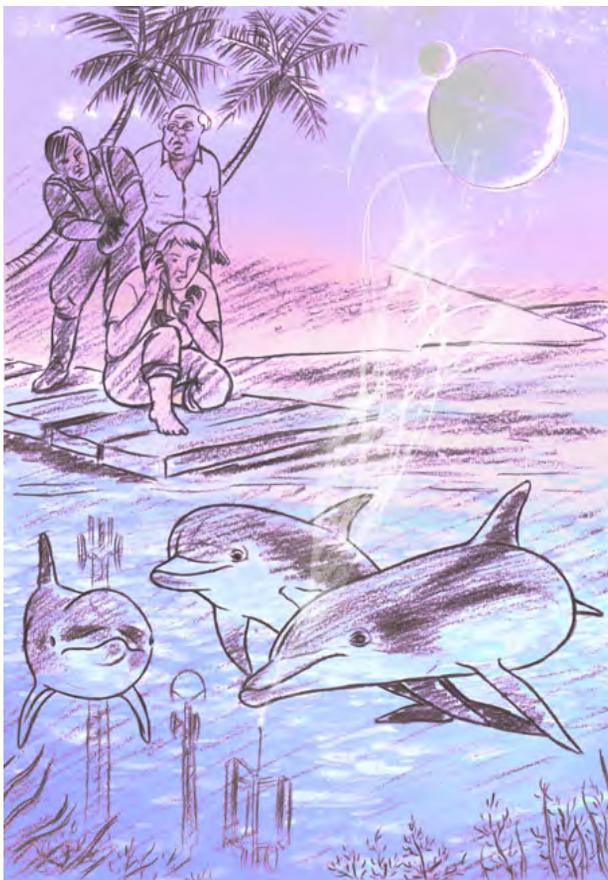
– Ну что ж, Малыш, срок твоего очищающего уединения закончился. Надеюсь, пара циклов на этой планете, в одиночестве, без игрушек и общения с друзьями, кое-чему тебя научили? Больше не будешь отлынивать от уроков и нарушать дисциплину?

– Не буду. Забери меня скорее домой, я хочу рассказать друзьям о своих здешних приключениях.

– Потом расскажешь. Мама уже накрыла стол, обед стынет. Ты готов к телепортации?

– Давно. И...Пап, можно, выходные я проведу с друзьями на этой планете? Здесь такие интересные игрушки!

– Посмотрим на твоё поведение, Мао. Что ты сказал?!!!

«ОТЕЦ»

«Чертовски трещит голова. Если так будет продолжаться и дальше, то меня увезут с этого проклятого острова законченным алкоголиком. Проклятая жара! Проклятые дельфины и, вообще, проклятая жизнь! Вчера с подводной лодкой пришло письмо от Дитриха. Хвастается, что он уже полковник и недавно получил из рук самого фюрера «железный крест». Радует, что обогнал меня в звании и наградах. Самодовольный болван! На его месте и я бы... А вот посидел бы мой братец два года в этой экваториальной теплице!

Кругом, кроме маньяка профессора с идиотом ассистентом и дельфинов ни одной живой души! Профессора не оторвёшь от приборов, а его ассистент, я уверен, скрытый коммунист. Скука, хоть волком вой! Хорошо хоть профессор по моей просьбе включил спирт в список препаратов, необходимых для опытов.

Господи, до чего я дошёл! Как последний подонок пью целыми днями в одиночестве! Лодка из центра приходит раз в месяц, доставляет продукты, почту, необходимое оборудование, будь оно проклято! Два года на этом атолле... Боже, какой я был идиот! Ещё бы, сам Канарис вызвал, поручил особо секретное задание, а я и уши развесил.

Вначале всё шло прекрасно. Подводная лодка доставила нас на этот отрывок суши посреди бело-голубого океана. Белый песок, пальмы, кокосы, крабы! Казалось, сбылась мечта маленького Вилли, сына известного ваймарского булочника. Мы с ассистентом весело плескались в парной лагуне, ловили дельфинов. Профессор, тряся жирным подбородком и захлёбываясь слюной, говорил об этих «великолепных животных», чтоб они подавились той водой, в которой плавают. Восхищался их сообразительностью. У них, видите ли, мозг больше, чем у человека! И какие-то там кора и мозжечок, как у людей. Даже есть своя речь. Вот профессор и бьётся над прибором-переводчиком дельфиньей речи.

Раньше я считал Канариса гением. Ещё бы – заставить служить фюреру дельфинов! Дельфин-разведчик, дельфин-диверсант! Зачем рисковать цветом нации. Дельфин, не вызывая подозрений, заплывает в любые южные порты, подплывает к любой базе, потом возвращается к нам и докладывает обо всём, что там видел. Или навешиваешь на дельфина мину. Он плывёт, куда приказано, и неожиданно тонут корабли, взрываются доки.

К чёрту дельфинов-шпионов, к чёрту Канариса! Война уже близится к концу, а я...

Профессор с ассистентом как всегда взяты у лагуны. Боже, какая жара! И как профессор может торчать на самом солнцепёке? Последнее время его низенькая, истекающая потом жирная фигура в длинных, выгоревших на солнце трусах

раздражает меня. А в ассистента я бы с наслаждением разрядил свой парабеллум. Кажется, он был чемпионом Берлина по плаванию. Ишь, сволочь, как плещется вместе с дельфинами. Всем своим видом показывает, что лагуна мала для него. Эх, всадить бы пулю! Интересно, попаду я отсюда в его белую макушку? Когда-то я тоже был таким. Стройным, мускулистым. Настоящая «белокурая bestия»!

Чёрт, бутылка уже пуста! Ну вот, бегут назад с магнитофоном. Что там случилось? Неужели профессор, наконец, сделал свой проклятый прибор?

Голова, как котёл. Так и гудит. А во рту какая-то гадость. Что там профессор вчера говорил? Какая-то галиматья насчёт дельфинов. Будто бы они и не дельфины вовсе, а шпионы. Ха-ха-ха! Мы хотели сделать из них шпионов, а они уже шпионы! Не наши, не русских, а каких-то недочеловеков из космоса. Бред какой-то! Неужели я допился до белой горячки?

Я сообщил по радиации условной фразой, что профессор сделал, наконец, свой прибор. Канарис благодарит за работу. Скоро пришлёт новые инструкции. К черту инструкции! Мне надоел этот остров, надоело жить без женщин. Сейчас прикажу профессору узнать у дельфинов, где эти существа, для которых они собирают информацию. И пусть расскажут всё об их оружии.

Короче, Дитрих, ты вой на своём восточном фронте, кичись, что ты оберст. А я со своим взводом дельфинов приведу фюреру новых рабов, рабов из космоса и океана! Вот тогда посмотрим, кто из нас...

Опять у меня на дороге этот ублюдок-ассистент. До чего я его ненавижу! Не говорит, а прямо цедит сквозь зубы, мерзавец! Оказывается, где-то в глубинах океана находятся мощные станции, передающие собранные дельфинами сведения куда-то в космос. Мы, видите ли, должны свернуть эксперименты с дельфинами и выпустить их из лагуны в море. Дельфины, цедит он с презрительной миной, передают информацию, специальным, как он сказал, роботам. И при этом так посмотрел на меня, что я чуть не врезал ему бутылкой меж наглых голубых глаз. А профессор ничего не слышит, так занят своим прибором».

Здравствуй, сынок!

Получил твой новый рассказ. Жаль, что нет конца. Но, по моему, рассказ может получиться. И интересным! Вот только там есть несколько неточностей, повторов и недосказаностей. Посмотри их, пожалуйста. Я их все пометил.

1) Кто такой Вилли? Судя по всему, он служил у Канариса. Но об этом можно только догадываться. И главное – какова его роль на острове? Какова его задача? В рассказе он лишь пьёт. Надо шире дать его образ, раскрыть его задачу, иначе «майор Вилли» так и останется безликим пьяницей-надзирателем, роль незавидная даже для рядового солдата.

2) Так же слабо разработан образ ассистента. Чем он занимается? Почему и за что ненавидит его Вилли? Почему считает его «скрытым коммунистом»?

3) Немцы-фашисты в те годы были настолько фанатично преданы идеям фашизма и настолько были вымуштрованы, что не смогли бы даже в мыслях послать к чёрту Канариса, главу немецкой разведки. А Вилли – фашист до мозга костей! И Канарис для него должен быть, как Бог. Ведь не секрет, что почти до последних дней войны фашисты, умирая, шептали имя Гитлера. Но не проклинали его, не посылали к чёрту. А Канарис – выразитель и исполнитель идей Гитлера.

4) Мало в рассказе действия. Где, например, находится Вилли? В палатке, в долине, на берегу лагуны? Что он делает – лежит, сидит, ходит? В какое время происходит действие рассказа – в один и тот же день, час, неделю?

А вообще – молодец! Только не торопись! Думай больше. Думай шире! По десять раз перечитывай уже написанное и по столько же раз его переписывай. И побольше действия! Характеров, обстановки...

Папа.

«Ужасно болят глаза, а в теле какая-то противная слабость. Не может быть, чтобы у этих роботов не было оружия. Я брошу это оружие к ногам фюрера!

Профессор, истекая потом и слюной, говорит, что ему некогда. Он спешит к дельфинам. Ничего, пузан, подождёшь. Сначала доложи мне, и поподробнее, обо всём, что узнал.

Так, инопланетяне прилетели на Землю, когда людей ещё

не было. Чёрт побери! А кто же был? Ведь не господь Бог же их встречал?

Ассистент, сволочь, откровенно скалит свои удивительно ровные, сверкающие, как у негра, зубы. Погоди, парень, когда-нибудь я пройдусь по ним своим сапогом!

Что там болтает этот раздражённый индюк? Инопланетяне, оказывается, решили заселить нашу Землю. Но их родная планета очень далеко. Пока долетишь туда и обратно, пройдут сотни лет. Им нужно знать, как изменится Земля. Для этого подобрали из местных животных наиболее подходящих и сделали из них биороботов. Именно поэтому предки дельфинов заселили море, а предки человека остались на суше. Что он говорит? Предки человека?!

Но случилось непредвиденное, брюзжит профессор. Биороботы суши почему-то резко изменились, и в результате появился человек. Инопланетяне сначала не поняли, что произошло. Они приказали по радио дельфинам во чтобы то ни стало наладить контакт с биороботами суши. Но человек уже забыл о своей «программе». Остатки этой программы иногда проявляются у некоторых людей в виде телепатии, телекинеза и т. п.

Когда инопланетяне поняли, что произошло, дельфины уже утратили телепатический контакт с человеком. Вернее, они утратили его, как только биоробот суши стал человеком. Инопланетяне отбросили мысль о заселении далёкой Земли, но с большим интересом следят за развитием неожиданно возникшей цивилизации и ждут момента, когда можно будет вступить с ней в контакт.

Чёрт побери, чего это ассистент такой хмурый? Профессор всё трясёт своим жиром. Ладно, говорю, катись к своим биороботам. У меня осталось всего десять бутылок, а лодка придёт только через неделю. Видно всё же придётся сообщить Канарису...

Чёрт, это же повод вырваться с этого проклятого острова! Ведь не по радио же я буду докладывать обо всей этой чертовщине! Только лично!

Осталась одна бутылка, а лодки всё нет. До чего мне всё надоело! Что это там бубнит профессор? Дельфины прекратили разговоры? Ну и что? По сравнению с пороссячьими глаз-

ками, нос профессора выглядит широким, как клюв у гуся! Оказывается, до сих пор профессор с помощью своего прибора подслушивал лекцию дельфина-учителя недавно родившемуся детёнышу. А сегодня, как по сигналу, не только лекция, но и простые разговоры между дельфинами резко прекратились. Отвисшие, как у бульдога, щёки профессора обиженно дрожат. Стекающий по ним пот похож на обильно льющисся слёзы. Причём ночью кто-то стёр все магнитофонные записи!

Кто-то! Разве не ясно, кто? Где ассистент? Ах, он спит! Средь бела дня, красная сволочь! Теперь-то уж мы с тобой за всё сочтёмся. Я пинком распахиваю дверь в комнату ассистента. Этот негодяй, точно подброшенный пружиной, вскакивает с кровати и, наткнувшись на мой кулак, падает на пол. Вот я прошёлся по твоим зубам!

Мы стоим на берегу лагуны. Профессор с наушниками на голове пищит что-то в микрофон. Дельфины лениво плещутся в прозрачной воде, не обращая на нас никакого внимания. Достают парабеллум и приказывают передать микрофон ассистенту. Профессор развязывает тому руки и молча уходит.

Ну, парень, говорю, спроси у своих друзей-дельфинов, есть ли поблизости станции-шпионы. А сам сажусь под пальму, направив дуло ему в брюхо. Если есть, пусть пригласят роботов к нам на остров. Мы дадим им мины, и пусть роботы доставят наши подарки на свои станции.

Ассистент брезгливо вытирает с наушников пот профессора и, с трудом шевеля распухшими губами, тихо говорит что-то в микрофон. Дельфины перепрыгивают сеть, перегораживающую выход из лагуны, и исчезают в океане.

Сразу бы так, парень, говорю я ассистенту, и зубы твои были бы целы. Когда дельфины доставят первого робота, сразу беги за мной. Что за странная улыбка у этого парня? Чёрт, как я устал! Надо бы выпить стаканчик для бодрости. Проклятая жара...»

«На объекте X обнаружены два человека. Судя по фотографиям, это профессор N и майор К. Ассистент профессора бесследно исчез.

Обойма парабеллума майора К пуста, хотя следов крови нигде нет. Куда или в кого стрелял майор К, выяснить не удалось.

Никаких приборов (в том числе рации) на объекте X не обнаружено. Исчезли все записи и дневники профессора N.

Ни в лагуне, ни вблизи объекта X нет ни одного дельфина». (Из доклада командира имперской подводной лодки Y-2)

«Двое пострадавших, доставленных в мою клинику, страдают полной потерей памяти. Не помнят даже своего имени. Оба обладают интеллектом пятилетних детей. Причины болезни неизвестны. Надежды на восстановление памяти нет...»

(Из доклада профессора S)

Здравствуй, сынок!

Получил концовку твоего рассказа и снова пишу тебе.

Ну, вот теперь кое-что с рассказом прояснилось, вернее – с его идеей, сюжетом.

К сожалению, как я и писал раньше, отдельные недостатки снижают в целом интерес к рассказу. Эти недостатки есть и в концовке. В частности, самый существенный из них – отсутствие фантастической новизны. Невольно возникает вопрос: о чём хотел сказать автор? О том, что наша земная цивилизация находится под наблюдением пришельцев из космоса? Но уж больно неудобно выбраны момент (война) и исполнители слезки (дельфины). Много не досказано, не объяснено. Да и что же предполагается дальше? Ведётся ли сейчас наблюдение? Что изменилось за это время и т.д.

Вспомни «Аэлиту» Толстого. Земляне покинули Марс. Можно было бы на этом поставить точку (как сделал в своём рассказе ты). Но тогда потерялась бы достоверность (фантастическая, разумеется), что на Марсе есть жизнь. Толстой нашёл выход. Он знал, что из космоса поступают радиосигналы, и обыграл это обстоятельство. Помнишь, как Лось поймал однажды неизвестный сигнал из космоса и услышал: «Где ты, Сын неба?..». Концовка давала пищу для размышлений, рождала надежду, что всё ещё впереди и т.д.

Во главное! Во имя чего написан рассказ? Тебе, как фантасту, надо чётко уяснить две заповеди:

1) Писать не просто занимательно и ради интереса читателя, а выдвигать какую-то общечеловеческую идею, проблему!

Ну, например, Александр Беляев поднимал проблему освое-

ния человеком океана и воздушного пространства («Человек-амфибия», «Ариэль»). Жюль Верн писал о возможных полётах в космическое пространство («Из пушки на Луну»). При этом, как художники, они обыгрывали и человеческие судьбы, показывали существующий общественный строй, его достижения, вскрывали ли язвы и пороки общества.

2) При этом необходимо находить какую-то фантастическую (пока) новизну и обыгрывать её. И обязательно на строго научном подходе. Например, брать в расчёт уже имеющиеся гипотезы, факты (необъяснённые), предположения и т.д. На этой основе Жюль Верн задолго до реальных открытий описал состояние человека в космосе (невесомость), подводную лодку и т.д.

Нельзя фантазировать абстрактно, ради фантазии. Это лишает достоверности, а во многих случаях подводит автора. Ведь читатель – человек образованный, может, даже побольше знает, чем автор. А ему дают такие открытия: оказывается, в земном океане есть какие-то подводные базы пришельцев, которые с помощью дельфинов ведут наблюдение за землянами. Это не научно! Это фантазия ради сюжета. А так нельзя.

И последнее. Не торопись. Пиши подробнее. Тщательно шлифуй фразы. Вводи описание предметов, одежды, обстановки, чувств, действий. Больше диалога! У тебя он практически отсутствует. Идёт сплошное описательство. А так не интересно. Выкинь у Дюма и Жюль Верна диалоги, что останется? Убери у них описания обстановки – исчезнет колорит! Ну и т.д.

Работай! Большие работай, если действительно хочешь что-то сказать читателю.

Папа.

– Всё бьёшься со своей программой-рецензентом? Я к тебе обращаюсь, гений!

– А, это ты? По-моему, получилось! Полная иллюзия живого общения. На уровне переписки, конечно. Но можно в дальнейшем прикрутить и синтезатор речи.

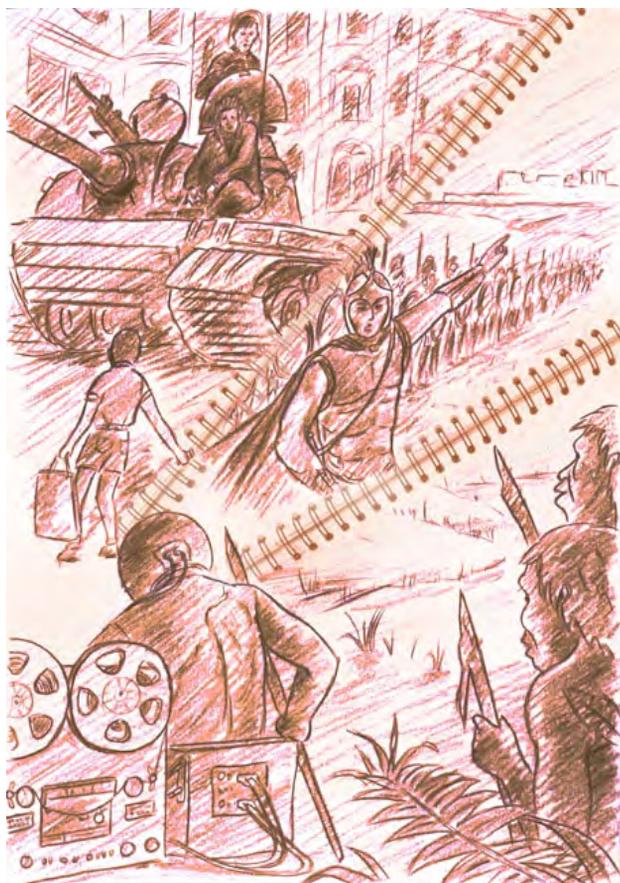
– Это у нас с тобой уже давно полная иллюзия живого общения. Посмотри на меня, это я – твоя когда-то любимая жена. Единственная, свет в окошке! Потрогай, я живая и тёплая.

– Ты не поняла: программа выдаёт рецензии в виде писем отца к сыну. Это не просто набор фраз, а вполне полноценные

письма. Такие вполне мог написать настоящий отец сыну-графоману. Я так и назову программу – «Отец».

–Кстати, ты поздравил своего отца с днём рождения? Я не о твоей проклятой программе! Я о твоём родном, живом пока отце!

–Чёрт! Почему ты мне не напомнила? Это ведь твоя прямая обязанность. Я придал тебе, программе-секретарю, виртуальный облик и голос моей бывшей жены. Как ты ухитрилась приобрести и её недостатки? Надеюсь, с «Отцом» у меня подобных проблем не возникнет...

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Наконец тесная кабина лифта с разрисованными чёрной краской стенками и оплавленными сморщенными кнопками рывками до девятого этажа, и Чернов вслед за участковым шагнул прямо в гудящую полуодетую группу жильцов.

– Вот и милиция! Наконец-то! – Вывернулась ему навстречу гибкая женская фигурка. – Заберите его, совсем взбесился!

– Что случилось? – спросил Чернов, пробираясь сквозь живой заслон.

– Я ж говорю: совсем взбесился! – Тряся короткими обесцвеченными лохмами, не отставала женщина. – У меня дети малые, а этот псих на всех бросается, всё крушит.

– Ну, а вы что, утихомирить его не можете? – Повернулся участковый к стоящим в клубах папиросного дыма мужикам.

– Вот ты и утихомирь! – Дыхнул перегаром молодой парень. Грязная синяя майка чуть не лопалась на его богатырской груди.

Из-за двери в квартиру донёлся грохот разбиваемой посуды.

– Вот гад! Тарелки только купила! – Заплакала женщина.

– А, может, он свои бьёт. – Попытался успокоить её Чернов.

– Какие свои? У него своих сроду не было! – Задохнулась блондинка, и далее последовал такой набор матерщины, что Чернов поспешил повернуться к участковому, и они вошли в квартиру, захлопнув за собой дверь.

Из дневника И.Юлинова.

«15 января 1986 г.

Душа. Разум. Инстинкт. Я не понимаю, что это такое. Кто объяснит? Говорят, у человека – разум, у животных – инстинкт. В чём разница? Ведь сколько на свете людей, которых трудно назвать разумными! Сколько анекдотов ходит!

На высоком тонком шесте подвесили банан, а внизу положили палку. Видя невозможность достать банан, обезьяна берет палку и сбивает его вниз. Человек же стал яростно трясти шест. «Посмотри, здесь лежит палка» – сказали ему экспериментаторы. «Некогда смотреть: трясти надо!» – ответил человек.

Или вот ещё: одна подопытная мышь говорит другой. «Смотри, сейчас я нажму вот эту кнопку, и выдрессированный мной человек даст мне кусочек сала!»

Это анекдоты. А вот что рассказал сегодня Лёха Пешков. У него в сарае завелись мыши. Лёха, естественно, поставил мышеловку. Но как ни придёт, приманка съедена, мышеловка пуста, а вокруг куски картошки валяются. Что за чудеса? Оказалось, мышь бежит в подпол, берет в зубы картофелину и бросает её в мышеловку! Та срабатывает, картошка вдребезги, а мышь спокойно ест сало. Это что, инстинкт?

Древние наделяли разумом и душой всё: людей, животных, растения, камни, реки и моря. И даже став «царём природы», лишив эту природу души и разума, человек почти всех своих богов наделил звериными чертами. И даже поставил некоторых животных наравне с богами. Древние египтяне поклонялись священному камню, солнцу, льву, крокодилу, змее, барану, козлу, корове и быку Апису. Бог Тот имел голову ибиса, Гор – голову сокола, водное божество – голову крокодила. Фараон – живой бог – часто изображался в виде могучего льва с головой человека – сфинкса. А Минотавр Крита, римская волчица? Фетишизм и тотемизм до сих пор присутствуют во всех религиях.

Почему же наделяя богов чертами животных, человек так высокомерен, считая разум своей привилегией? Да и что такое Разум? Маугли, Тарзан – цари природы! А сколько таких реальных маугли, возвращённых в человеческое общество, стало людьми? Так и остались «разумными животными», даже человеческую речь не смогли освоить! Выходит, разум не присущ человеку с рождения, т.е. не является привилегией именно человека. Откуда же он берётся? Появляется, как загар на коже в солнечную погоду? А если солнце убрать, загар тью-тью?»

– Здравствуйте, я – Сосова.

– Здравствуйте, Катерина Николаевна, проходите, садитесь.

Глядя на стройную фигурку, затянутую в чёрные вельветовые джинсы и белую майку с размытым рисунком и латинской надписью, Чернов никак не мог поверить, что перед ним та самая извергающая поток матерщины растрёпанная фурия в длинном рваном халате – соседка по квартире арестованного буюна.

– Вы – Сосова Екатерина Николаевна, родились в Мичуринске в 1957 году. Проживаете по адресу: Коломна, улица Осенняя, дом 2, квартира 36? Замужем?

– Выгнала я его. Лучше одной жить, чем с этим алкоголиком.

– Дети есть?

– Двое: Алиса и Ромка.

– Не жалко детей от отца отрывать?

– А чего жалеть? У них таких отцов ещё столько будет! Да

и Алискин отец на Севере сейчас, в колонии. А Ромка ещё мал, только в ясли отдала.

– Давно в Коломне?

– Третий год. Устроилась на завод в «горячий цех» за квартиру работать.

– Значит, ваш дом считается общежитием?

– А кто его знает! Дом как дом, девятиэтажка, обычные квартиры, только в каждой комнате – семья. Я вот ремонт, когда въехала, делала. Так всё за свой счёт. В ЖКУ говорят: у вас «с подселением». А когда поменяться хотела – всё ж девятый этаж, лифт неделями не работает, попробуй, потаскай дитё и коляску туда-сюда, – начальник ЖКУ говорит: нельзя, у вас общежитие, будь довольна, что две комнаты занимаешь, другие и этого не имеют. У нас, ведь, трёхкомнатная, так я две комнаты занимаю.

– А сосед ваш, Юлинов Иван Иванович, как с Вами ладил?

– Нормально. Такой хороший парень был! Я когда въезжала, он уже в своей комнатке года два как прожил. Он сюда по распределению попал, а жена его в Москве в институте училась, а как закончила, приехала, тут они и разошлись. Так он один в комнате и остался. Тихий такой был, скромный. Только на кухне и встречались по выходным.

– Почему по выходным?

– Так он в рабочей столовой питался, а по выходным готовил себе, что попроще: блины там или суп из пакетов. Я его даже убираться в квартире не заставляла, у других-то, знаете, война из-за этой уборки идёт. Хороший был сосед, все завидовали.

– Бывали у него гости, часто он выпивал?

– Нет. Он вообще-то много мог выпить. Мы как-то вместе отмечали Алискин день рождения, потом Ромка родился, ещё что-то. Другие, знаете, когда выпьют, дуреют, а по Ване и не заметно было. Глаза только выдают, а так и не скажешь, что пьян. Но выпивал он редко, по большим праздникам. Пару раз у него ребята с работы собирались, песни под гитару пели. Но всё культурно, без скандалов. Вот только дверь в туалет в обратную сторону открыли.

– А женщины к нему ходили?

– Бывало, всё ж живой человек, да и молодой. А чаще сам

не ночевал – не люблю я, когда посторонние бабы по квартире шастают.

– Скажите, а чем он занимался дома? Чем увлекался?

– Книжки читал, паял чего-то, музыку слушал. У него записывал – закачаешься! Из Москвы привёз. Говорил, жил там в общежитии для иностранцев, когда учился. Они после каждого каникул диски на продажу везли, а он, не будь дурак – переписывал их на маг. Вовка, ну бугай такой из квартиры напротив, всё к Ваньке бегал с пленками. Он последнее время совсем на музыке свихнулся, уже три магнитофона поменял.

– А что случилось в воскресенье? С чего всё началось?

– Не знаю. Я у Любки была, на третьем этаже. Алиска с Ромкой во дворе гуляли. Сидели, «Утреннюю почту» смотрели, вдруг электричество отключили. Ну, я домой пошла. Вхожу, а у Ваньки грохот стоит, треск. Я сначала подумала, что мой благоверный пьяный завился, меня не нашел, приревновал и к соседу вломился. Распахиваю дверь, а Ванька ножку у стола выломал и крушит всё направо и налево. Я как увидала – обомлела. Одежда на нём ключьями висит, глаза кровью налились, а он вдруг зарычал по звериному и ко мне. Не помню, как и дверь захлопнула, хорошо замок у нас автоматический. Ну, а потом уж вы с участковым пришли. А что с Ванькой-то? Где он сейчас?

– В больнице. Да Вы не волнуйтесь, Катя, вылечат, он все Ваши убытки возместит.

– Да какие там убытки, Ваньку жалко! Такой хороший парень был, с ним обо всём поговорить можно было.

Из дневника И.Юлинова.

«Во всех известных мне религиях существует понятие души. Люди ещё с родового строя верят, что смерть есть не уничтожение человека, а лишь его переход в другой мир, «мир иной», как мы привыкли говорить. Отсюда и способ погребения: мумификация тела у египтян и индейцев, захоронение рядом с телом оружия, пищи, животных и т.п. Причём, если сначала души обладали боги и вожди, то с развитием общества ею стали наделять и всех остальных людей. В это же время оформляется представление о том, что посмертное блаженство придаётся лишь праведнику, не совершившему грехов в земной жизни.

Например, пророк Заратустра учил о вечной борьбе двух начал: добра и зла, правды и лжи. «Оба изначальных духа, – говорится в «Авесте», – явились, как пара близнецов, добрый и дурной – в мысли, в слове, в деле». Добро и положительное начало олицетворяет Ахура-Мазда (Ормузд), его антиподом выступает Анхра-Манью (Ариман). Человек не должен оставаться в стороне от этой борьбы, а активно выступать на стороне правды, обеспечивая себе воздаяние в потустороннем мире, «Обширной стране», «Стране, откуда нет возврата». Доброе слово, добрые помыслы, добрые деяния – таковы три орудия, с помощью которых человек способствует торжеству света и добра над силами зла и тьмы. Т.е., чтобы войти в «Царствие небесное», совсем не требуется иметь разум, но иметь душу, т.е. честность, бескорыстие, доброту, милосердие и т.д. просто необходимо. Можно иметь холодный разум, аналитический ум и в результате стать бездушным «гением зла». И если душа и разум суть разные вещи, то как быть с «матушкой природой», «братьями нашими меньшими»? И если не разум, то что же перейдёт в «мир иной»? Память? Роджер Бэкон писал:

«Существуют составы, посредством коих можно пробудить в человеке древнюю память и заставить его на время стать одним из прародителей».

В девятом веке один из языческих магов, спрятав золотую священную утварь, бежал от погрома мусульманских фанатиков на юг Персии, где у него позднее родился сын. Мага всё же убили, но жрецы языческого божества вскоре разыскали мальчика и взяли к себе на воспитание. Когда сыну мага исполнилось двенадцать лет, жрецы дали ему выпить чашу специального состава, после чего в мальчика вселился дух отца. И он провёл жрецов в заброшенную каменоломню, где уверенно отыскал тайник!

А сколько случаев, когда люди, пережившие тяжёлую болезнь или травму, начинали говорить на неизвестных им ранее языках? Получается, что в человеке живёт память всех его предков! Отец вложил в сына частичку души, в отца – дед, в деда – прадед и т.д. Если частичка души – память, то по этим частичкам можно попробовать воспроизвести целое: души всех предков, их мысли, чувства. Как из одной клетки выращивают целый организм. Древние жрецы с помощью своего зелья не-

сомненно воздействовали через кровь мальчика на его мозг. Но ведь воздействовать на клетки мозга можно не только химически, но и электрически или с помощью электромагнитного поля. Кажется, врачи уже пробуют таким способом лечить амнезию».

– Вы – следователь Чернов? – В дверях стоял усатый парень в голубом батнике и потёртых джинсах. В руке у него белел листок повестки.

– Да, проходите пожалуйста. Садитесь, Ваше имя?

– Пешков Алексей Григорьевич, пятьдесят седьмого года рождения, беспартийный, женат, имею сына, не привлекался, не имел, не...

– А почему Григорьевич?

– А у меня отец имя сменил, чтобы поклонницы за мной не бегали, автограф не просили. – Тряхнул черными кудрями Пешков.

– Что можешь сказать о Юлинове Иване Ивановиче, тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения, беспартийном и т.д.?

– Хороший парень, отличный специалист, мне нравится.

– Давно знакомы?

– Шестой год. Я по распределению в нашу лабораторию попал. Ваня в это время уже «старшего» получал. Он ведь сразу после школы в институт поступил, а я еще два года в армии танк гонял.

– Чем он увлекался?

– Музыкой, электроникой, но больше любил сам чего-нибудь изобретать. На этой почве они с шефом и схлестнулись. Шеф никак не хотел Ванину тему в план бюро включать: не наш профиль.

– А что за тема?

– Биотоки, экстрасенсы! Сейчас ведь это модно. Ванька считал, что в клетке человека живет память всех его предков. Шеф Ваню просто на смех поднял. У нас, говорит, станкостроение, а не лаборатория по разрезанию лягушек. Но, правда, это давно было, года четыре уж прошло, но зуб шеф на Ивана затаил.

– Они что, конфликтовали?

– Ещё как! Мы ведь что делаем? Правильно, станки. Наше

бюро разрабатывает электрику станков. Вы на заводе когда-нибудь были? Тогда, наверно, видели, что рядом со станком обычно стоят металлические шкафы. Так вот, в этих шкафах находится наше электрохозяйство, которое заставляет органы станка двигаться и подчиняться станочнику. Большинство этих шкафов забито релюхами – это такие аппараты, которые работали, как говорится, ещё до тринадцатого года. Нам приходится разрабатывать длиннющие релейные схемы, собирать их на стенде в лаборатории и испытывать. Иван предлагал отказаться от громоздких релейных схем и, по возможности, заменить их логическими элементами на основе микросхем и даже микропроцессоров. А шеф возражал.

– Почему?

– Потому что ему до пенсии четыре года, и образование у него заочное, или, как сказал Райкин, «заушное». Он отличный практик. В любой релейной схеме всегда отыщет неисправность. В современной же электронике разбирается слабо, а ответственность за работоспособность станка на нём.

– А чем ваш шеф мотивировал отказ внедрять электронику?

– А он не отказывался, с чего Вы взяли? Электропривода мы получаем с других заводов, а они сейчас пошли сплошь на микросхемах. За качество их работы несут ответственность заводы-изготовители и цеховые наладчики. А вот система управления этими приводами – то, что мы разрабатываем – на релюхах. Кто обслуживает станки в цехах? Электромонтеры. У них образование в лучшем случае десять классов либо ПТУ. Инструмент – отвертка, пассатижи да лампочка для проверки наличия напряжения. Выбросим мы устаревшие шкафы с релюхами, поставим вместо них ящик с микросхемами, а кто его ремонтировать будет? Так рассуждает наш шеф.

– Скажи, Алексей, у Юлинова дома найден ящик с радиодеталями, не знаешь, откуда они, и что он дома валял?

– Ах, вот в чём дело! Думаете, в лаборатории украл? Тогда можете сажать всех корреспондентов журнала «Радио». Видели, какие схемы там печатают? Таких радиодеталей не то что в магазине, в справочниках ещё нет! А у нас шеф сам выдаёт, что кому понадобится. Я ж говорю: привода нам присылают сплошь на микросхемах. Мы их в лаборатории гоняем, снимаем

характеристики: надо же знать, чем управляешь. Вот в процессе испытаний, бывает, выгорают детальки. Мы их меняем. Бывает так, что нужного транзистора или микросхемы нет. Что делать? Обзваниваем друзей и знакомых в соседних лабораториях и на других предприятиях. Где-нибудь да найдётся. Да и делают ребята в основном приборы, чтобы облегчить себе работу. Шабашники у нас не держатся.

– Что, так в рабочее время и делаете себе приборчики?

– А хоть бы и в рабочее! Кто моё рабочее время считал? Я давно в родном садике-огорожке копаюсь, а в голове у меня варианты вертятся, как лучше новый узел в схеме сделать. Иной раз бросаешь тяпку и хватаешь карандаш. Вы это учитываете? К тому же релейные схемы давно сведены к нескольким стандартным случаям. Мы их подгоняем под конкретные станки и механизмы. А я – электроник! У меня эти релюхи вот где сидят! Вот потихоньку от шефа модернизируем кое-что в приводах, схемах, особенно когда он в отпуске. А иногда на шефа найдёт, приходится все свои разработки прятать, домой тайком выносить и там до ума доводить. А уж Ивану он вообще запретил посторонними делами на работе заниматься, вот тому и пришлось дома вкалывать. То я, то ещё кто из ребят по его просьбе у шефа микросхемы брали: Ване он ничего не даёт.

– А как Юлинов объяснял эти просьбы? Он говорил, что именно мастерит?

– Говорил, что хочет персональный компьютер сделать. Расчетов у нас море, а в ВЦ не набегаешься.

Из дневника И.Юлинова.

«Церковь яростно искореняет языческое многобожество, но небо и земля всё же заполняются ангелами, демонами и другими в отличие от людей бессмертными существами. Душа же окончательно закрепляется только за человеком и становится главной целью и призом в борьбе бессмертных. Что же такое – человеческая душа? Откуда она берётся, где обитает и куда уходит потом? Душу в человека вроде бы вдохнул бог. Если это был одноразовый акт, то все мы, потомки Адама, имеем одну общую душу. Одну на всех и на все времена. Следовательно, душа разлита в пространстве и времени. Аналогия: радио-, теле-, грави-, и т.п. – связь.

В тибетских монастырях есть монахи, которые умеют оживлять мёртвых. Не всех, а только молодых. В ночь после похорон они приходят на могилу и, если определяют, что мёртвого можно вернуть к жизни, выкапывают его и оживляют!

Буддийская философия учит, что всё есть страдание. Жизнь – это страдание. Каждый из нас рождается, страдает и умирает на трех уровнях. У каждого есть три тела: физическое (рупа), астральное (нагваль) и ментальное (атман). Физическое тело – это вся анатомия человека, то, что умирает. Астральное тело – это психоэмоциональный контур, или аура. Третий, ментальный уровень – это дух, наши мысли. Он связан с ноосферой (по Вернадскому) – сферой сознания, окружающей Землю. Главный тезис буддизма – душа не умирает, она воплощается в другом человеке или отходит в сферу космического сознания. Поэтому когда умер Далай-Лама Пятнадцатый – верховный жрец Тибета и буддийских стран, во все концы послали гонцов, и те зарегистрировали младенцев, родившихся в это время. Через четыре года этих детей нашли и предъявили им игрушки Далай-Ламы в массе других игрушек. И тот, который из всей кучи сразу же взял любимые игрушки Далай-Ламы, стал Далай-Ламой Шестнадцатым. Считается, что душа умершего Далай-Ламы переселилась в тело этого младенца».

Маленькая толстенькая девушка в коротком цветастом халатике, из-под которого выглядывает длинная ночная рубашка, кормит из бутылочки с соской ребёнка, лежащего в детской коляске у окна.

От неприбранной кровати, на которой сидел Чернов, несло чем-то кислым. Но пересесть было некуда: эта продавленная пружинная кровать, обшарпанный двустворчатый шкаф, чёрно-белый телевизор на длинных паучьих ножках, кухонный стол, заставленный грязной посудой, да красная детская коляска составляют всю имеющуюся обстановку. На закрытой входной двери висит вынутое из шкафа зеркало, да на нескольких протянутых от двери к окну напротив верёвках сохнут пеленки.

– Значит, Вы подтверждаете, что в прошлое воскресенье Сосова из 36 квартиры с 10-00 утра до отключения электроэнергии была у вас и никуда не отлучалась?

– Ну да. У неё телевизора своего нет, вот она ко мне и бегаёт, если что интересное передают.

– А у соседа её, Юлинова Ивана, разве телевизора нет?
– Есть. Раньше Катька к нему ходила. Но сейчас у неё очередной муж появился.

– Ну и что?

– Как что? Они же с Ванькой жили одно время. Не долго, правда, месяца два. Катька как-то в очередной раз подралась со своим уголовником, Ромкиным отцом. Тот её избил и ушёл. Боялся, что она заявит, и его опять посадят. Ванька пришёл домой вечером, видит Катька, вся избитая, ревёт. А у него как раз какая-то мазь была. Очень вонючая, зато синяки через два дня сошли, как и не были.

Ну и сошлись они. Катька всё думала женить Ваньку на себе. Да не вышло. У него какая-то другая баба появилась. Катька поорала да и умылась! Ванька, хоть и тихий, но характер – железный. Он её не бил, не скандалил, а сказал, как отрезал. Ну, она назло ему через день этого своего, последнего, привела. Бывшего элтэпэшника. Они вместе работают, в одном цеху. А тот ревнивый оказался, страсть! Тем более, что Катька сама всему дому нахвасталась, что с Ванькой жила. Вот и бегаёт теперь ко мне телик смотреть.

Из дневника И. Юлинова.

«Душно. От разогретого солнцем металла пышет жаром. Бедный Сашка, каково ему сейчас на месте механика-водителя. Наш танк стоит в самом центре площади. Рядом машина Серёги Климука. Он, как и я, сидит на башне, свесив ноги в открытый люк, и насвистывает что-то из «Сильвы». Танк Климука соседствует с пьедесталом, на котором поднял на дыбы лошадь какой-то всадник в загаженном птицами медном наряде. Солнце притекает, и я расстёгиваю комбинезон. Из-за памятника появляется мальчишка лет десяти. При каждом шаге его голые коленки, покрытые синяками, задевают за большую хозяйственную сумку, которую он несёт в левой руке. Капли пота сбегают из-под каштановых кудрей на длинные девичьи ресницы.

– Эй, мальчик, – крикнул Климук, – иди сюда.

Он достал из кармана размякшую плитку шоколада и, почти вываливаясь из люка, протянул навстречу мальчишке. Мальчик сунул руку в сумку, что-то блеснуло в лучах солнца, и танк

Климука окутало огнем. В чёрном дыму мелькнули короткие штанишки и пропали за памятником...

Наконец-то получилось!!! Сегодня мой аппарат заработал! Итак, 3 июля 1986 года в 21ч. 33 мин. Я тронул регулятор, и только страх, скрючивший судорогой мою руку, вернул регулятор к нулевой отметке и спас меня. Но я успел кое-что увидеть!

Придётся сделать таймер, возвращающий регулятор к нулю: скорее всего во время опытов я сам не смогу этого сделать.

Приходил Вовка, взял пленку с Ричи Блэкмором. Пожалуй, таймером у меня будет магнитофон: как только пленка кончится, регулятор вернётся к нулю.

Написал отцу письмо. Как обычно, успокоительные сведения о себе, вежливые вопросы о здоровье, а в конце поинтересовался, служил ли с ним вместе в Венгрии Сергей Климука».

– Лобов Владимир Петрович, год рождения пятьдесят четвёртый, беспартийный, женат, детей нет, работаете слесарем на заводе, всё правильно?

– Да. Можно закурить?

– Пожалуйста. Давно знакомы с Юлиновым Иваном Ивановичем?

– Два года. Живём ведь рядом, квартиры напротив. Я как-то вышел на лестничную клетку, ящик клеил для цветомузыки. Зима была, окна закупорены, вот жена и выгнала на лестницу. И так, говорит, дышать нечем, а тут ты со своим клеим. А он, Ванька, стоял лифт ждал. Ну и спрашивает меня, что за ящик такой. Ну, я сначала свысока так ответил: цветомузыка мол. Я ж из Питера приехал сюда, как говорится, из столицы. Это уж потом я узнал, что Ванька эти цветомузыки с закрытыми глазами ляпает. Вот. Ну, разговорились, познакомились. Я тогда всякой чушуй увлекался: песенками типа блатных. Ну, а как познакомился с Ванькой, начал понимать, что такое рок. Аппаратуру приобрёл.

– А что это Вы из Ленинграда к нам перебрались?

– А жена у меня здешняя, вернее деревня её недалеко. Почти каждый выходной к теще на блины ездим. Опять же картошка, яблоки. Мы раньше проводниками почтовых вагонов работа-

ли. Только я в Питере, а она в Москве. И вот как-то наши поезда стояли рядом в Свердловске. Там и познакомились, адресами обменялись. Потом полтора года переписывались. Однажды утром – звонок, открываю дверь, а на пороге Люська стоит. Повезло, дома я был. Через месяц я к ней приехал, поженились – так и кончились наши поездки по Союзу.

– Да, как в кино! Но вернёмся к делу. Что можете рассказать о Юлинове кроме музыки?

– А чего рассказывать? Парень, как парень. У Кольки, с седьмого, раз маг сломался, так Ванька за час сделал, свои детали поставил – при мне было – и ни копейки не взял!

– И часто он так помогал?

– Нет. Он вообще-то мало кого в нашем доме знает, хоть въехал одним из первых. У нас ведь живут в основном те, кто приехал по оргнабору из Мордовии или Чувашии. Хороший человек с родного места редко сорвётся. Вы ж сами видели, во что наш дом превратился. Это уж если я притащу Ваньке что-нибудь, попрошу, он никогда не откажет.

– А что он мастерил у себя дома?

– Не знаю. Я как-то поинтересовался, Ванька что-то ответил, да мне всё равно было. Вы только не подумайте, что он на продажу. Я как-то заикнулся, что нужна, мол, цветомузыка, что мужик за ценой не постоит, так Ванька мне ответил, что денег ему не надо, а вот если по одному чертежику ему корпус сделают, то...

– Что за корпус?

– Штука одна, на шлем мотоциклетный похожа. Васька проклял всё, пока её делал – это ж не ящик сварить!

– А раньше, до того воскресенья, Вы за Юлиновым никаких странностей не наблюдали?

– Да нет, вроде. В субботу стучался к нему минут десять, он не открыл. Ну, я подумал: женщина какая-нибудь. Так уже бывало.

– Может, Юлинова не было дома?

– Музыка-то играет, я ж не глухой.

– А в то воскресенье ничего не заметили?

Майка на могучей груди Лобова пропиталась потом, беледые короткие волосы прилипли ко лбу.

– Нет, ничего. Мне как раз новые диски принесли, я к

Ваньке зашёл за вертушкой – я свою сдал, – он нормальный был. Спросил, какие диски, хотел потом сам кое-что записать. Взял я у него вертушку, пришел к себе. Ну, мы первый диск поставили, я уровень записи выставил, сели, выпили. И тут, как назло, электричество выключили! Я, прям, от злости на стенку лез. Вышли на лестницу покурить, а там Катька уже орёт. А вертушка Ванькина до сих пор у меня стоит.

Из дневника И. Юлинова.

«Ласково плещет море. Невдалеке вздымаются в голубое, без единого облачка небо тёмные стены города. Слева и справа застыл строй воинов. Ярко блестят в лучах утреннего солнца начищенные доспехи. Вдоль строя ко мне идёт высокий воин. Поверх его доспехов накинута короткая алая плащ, на голове золотом сияет шлем. Вот он подходит ко мне, наши глаза встречаются. Воин остановился.

– Смотри! – Его мускулистая, покрытая шрамами рука протянулась в сторону крепости. – Там, за этими стенами, куsocек нашей родины. Это наша земля, она покрыта нашей кровью и потом наших рабов. Там, – другая рука взметнула складки плаща, указывая в противоположную сторону, – живут варвары. Наши враги. Мы никогда не будем жить в мире, потому что скифы тоже считают эту землю своей. Нас ещё мало, мало наших городов-крепостей на этой земле, но будущее – за нами!

Холодные зелёные глаза не мигая смотрели на меня. Крючковатый нос, нависший над тонкими бесцветными губами, вплотную приблизился к моему лицу. Пахнуло винным перегаром и потом.

– Выбирай, с кем ты? Выбирай сейчас, пока мы ещё не вступили в битву.

– Ты гонишь меня?

– Я не хочу иметь врага за спиной. Я знаю: ты взял себе жену-скифку. Я не верю тебе: ты породнился с врагом. Выбирай, где отныне твоя родина! Но помни: варварам не устоять против нашей мощи.

Я бросил щит, отстегнул меч и пошел прочь от города.

– Эй, лучников сюда! – Услышал я сзади хриплый от злобы голос. – Вот идёт наш враг. Золотой тому, кто с первого раза попадёт ему в голову...

... июля 1986г.

Сегодня выходной. Торопиться не зачем. Попробую сразу пол шкалы».

Чернов перелистнул страницу, словно надеясь, что там будет продолжение, хотя знал, что в воскресенье Юлинов больше ничего не успел записать. Да и эти записи пришлось собирать и восстанавливать по кусочкам. Чернов снял трубку и набрал номер.

– Здравствуйте, доктор, это Чернов. Как наш больной?

– Плохо, Юрий Михайлович. Я прочёл копию дневника, которую Вы мне прислали. По-видимому, Юлинову, чтобы придти в сознание после опыта, обязательно нужно было вернуть регулятор к нулю. Я не знаю, что это за регулятор, но мне кажется, во время последнего опыта он остался в прежнем положении?

– Да, внезапно отключили электроэнергию.

– Вот как? Тогда мне срочно нужен аппарат Юлинова.

– К сожалению, он не сохранился.

– Это ужасно! Я не знаю, как работает этот аппарат, но его воздействие на Юлинова приводит к странным последствиям. Видимо, мозг больного заиклился на определенной информации, и в действие вступили какие-то неизвестные науке силы. Знаете, мы привыкли повторять, что силы человеческого организма неизвестны...

Короче, Иван Юлинов покрывается шерстью. Я думаю, через несколько месяцев мы будем иметь живого первобытного человека!

– Как?! – ошеломлённо выдохнул в трубку Чернов.

– Мне срочно нужен аппарат Юлинова. Клин, как говорит ся, клином. И чем скорее, тем – лучше!

Чернов положил трубку, потом снова схватил её и стал лихорадочно набирать номер.

– Пешкова, пожалуйста. Здравствуй, Алексей, это Чернов, следователь. У меня тут есть черновики, обрывки разных схем и расчетов. Мне срочно нужен адрес, где по этим огрызкам могут восстановить рабочий аппарат. Да, это касается Ивана Юлинова. Сам приедешь? Отлично. Нет, лучше сейчас. Что? Ну-ка передай трубку вашему шефу, я ему покажу «производственную необходимость»!

ПАЛАЧ

...Шевалье захлопнул за собой толстенную, обитую железными пластинами дверь, удивительно легко и беззвучно повернувшуюся на недавно смазанных петлях. В горящие после панического бегства по бесконечным тёмным коридорам замка лёгкие хлынул спёртый, наполненный запахами дыма, крови, экскрементов и палёной плоти, воздух. Шевалье закашлялся, зажимая рот сгибом левой руки, подпирающей дверь, правой нащупывая засов. Но странная дверь почему-то не имела запоров. По крайней мере, с этой стороны. Только маленькое зарешеченное окошко, сквозь которое шевалье обострённым слухом загнанного зверя слышал топот множества ног и голоса при-

ближающейся погони. В тёмном пока коридоре уже появились отдалённые отблески факелов. Пути назад были отрезаны.

Шевалье огляделся и выругался сквозь зубы. Он сам загнал себя в камеру пыток, из которой не может быть второго выхода. Ловушка захлопнулась. А что его ждала на этот раз именно ловушка, шевалье уже не сомневался. Кто-то предал. Служанка графини? Или его собственный слуга?

Какой-то звук прервал несвоевременные домыслы. В мерцающем свете чадающих факелов и пылающего красным жаром пыточного горна шевалье разглядел висящее в цепях на стене изуродованное тело обнажённого мужчины. Тот был едва жив. Но звук – хрип – издавал не он. Шевалье заметался по камере и наткнулся на ещё одно тело. За бочками с тухлой водой на широкой дубовой доске, спал палач. Храп, а не хрип, как показалось загнанному в западню любовнику прекрасной хозяйки замка, доносился из-под так и не снятого почему-то скрывающего лицо палаческого колпака.

Шум погони быстро приближался. Шевалье, не колеблясь, резко сорвал со спящего колпак и вонзил кинжал в так и не успевший открыться глаз. Ворвавшиеся в распахнувшуюся дверь люди графа увидели палача, деловито перебирающего свои страшные инструменты...

– Привет, Паша! Как тебе мой «Дон Жуан»?

– Привет, Алекс. Твой «Дон Жуан»?

– Ну, да, а чей же ещё? Понравилось в камере пыток?

– Так это твоих рук дело!? Что за дрянь ты мне подсунул?

– Разочарован? Знаешь, меня давно занимало, как это мои самые лучшие и перспективные идеи одновременно приходят и в твою голову. Как тебе удаётся буквально на дни, а то и часы, опережать меня и предоставлять боссу мои программные разработки под своим именем? А тут ещё и Ленка начала презирать меня и называть неудачником. А, ведь, она и только она одна имела доступ к моему компьютеру! Да, я поймал вас: своего «лучшего друга» и «любящую» жену. Её я уже простил. Женщины часто западают на мускулистых красавчиков твоего типа, тем более, если кроме внешности у мужика и язык хорошо подвешен. Я, занимаясь разработками виртуальных миров, почти не уделял Ленке внимания. А ты

этим воспользовался. Конечно, воровать проще, чем создавать самому.

– Что ты мелешь! Кто воровал? У тебя нет доказательств, ревнивец хренов!

– Нет доказательств? Ты уже забыл камеру пыток? Это, ведь, я её создал. Ты же представил всему миру демо-версию новой вирт-игры, где мужчины могли бы побывать в шкуре известного соблазнителя, а женщины почувствовать себя женщинами, а не секс-партнёрами. По крайней мере, на первом уровне. Ты украл мою работу, вот только на этот раз я немного подыграл тебе. Зачем? Чтобы отомстить.

– Ты большой, свихнувшийся урод! Думаешь, подменив мою программу своей долбаной камерой пыток, ты что-то доказал? Наша корпорация подаст на тебя в суд за подмену в сети нашей демо-версии тем вонючим убожеством, что появилось, благодаря тебе.

– Бедняга! Ты так ничего и не понял. Твоя корпорация ничего не сможет доказать, потому что твоя демо-версия совершенно не пострадала. В ней не изменено ни одного бита. Просто моя вирт-игра гораздо теснее сотрудничает с подсознанием игрока. Каждый может войти в игру, но вот выбор коридора в замке уже не зависит от опыта игрока и количества попыток пройти данный уровень. Кто-то благополучно минует все засады и попадёт в спальню прекрасной графини, а кто-то, как ты, всегда будет попадать в камеру пыток, в какой бы коридор замка он ни пошёл. Финиш зависит от подсознательных уставок самого игрока. Пока ты сам не изменишься, другого пути у тебя в моём замке не будет! Это моя месть тебе и прочим, похожим на тебя подонкам. То, что ты не попал в спальню графини, – я делал её, между прочим, с Ленки – доказывает, что ты просто используешь мою жену, а вовсе её не любишь.

Кстати, «Дон Жуан» уже широко расплозся по сети, и уничтожить его не возможно. Прощай! Желаю вам с Ленкой никогда не встретиться в моём замке.

– Милый! Я только что вернулась из замка. Ты гений! Как всё же обеднел наш мир без средневековой галантности кавалеров, без изысканных комплиментов, ухаживания, серенад под окном и любовных признаний. Надеюсь, это ты так настойчиво

и красиво добивался у меня свидания? Я просто умру сейчас, если мы вместе не пройдем второй уровень! Немедленно запускай своего чудного «Дон Жуана», не останавливайся на пороге моей спальни...

...Чёртов ревнивец! Хорошенькую свинью он мне подсунул! Впрочем, кроме нас двоих никто не знает правду. Если кто-то идет не по тому коридору, это его проблемы. Наверняка будут и те, кто дойдет-таки до спальни графини. Попробовать еще раз? Даже если не получится, Ленка об этом никогда не догадается. Кто-нибудь другой порезвится с ней в той проклятой спальне. А подробности она сама мне расскажет. Была – не была!

...Слуги расступились, и в камеру вошел граф. Скользя равнодушным взглядом по телу на стене, он махнул рукой стражникам:

– Уберите этот кусок мяса. Он вовремя сдох.

Двое стражников, гремя ножами, бросились исполнять приказ господина. Сняв с цепей еще теплый труп, они сбросили его в дыру в полу, во тьме которой слышался отдаленный рев протекающей под замком реки, куда веками сбрасывались отходы и нечистоты, а также тела узников подземелья. Тела эти никогда и нигде не всплывали, поэтому бежать этим путем никто из попавших в подземелье не пытался.

– Тебе надо было прижечь ему рану после кастрации, тогда бы он не истек кровью. – Повернулся к палачу граф. – Впрочем, теперь это не важно.

Граф вновь махнул рукой, и стражники, схватив палача, быстро подвесили его на освободившихся цепях и вышли, прикрыв за собой дверь.

– Время пришло, шевалье. Ваш будущий палач пока не пойман. Но мои слуги его схватят. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так через несколько дней. Но он обязательно попадет-ся! Знаете, что Вас ждёт? Сначала он вырвет Ваш язык, которым расточались уверения дружбы мне и соблазнительные речи моей жене. Затем выжжет Ваши глаза, которые видели то, что только мне дозволено. Потом раздробит руки, которыми Вы касались тела моей жены. Затем настанет очередь ног, которыми Вы входили в её спальню. Он вырвет все волосы на Вашем теле – ведь она могла их ласкать! И, наконец, новый па-

лач кастрирует Вас. Причём, всё это он будет делать медленно. Во-первых, он неопытен в таких делах, а, во-вторых, не торопится сменить Вас на этой стене пыток. И каждый день палач будет молить бога, чтобы моя жена не завела себе нового любовника. Впрочем, Вы это всё и так хорошо знаете, не правда ли? Прощайте, шевалье. Уверен, Вы не будете здесь скучать.

Граф вышел. Дверь в камеру пыток не имела запоров и сна-ружи.

– Не забывайте почаще смазывать петли, – сказал хозяин замка.

Повинуясь его жесту, слуги и стражники вновь бросились прочёсывать замок, а вслед им из-за решётки окошка летел жуткий вой, в котором уже не было ничего человеческого...

ТРАГЕДИЯ В САХАРЕ

Нет, сегодня пиво мне определённо не нравилось. Мой столик стоит в углу, куда мало попадает света. Я нарочно сел здесь. После той истории в Сахаре прошло полгода. Я отрастил усы и бородку, но всё равно, каждый раз проходя по улицам, опасаясь пули из проезжающих мимо машин. Нет, я не раскаиваюсь в том, что сделал. Скорее бы пришёл Том. Без его поддержки и совета я сгину.

...Полгода назад я сидел в баре, как две капли воды похожем на этот, когда вбежал Росс.

– Что случилось, Гарри? – спросил я. – По твоему лицу можно подумать, что ты получил в наследство миллион.

Не отвечая, Росс залпом выпил моё пиво, плюхнулся на табурет и заказал виски. Несколько минут он буравил меня своими маленькими глазками, утопающими в жиру щёк.

– У меня к тебе дело, Джек, – наконец прохрипел он. – Поехали ко мне.

– Что я у тебя не видел? – мрачно сказал я, вертя в руках пустой бокал. После того, как Гарри связался с мафией, наши пути резко разошлись. Кроме того, неделю назад меня вышибли из газеты. Отсутствие работы и денег меня сильно напрягало. Потому я и торчал в разгар рабочего дня в этом дешёвом баре, заливая депрессию пивом.

Когда мы пришли в домишко Росса, Гарри запер дверь и тщательно завесил окна.

– Не угодил чем-нибудь хозяину? – насмешливо спросил я.

– Нет, просто нам не нужны лишние уши.

Плеснув в бокалы виски, он шёпотом спросил:

– Скажи, Джек, тебе не хочется слетать в Африку?

Виски застряло у меня в горле.

– Куда? Ты что, много выпил сегодня?

– Я не шучу, Джек.

Я внимательно осмотрел его полную низенькую фигуру, напряжённо застывшую предо мной. Розовая лысина, покрытая капельками пота, блестела в свете лампочки. Острые глаза внимательно и трезво смотрели на меня. Нет, на сумасшедшего или пьяного Росс не похож.

– В Африку? – переспросил я. – На какие средства?

– Не беспокойся, Джек, денег хватит. Нашу поездку финансирует сам босс. С нами полетит Билл Джексон, личный телохранитель босса.

– Нет. Я не хочу иметь дела с мафией, – резко ответил я.

– Спокойно, Джек! Всё будет в рамках закона. Я настоял на твоём участии в экспедиции, потому что нам нужен пилот вертолёта. Ты, ведь, в армии служил вертолётчиком?

Я кивнул.

– Джексон может вернуться из Африки и без меня, – хмуро пробурчал Гарри. – А тебя я знаю с детства! Ты ведь не пришьёшь старого друга ради денег, Джек? Соглашайся! Твоя совесть будет чиста, это я тебе обещаю твёрдо. Я знаю: ты сейчас безработный. А из Африки вернёшься миллионером. Как и я!

– Откуда мы возьмём эти миллионы?

– Месяц назад я получил письмо. В нём сообщалось, что умер мой дядя и оставил мне в наследство старый дом на берегу Огайо. Я, конечно, сразу поехал туда. Это оказался большой старинный дом. В нём жил ещё мой прадед. И вот, осматривая подвал, я нечаянно опёрся о еле заметный выступ в стене, и вдруг предо мной открылся тайник. Об этом тайнике не знал никто, кроме моего прадеда, построившего этот дом. Я увидел старинный свиток. Это было завещание. Вот его копия.

Заинтригованный рассказом, я взял из рук Гарри «Завещание».

«Мой далёкий потомок! Я открою тебе великую тайну! Повторив мой подвиг, ты прославишься на весь мир.

Путешествуя весной 1799 года по Африке, я с двумя спутниками решил пересечь Сахару по руслу пересохшей реки. Мы дошли до невысоких гор посреди пустыни. Там, в пещере, где когда-то скрывалась река, мы нашли большой ящик. С трудом вскрыв его, я и мои товарищи нашли то, что навеки прославило бы нас и сделало владыками мира. Но эта находка и погубила нас. Я остался один и спрятал ящик там, где мы его нашли.

Долго я брёл по пустыне назад. Умиравшего от голода, жажды и солнечных ожогов меня подобрал арабский караван.

Если ты чист душой, пройди по моим следам. Если тебя обуревают тщеславие и алчность, оставь моё завещание на прежнем месте, иначе тебя ждёт гибель.

Артур Джон Росс, 15 мая 1812 г».

– Дальше была нарисована карта. Как видишь, Джек, всё будет вполне законно. Обычная археологическая экспедиция. Мой предок наверняка нашёл не разграбленное захоронение какого-нибудь фараона. Соглашайся! К тому же, у тебя теперь

нет выбора, дружище: босс согласился на твоё участие в деле, но если ты против, то... Лишних свидетелей никто не любит!

Белое солнце невыносимо пекло. На ослепительно голубом небе не было ни облачка. Чуть не теряя сознание, блуждали мы днём по раскалённым камням нагорья Ахачгар, а ночью дрожали от холода. Тесно прижавшись друг к другу в палатке, мы тщательно старались уснуть.

Три недели мы искали эту проклятую пещеру. И вот, наконец, цель нашей авантюры перед нами: небольшое чёрное отверстие в выжженной белой скале. Бросив у входа снаряжение, мы с трудом протиснулись в него. В свете фонарей перед нами открылся широкий туннель. Прохладный ветерок приятно освежал разгорячённые тела. Удивительно ровный «коридор» вёл вглубь горы.

После одного из поворотов в свете фонарей блеснула вода. У наших ног лежало небольшое круглое озеро. Прозрачные струи играли в лучах света. Но самым удивительным была радуга. Прекрасная, она висела прямо перед нами, образуя своеобразную арку над озером. В восхищении мы молча смотрели на это чудо.

Гарри первым вспомнил, зачем мы здесь. В нетерпении он бросился к озеру. Тут только я заметил, что в воде плавает какой-то длинный ящик. Билл прыгнул в воду. Гарри возбуждённо бежал по берегу, нетерпеливо взмахивая руками. С трудом извлекли мы скользкий ящик из воды. При этом он перевернулся, и мы отшатнулись. Перед нами был саркофаг! Чёрный снизу и по бокам, сверху он был прозрачен. И сквозь эту прозрачную крышку мы увидели ЕГО. Пришелец был одет в лёгкий серебристый скафандр. На голове круглый прозрачный шлем с расходящимися в разные стороны короткими трубками. Тонкие четырёхпалые руки сложены на груди. Огромные фасеточные глаза без век, казалось, смотрели сквозь нас.

– Ничего себе, наследство! – процедил Билл. – Стоило тащиться сюда из-за этой падали!

– Идиот! – прокричал Гарри. – Ведь это целое состояние! Джек, Билл, берите саркофаг и тащите к выходу.

Удар в челюсть бросил меня на камни. Билл с пистолетом в руке стоял над Гарри.

– Ты что же, сволочь, вздумал надуть босса? Где твои соколовища?

– Погоди, Билл, я сейчас всё объясню, – лепетал Гарри, прижимаясь к стене. – Это ведь инопланетянин! Мы продадим его учёным или будем показывать за деньги!

– Кто даст миллионы за эту падаль? – прорычал гигант. – Босс угробил на эту поездку кучу денег.

– Не убивай меня, Билл! – всхлипнул Гарри. – Давай сначала сообщим обо всём боссу. Пусть он решит, что делать.

Пухлое тело Росса вжалось в стену, вскинутые в мольбе руки дрожали. Подцепив носком левой ноги пятку верзилы, я правой с силой ударил его под коленку. Билл упал. Запоздало прогремел выстрел, многократно повторённый и усиленный пещерой. Вскочив, я бросился к гангстеру, но тот лежал без движений. Упавший фонарь освещал его голову. По щеке от виска бежал тонкий алый ручеек. Видимо, падая, Билл ударился обо что-то.

Я повернулся к Гарри. Тот ничком лежал рядом с саркофагом. Пуля гангстера, срикошетив, всё же нашла свою жертву...

Я сидел на раскалённом песке, тупо глядя на саркофаг. Кто он, этот пришелец? Две группы людей в разное время нашли его, и сразу же произошли трагедии. И в том, и в другом случае в живых остаётся всего один человек: Росс, оставивший туманное завещание, и я.

Крышка саркофага почти исчезла в белых лучах африканского солнца, и я отчётливо видел фигуру в серебристом скафандре. Пришелец приблизительно с меня ростом. В глаза бросается великолепная фигура атлета. Тонкая ткань скафандра обтягивает могучие мускулы. Вот только черты лица удивительно мелки.

А что это за красная точка на крышке? Неужели кровь Гарри? Я пытаюсь стереть эту каплю, но едва только дотрагиваюсь до неё, как крышка бесшумно поднимается. Теперь меня подгоняет навалившееся внезапно любопытство. Я жадно разглядываю пришельца. Его сильные ноги кажутся коротковатыми. Мускулистые руки оканчиваются четырёхпалой кистью с удивительно тонкими и гибкими пальцами без ногтей.

Осторожно снимаю шлем. Передо мной голый шар. Ни малейшего намёка на то, что у пришельца когда-то были волосы, усы, борода или брови. Гладкая розовая кожа покрывает череп

мыслителя. Уши, нос, рот сравнительно мелки. Зато глаза великолепны: огромные, фасеточные, как у насекомых. Кожа гладкая и тёплая. Передо мной, несомненно, не мумия, но и следов тлена не видно.

Солнце печёт нестерпимо. Моя шляпа осталась в пещере. Интересно, спасёт ли меня шлем пришельца от зноя Сахары? Я надеваю шлем, и мне сразу становится легче. С удовольствием вдыхаю чистый, прохладный воздух. Неужели атмосфера родной планеты пришельца такая же, как у нас, на Земле? Откуда же Он? Почему оставлен на Земле?

И тут я потерял сознание. Вернее потерял своё сознание, но приобрел его! Я стал ИМ. Его глазами я видел нашу Землю: мрачные влажные джунгли, болота, огромных ящеров, пожирающих друг друга, первых крысоподобных млекопитающих.

Теперь я знаю всё. Пришелец был стар. Однажды, стоя на берегу земного моря, он вспоминал все моря, виденные им на других планетах. Его всегда поражало, что на каждой планете своё море, не похожее на другие. А это, плещущееся у ног, удивительно похоже на море его родной планеты. Такое же голубое, свежее.

Огромная крылатая тварь спикировала на пришельца, окалив зубастый клюв, и сражённая плазменной струёй упала в море, где её тут же проглотила другая тварь. Могучее, закалённое тело старого звездолётчика легко выдерживало стартовые перегрузки. Но сердце не выдержало тоски по родной планете, которую так неожиданно остро всколыхнуло плещущееся у ног море. По обычаю космических разведчиков старого десантника похоронили на планете, получившей с этого момента его имя...

Я очнулся от холода. Светлое небо, усыпанное крупными яркими звёздами, шатром висело над нами: надо мной и им. Я уже не мог думать о нём, как о мёртвом. Ведь я был им.

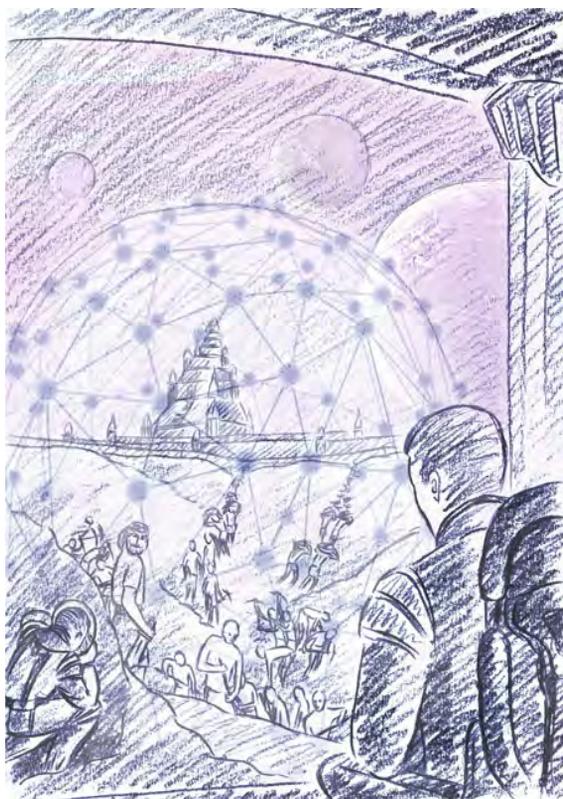
Дрожа от холода, я протянул руку за одеялом, и тут случилось невероятное. Едва я коснулся одеяла, раздалось грозное шипение. Треугольная голова змеи с холодными точками глаз медленно поднялась над кольцами тела. Оцепенев от ужаса и омерзения, я не в силах был пошевелиться. И вот в ту секунду, когда свернувшаяся в тугую пружину змея готова была броситься на меня, из трубки на шлеме неожиданно вырвалась ог-

ненная струя. Тело змеи мгновенно обуглилось. Я сидел, тупо глядя на догорающее одеяло. Оказывается, грозное оружие пришельца действует до сих пор!

Впоследствии я много думал над этим. По-видимому, струя плазмы выбрасывается в сторону опасности по мысленному приказу. А может, из раструбов на шлеме бил смертоносный луч, попутно превращавший окружающий воздух в плазменный шнур. Поразительно сходство человека и пришельца, раз я смог «увидеть» память, сохранённую в запоминающем устройстве шлема, и даже привёл в действие грозное оружие защиты.

Внезапно я услышал сигнал вызова, доносящийся из кабины вертолётa, и вспомнил, что пропущено уже два сеанса связи с боссом. Я уверен, что босс послал своих людей следить за нами. Если так, то скоро они будут здесь. Надо действовать, пока их вертолёты не нашли эту стоянку...

Взрыв завалил вход в пещеру. На это ушёл почти весь наш динамит. Догорала палатка. Я сидел в маленьком вертолётe и курил. И думал о том, что надо скорее улетать. Улетать куда-нибудь подальше от этого страшного места. Через два часа сеанс связи с боссом. За эти два часа я постараюсь улететь поближе к границе и там остатками динамита взорвать вертолёт вместе с трупами гангстеров. Я постараюсь исчезнуть. Так исчезнуть, чтобы мафия не заподозрила, что я жив. Пусть босс думает, что вертолёт потерпел аварию, и экспедиция погибла. А уж я постараюсь, чтобы завещание Артура Росса попало в чистые руки...

ГОРОД

Быстров осторожно выглянул из-за скалы. Охранник был совсем рядом. Его длинная, по колено, рубаха покрылась тончайшим слоем пыли и казалась из-за этого серой. За широкий кожаный пояс заткнут короткий меч. Быстров включил телекамеру, и Толя Винер, ждущий его в рубке «Спасателя», поспешил уменьшить звук. Над карьером стоял непрерывный грохот. Сотни рабов в одних набедренных повязках рубили кирками камень, группы носильщиков таскали его в огромных корзинах наверх и сваливали на телеги. Когда телеги наполнялись, рабы, впряжённые вместо лошадей, волокли их по отшлифованной тысячами босых ног дороге к Городу. Карьер напоминал огромную чашу, по краям которой торчали неподвижные фигуры охранников.

Острый обломок впился Быстрову в бок. Сергей осторожно поменял положение и направил глазок телекамеры в центр карьера. На несколько секунд он выпустил из виду стоящего недалеко охранника, целиком сосредоточившись на картине, приближенной телеобъективом. В облаке пыли мелькают мускулистые руки, сжимающие инструмент. Мерно взлетают кирки и, обрушиваясь, откалывают куски камня. Между покрытыми пылью и потёками пота телами рубчиков снуют коренастые фигуры, быстро собирающие сколотую породу в огромные плетёные корзины. Два непрерывных потока текли параллельно навстречу друг другу: снизу вверх карабкались рабы с наполненными доверху корзинами, сверху вниз – опустошившие их в телеги.

Рядом хрустнуло. Сергей мгновенно вскочил. Охранник был уже в двух шагах. Его меч ярко блестел в лучах полуденного солнца.

– Серёга, немедленно уходи! – Услышал Быстров взволнованный голос Винера и представил, как его маленькая фигурка напряжённо застыла перед экраном, заполненным надвигающимся охранником.

– Спокойно, Толя, – ответил Быстров, на голове у меня гермошлем, а комбинезон не пробьёт даже бластер, не то что эта медная ковырялка.

Охранник бросился. Быстров ушёл легко. Он вполне мог обезоружить нападавшего, но решил выждать, посмотреть, что будет, когда охранник поймёт, что противник ему не по зубам. Уходя от бросков и ударов, Сергей увлёкся, он не слушал, что кричит ему Винер...

– Какого чёрта вас понесло в Город? Вы что, не знали, что планета занесена в «Красную книгу»? На Сиреневую посадка запрещена!

– У нас была вынужденная посадка, – вяло ответил Быстров, прислушиваясь к боли в избитом теле: мечи охранников не смогли, конечно, пробить ткань комбинезона, но синяков поставили.

– Вот и занимались бы ремонтом. Кто просил вас лезть в Город?

Зубов вскочил и забегал по каюте.

– Мы не могли спокойно смотреть, как одна раса поработи-

ла другую и нещадно эксплуатирует её, – жестко сказал Быстров. Его зелёные глаза вызывающе блеснули из-под отросших русских кудрей.

– Какая раса? Кого поработили? – Резко остановился Зубов.

– Серёжа ошибся, – прозвучал спокойный голос Винера. – Это одна и та же раса. Просто делают рабов из себе подобных! Фашизм.

– Ты слышишь, Маша? – Засмеялся Зубов, обращаясь к сидящей в углу худенькой женщине. – Оказывается, в Городе процветает фашизм, и мы с тобой его охраняем и защищаем!

Жирные щёки Зубова тряслись, он начал задыхаться.

– Сядь, Паша. – Голос маленькой женщины оказался неожиданно низким. – А вы, герои, может, всё-таки расскажете нам, как всё произошло?

– Когда Сергей начал играть с охранником, он перестал воспринимать окружающее, – начал Винер. – Телекамеру он не выключал, и я видел, как со всей каменоломни сбегают стражники. Они навалились на него всем скопом. Я не стал ждать конца схватки, прыгнул в вездеход и помчался к карьере. На экране вездехода, как в калейдоскопе, мелькали руки, мечи, ноги. Когда я подъехал, всё уже было кончено. Сергея спеленали верёвками, бросили на телегу, и шестёрка рабов в окружении охраны повезла его и с десяток покалеченных охранников в Город. Я медленно двинулся за ними. Мне всё время не давала покоя одна мысль.

– Какая? – быстро спросил Зубов.

– Ещё когда я наблюдал на телеэкране карьер, меня поразило одно обстоятельство: все работали без надсмотрщиков! Никто не подгонял рабов, на их телах нет следов побоев, однако все работают в полную силу! И второе: охранник, напавший на Сергея, не издал ни звука, да его бы никто и не услышал в этом адском грохоте. Однако помощь пришла немедленно! И даже конвой из Города. Я понял: аборигены общаются телепатически! Мы – спасатели, «скорая помощь» Вселенной, поэтому наш вездеход недавно оснастили мыслепередатчиком. Я включил его. Рабы, тащившие повозку, не считали себя рабами! Они были убеждены, что созданы для этого. Охранники, оказывается, не стерегли рабов от побега, а защищали их от

нападения диких зверей и захватчиков из соседних Городов. Меня они вообще не воспринимали, так как вездеход экранировал моё биополе, а мыслепередатчик был включен только на приём.

Мы въехали в Город. Я увидел людей-строителей, мусорщиков, пастухов, мясников, охотников. И всех их объединяло религиозное чувство преданности Праматери. Я выудил из мыслей прохожих, что дети живут и воспитываются в специальных домах, из которых они выходят, уже имея определённую раз и навсегда профессию, не зная своих родителей и даже не пытаясь изменить свою судьбу.

В центре Города высятся дворец, где под усиленной охраной живёт Праматерь. Индикатор показал, что это здание окружено мощным биополем. Вся жизнь Города подчинена приказам, идущим из этого мрачного дворца. Вы понимаете? Они выращивают из детей живых роботов, мысли и поступки которых постоянно под контролем Праматери! Протест невозможен, ибо робот делает только то, что в него заложено. Если же программа даёт сбой, то бедняга просто гибнет.

– Ну, хватит! – Снова вскочил Зубов. – Вы здесь таких ужасов наговорили, что, я думаю, Маша вся дрожит.

Зубов потёр лысину и неожиданно улыбнулся.

– Честно говоря, вы повторили те же ошибки, что и мы с Машей, когда высадились здесь пятнадцать лет назад. Мы вовремя вас выдернули из Города, нас вот с Машей некому было остановить... Мы тоже ошиблись, приняли жителей Города Сириновой за разумных существ. Это не так, вернее не совсем так. Вы видели когда-нибудь муравейник?

– Вы хотите сказать?..

– Да. Здесь то же самое. Каждый обитатель Города сам по себе никто, беспомощное животное. И только объединившись, создав коллективный сверхмозг, они создают Города. В центре Города живёт Праматерь. К ней сходятся все нити, она решает, кого выпускает няньки: охранников, строителей или пастухов. Второй десяток лет мы с Машей пытаемся разобраться, как Праматерь программирует своих подданных. Вы ведь видели, они не только профессиональными навыками, но и внешним видом отличаются друг от друга, хотя рождаются совершенно одинаковыми.

Впрочем, я увлѣкся, это наши проблемы, мы конфискуем ваш мыслепередатчик, он нам очень пригодится. А вам пора покидать Сиреневую.

– Скажите, – нерешительно начал Быстров, – пятнадцать лет назад...

– Да, – грустно ответил Зубов. – Они захватили Машу. Я был так же молод и горяч, как вы. После гибели Праматери население разбредось. Тех, кто не попал в лапы хищников, захватили соседние Города. А «освобождённый» нами опустел. Его развалины тут, не далеко...

ВСТРЕЧА. XXII ВЕК

Председатель: Вы работаете в Космической Спасательной Службе?

Быстров: Да. Старший спасатель.

Председатель: Класс корабля и состав команды?

Быстров: Двухместный звёздный катер «Смерч». Мой напарник – спасатель первой категории Анатолий Винер.

Председатель: Как вы узнали об аварии на «Сигме»?

Быстров: Мы как раз стартовали с Сиреновой. Только на-

чали подготовку к Д-переходу, как бортовой компьютер сообщил о поступлении SOS. Мы сразу же послали рапорт на Базу об изменении курса и полученном аварийном сигнале.

Председатель: В полученной вами радиограмме указывался характер неисправности на «Сигме»?

Быстров: Нет. Это был просто SOS.

Председатель: Что вы обнаружили на «Сигме»?

Быстров: Командир «Сигмы» Пётр Ярополк лежал в рубке на полу. Он был в состоянии клинической смерти. Десантника Кларка на корабле не оказалось. В каюте Ярополка мы обнаружили Ящера.

Председатель: Что Вы имеете в виду?

Быстров: В каюте был оборудован бассейн. В нём лежало существо, напоминающее мини-тиранозавра. Этакий двухметровый крокодил, передвигающийся на задних конечностях. Мы с Винером назвали его Ящером.

Председатель: Он был жив?

Быстров: Да.

Председатель: Вы просмотрели бортовой журнал «Сигмы»?

Быстров: Журнал не сохранился. Но мы установили, что был Контакт.

Председатель: Вы имеете в виду инопланетный Разум?

Быстров: Да.

Председатель: Поподробнее, пожалуйста.

Быстров: Ярополк был в критическом состоянии. Мы перенесли его на «Смерч» и поместили в медицинский отсек. Им занялся робот-врач. Попутно я дал задание на зондаж мозга Ярополка. Компьютер врача расшифровал биотоки, и мы узнали о Контакте.

Председатель – Горбовскому: «Сигма» – десантный корабль?

Горбовский: Да.

Председатель: Они шли на Контакт?

Горбовский: Нет, это был обычный патруль. Мы не ждали в этом секторе Встречи: он почти полностью изучен.

Председатель – Быстрову: Продолжайте. Как произошла Встреча?

Быстров: «Сигма» шла в обычном пространстве, как

вдруг прямо перед ней появился неизвестный корабль. Они чуть не столкнулись. Ярополк испробовал все позывные. Неизвестный не отвечал. Тогда они решили, что корабль мёртв. Кларк попытался проникнуть внутрь неизвестного, и, в конце концов, ему это удалось. Когда он вскрыл рубку, на него бросился Ящер. Кларка спас скафандр: зубы у Ящера не хуже крокодильих. Десантники скрутили эту злую бестию и перенесли её на «Сигму».

Председатель: Они пытались установить Контакт?

Быстров: Да. Ящер с самого начала повёл себя враждебно. Не подпускал к себе людей, старался напасть. Агрессивность его была необъяснима и постоянна. Ни на какой контакт он не шёл. Ярополк и Кларк пришли к выводу, что столкнулись с неизвестной враждебной нам цивилизацией. С их разведчиком. Надо было срочно установить, откуда он прибыл, и предупредить Совет об опасности. Кларк перешёл на корабль Ящера, а Ярополк стал составлять рапорт в Центр.

Председатель – Горбовскому: Вы получили этот рапорт?

Горбовский: Нет.

Быстров: Ярополк не успел его отправить.

Председатель: Старший спасатель Быстров, Вы находитесь в Чрезвычайной Комиссии по Контакткам. Прошу воздержаться от реплик. Отвечайте только на вопросы.

Быстров: Извините.

Председатель: Что было дальше?

Быстров: Корабль Ящера неожиданно стартовал в надпространство. «Сигма» была рядом. Удар Д-двигателей пришельца мог испарить её за несколько секунд. Бортовой компьютер вынужден был дать Д-старт и «Сигме». Ярополк был почти расплюсчен перегрузками. Как перенёс их Ящер, не знаю. Львиная доля запасов энергии «Сигмы» ушла на отражения ударной волны. Броня корабля почти испарилась. Бортовой компьютер успел на остатках энергии вывести корабль в обычный космос и послать SOS.

Председатель: Это всё, что Вы можете сообщить Комиссии?

Быстров: Я доставил на Базу Ярополка и Ящера. Винер остался на «Сигме», ждёт десантников.

Быстров полулежал в кресле, чувствуя, как отступает, смывается напряжение последних дней. Всё-таки великое дело – музыка! Ещё древние заметили её воздействие на человека. Быстров расслабился, на лице появилась лёгкая улыбка, глаза закрылись. Хорошо! Звуки синтезаторов сливаются в мелодию, очищающую мозг от усталости, забот. Можно выбрать и создать любое настроение. Вернувшись из рейса, Быстров ставил всегда одну и ту же кассету: прежде всего надо снять напряжение труда, очистить мозг от лишних очагов возбуждения, успокоиться. Кассету радости Быстров слушал редко: радость приходила сама. Каждое возвращение домой, встреча с Маринкой и Славкой – лучше всяких синтезчуств.

Быстров снял наушники и шагнул в соседнюю комнату. Стеллаж с игрушками, стол с измерительным комплексом и набором микропроцессорных модулей: очередное Славкино увлечение – сборка миникомпьютера. Над столом фотографии Гагарина, Горбовского. А вот и хохочущая Маринка, в купальнике, пытающаяся стащить счастливо визжащего Славку с барахтающегося на мелководье Быстрова. На противоположной стене, как тряпка, болтается распотрошённый экран стереовизора. В углу, на тахте, из-под одеяла торчит сонно посапывающая белобрысая головка.

Быстров сел за рабочий стол и с интересом склонился над разложенными схемами. Всё ясно: опять вышел из строя блок цветности. Ого, а это что такое? Неужели Славка пытается лепить свою собственную схему блока? И это в шесть лет! Пора отдавать его в школу.

– Папка! – Две маленькие тёплые ручки обвилились вокруг шеи Быстрова. – Ты когда прилетел?

– Только что, а где мама?

– В Африке, у неё какой-то семинар. А что ты привёз? А когда мы пойдём в зоопарк?

– Я привёз тебе огромного ракапаука с Пандоры. Он в фонотеке слушает запись своих брачных воплей.

– Нет, правда? – Замер Славка. – И я смогу на нём показаться?

– Я пошутил, сынок. – Улыбнулся Быстров, сажая сына на тахту. – Никого там нет. Ракапаука мы с тобой посмотрим в зоопарке. Сегодня же, – прибавил он, видя, как Славка начинает надуваться.

– Понимаешь, был очень трудный рейс, пришлось пово-

зиться. Зато теперь у меня две недели отдыха, так что можешь составлять программу путешествия по старушке Земле. С чего начнем, с Африки или Америки?

– С зоопарка! – закричал Славка. – Потом детский городок аттракционов, потом...

– Стоп, стоп, тихо! – Накрывая сына подушкой, засмеялся Быстров. – А как у нас с учёбой?

– Смотри. – Славка спрыгнул с тахты, подбежал к компьютеру. Его проворные пальчики коснулись нескольких клавиш, и на экране появился график успеваемости по изучаемым предметам.

– Ну что ж, молодец, – похвалил Быстров сына. – Материал усваиваешь прочно. Пожалуй, пора тебе определяться. В какую школу ты хотел бы уехать?

– Конечно, в Аньюдинскую!

– Куда хватил! В Аньюдинскую школу мечтают попасть ребята со всей Земли и даже с Венеры. Там учились Геннадий Комов, Поль Гнедых, Александр Костылин, Михаил Сидоров! А ты? Даже стереовизор починить не можешь.

– Вот ещё! – Вспыхнул Славка. – Да я его раз десять чинил. Надоело! Проще переделать весь блок.

– Ладно, не кипятись. Беги умываться.

Быстров проводил улыбкой сына, всем своим видом выражавшего незаслуженную обиду, и вспомнил, как сам в детстве бился со стереоблоком, пока не переделал его по-своему. «Неужели мой отец тоже подсовывал мне в стереовизор заведомо неработоспособный блок?»

– Славка! – закричал Быстров. – Быстренько делай зарядку, под душ – и в зоопарк. Сегодня я разрешу тебе вести птерокар.

Из-за двери донёсся ликующий вопль ракопаука, настаивающего добычу. Быстров прошёл на кухню. Набирая на клавиатуре заказ, он решил: день, ну два, он будет развлекать сына всеми благами цивилизации, а потом увезёт его к Сашке, в тайгу, тот давно приглашает. Походят по лесу, грибы, ягоды, ночной костёр на берегу таёжного ручья. А знаменитая Сашкина уха? Быстров зажмурился, чтобы вид тарелок с заказанным завтраком не спугнул чудное виденье, которое он глушил в себе в фонотеке корабля во время последнего рейса, когда нужно было

срочно доставить на Базу полумёртвого Ярополка и пышущего злобой Ящера. Быстров вёл корабль в одиночку, подменить его было не кому.

«Скорая помощь Вселенной» – говорит о нас шеф. Экипажи регулярных рейсов смотрят на спасателей, как на бездельников, десантники – как на аристократов: есть аварийный вызов – лети, нет – наслаждайся жизнью на Земле. В десантники берут не каждого, но мало кто знает, что в спасатели отбор ещё жёстче. По сути дела спасатели – это десантники высшей квалификации и эрудиции.

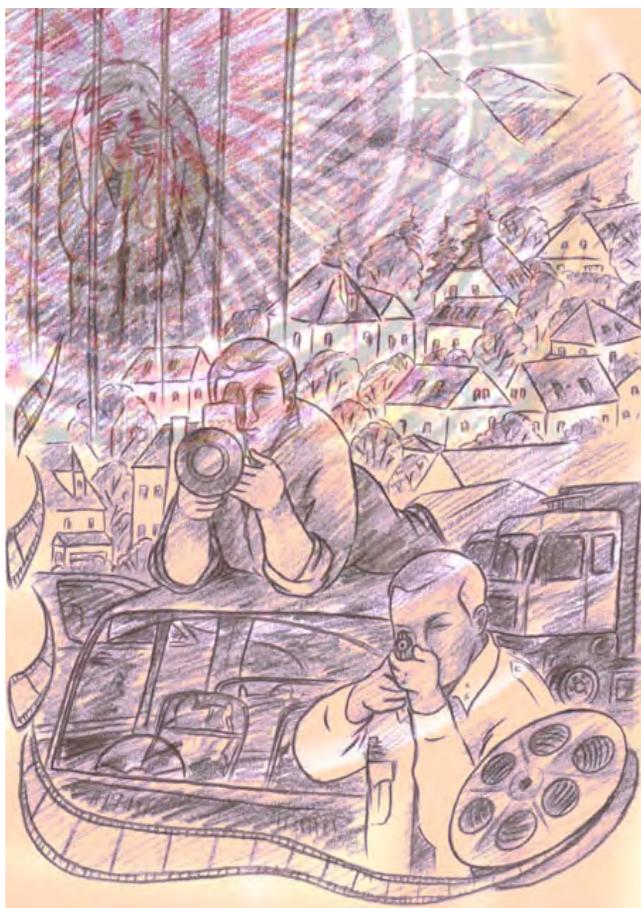
Сигнал видефона вывел Быстрова из задумчивости.

– Маринка! – Обрадовался он, включая экран.

– Здравствуй, Серёжа, – улыбнулся Горбовский. – Только что получили весточку с «Сигмы». Винер сообщает, что прибыл Кларк с хозяевами Ящера.

– С какими хозяевами?

– Они испытывали свой первый Д-звездолет. У нас первыми в космос полетели собачки, а у них Ящер. Ну что, будешь отдыхать или повезёшь «собачку» хозяевам?

ПОД КУПОЛОМ СТРАХА

Майкл Беннет подъезжал к родным местам. Вот впереди, у развилки, знакомая с детства бензозаправочная станция Старого Джо. Журналист сбросил скорость, затормозил у колонки. Сколько помнил себя Майк, Дядюшка Джо всегда сидел на потемневшем от времени и мазута крыльце своего дома, вмещавшего под одной крышей спальню самого Джо и салун, где можно хлебнуть виски, купить сигареты, сэндвичи, выпить чашечку кофе.

Майк, приветливо улыбаясь, вылез из машины.

– Хэлло, Дядюшка Джо! Как поживаете? Мне полный бак и бутылочку кока-колы.

Старый Джо легко оторвал своё рыхлое тело от крыльца. Рука Беннета утонула в огромной ладони хозяина станции. Джо вынул изо рта незажжённую трубку, и его известный всем шофёрам дальних перевозок бас покрыл рёв проносащихся мимо по автостраде машин.

– Здравствуй, малыш, рад видеть тебя целым и здоровым! Боб читал мне твои репортажи из Центральной Америки. На фотографиях в журнале ты выглядел не таким бодрым.

– Ерунда, пуля прошла навывлет, кость не задета. Я больше мучился от лихорадки, чем от раны. А у тебя, я вижу, новая соска?

– На своем веку, малыш, я сгрыз больше трубок, чем ты написал слов, – улыбнулся Старый Джо, демонстрируя два ряда не по возрасту белых крепких зубов. Он достал из холодильника бутылочку кока-колы, легко скovyрнул пробку и подал напиток журналисту.

– Семь лет не был дома, – сдирая с шеи галстук, сказал Беннет. – Как там мои? Как Сэм?

– Здоровы, – прорычал Старый Джо, заправляя бак. – Братец твой сейчас в армии, уже сержант. Его часть стоит тут, недалеко. Он часто проезжает мимо. У нас ведь в Городке отгрохали гостиницу с рестораном. «Дикий Запад» называется. Офицеры каждый выходной там гуляют. Потом Сэм отвозит их назад, в часть. Сегодня у нас четверг? Значит, послезавтра жди его в «Диком Западе».

– А где сейчас Джимми Бакстер? Все ещё служит в полиции? – Журналист снял синий вельветовый пиджак, бросил его в машину.

– Бакстер теперь у нас шериф, – выключая счётчик, пробасил Старый Джо. – Два года назад в ресторане его здорово помяли во время драки между солдатами и парнями с окрестных ферм. Теперь треть молодёжи Городка служит в полиции. Ты сам-то надолго в родные края?

– Надоело валяться в госпитале. Рука давно зажила. Каменные джунгли летом ничем не лучше экваториальных, так что мой босс и врачи разрешили мне провести несколько недель на отцовской ферме.

Журналист закатал рукава голубого батника, расстегнул две верхние пуговицы, сел за руль.

– Послушай, мальш, – Старый Джо знаком попросил подождать подъехавший рефрижератор, бросил водителю банку пива. – Позавчера я послал Боба в Городок: у меня кончаются запасы. Этот паршивец до сих пор не вернулся. И телефон молчит, видно оборвался кабель. И как назло ни одной машины оттуда!

– Хорошо, Дядюшка Джо, я разыщу его и надеру уши. – Журналист допил кока-колу и вытащил бумажник.

– Спасибо, Майк. – Старый Джо бросил на сиденье рядом с Беннетом ещё одну бутылочку напитка и зелёную пачку «Салем». – Если в парнем что случилось, пришли кого-нибудь ко мне с весточкой.

– Ерунда, твой внук не из тех, кто даст себя в обиду. Сколько ему сейчас? Семнадцать? В его возрасте я уже год как сбежал из-под родительского крова. Пусть немного развлечётся с городскими девчонками. Я сам привезу тебе всё, что надо.

Журналист захлопнул дверцу, мотор мягко заурчал. Съезжая с автострады на старое узкое шоссе, ведущее в Городок, Майк видел в зеркальце высокую мешковатую фигуру, стянутую выгоревшим на солнце комбинезоном. Ветер шевелил длинные седые волосы. Джо задумчиво смотрел вслед машине журналиста, его крепкие зубы, как всегда, грызли деревянный мундштук трубки.

Через час петляющее между длинных рекламных щитов шоссе уперлось в широкую полосу дымящейся гари. От неожиданного жуткого зрелища выжженной земли с остатками искореженных огнём автомобилей и обезображенных трупов Беннет резко нажал на тормоз. Визг покрышек заглушил автоматную очередь, взметнувшую перед бампером фонтанчики пепла. Журналист распахнул дверцу и, вывалившись наружу, ящерицей втиснулся под машину. В нос ему ударил запах гари и палёного мяса. Следующая очередь прошла лобовое стекло. Майк осторожно поднял руку, вытащил из машины сумку с портативной кинокамерой. Прячась от неизвестного стрелка за автомобилем, журналист отполз к кювету. Скатываясь в заросшую серой от пыли травой яму, он услышал последнюю оче-

редь. Бензобак взорвался, и взятая напрокат машина Беннета окуталась пламенем и чёрным дымом.

Беннет осторожно выглянул из-за угла. Центральная площадь была пуста, если не считать полицейской машины у входа в ярко освещённый участок. За время, пока Майк почти ощупью пробирался по знакомым с детства улочкам, он не встретил ни одного человека. Все окна черны. Ни за одной дверью не слышно музыки, разговора или детского плача. Вообще в Городке не горел ни один фонарь. Журналист благодарил детские игры в сыщиков, когда в поисках Коварного Убийцы они с Джимом облизали весь Городок.

Майк быстро пересёк площадь, стараясь не попадать в полосы света, бьющие из открытых окон полицейского участка – единственного маяка в море мрака. Прижимаясь к стене, журналист осторожно приблизился к окну и заглянул в него. Шериф Бакстер спал, сидя за столом. Перед шерифом стояла наполовину пустая бутылка виски. Рядом с полной окурков пепельницей шипела включенная карманная рация, тускло мерцал автомат. Майк протянул руку, осторожно взял автомат, ощутив тяжесть полного магазина, тихо положил оружие на капот стоящей рядом машины.

– Джим, – шёпотом позвал он.

Бакстер мгновенно открыл глаза, его рука метнулась к автомату, но короткие сильные пальцы с обломанными ногтями наткнулись на пустоту.

– Это я, Майк Беннет, ты узнаёшь меня?

Несколько секунд шериф дико глядел на торчащую в окне всклокоченную, покрытую пылью и сажёй физиономию.

– Фу, чёрт! – выдохнул он наконец, расслабляясь. – Ну и напугал ты меня! Откуда ты взялся?

– Приехал отдохнуть, у меня отпуск, – прошептал журналист.

– Какого дьявола ты шепчешь? Что у тебя с горлом?

Майк взял автомат, обогнул машину и вошёл в полицейский участок.

– С горлом у меня всё нормально. Это у вас тут чёрт знает что творится! Скорее я должен испугаться, а не ты.

– Посмотри на себя в зеркало! Да, сомневаюсь я, что ты

отдохнёшь сейчас в нашем Городке. – Разлил по бокалам остатки виски шериф, когда кое-как умывшись, журналист сел за стол. – Я вообще не понимаю, как тебе удалось сюда проникнуть.

– Прямо скажу, встретили меня приветливо: с салютом и фейерверком. Потом я до темноты наслаждался природой, лёжа со всеми удобствами в канаве. А как стемнело, проделал увлекательную прогулку по мирно спящему Городку. И, наконец, меня ласково принял старый друг, обозвав чёртом и не продырявив из этой милой игрушки только потому, что я догадался взять её первым.

– Ты всегда был везучим, Майк, – серьёзно ответил Бакстер, прихлёбывая из бокала. – Только ты мог уцелеть днём на огневом кордоне, да ещё пройти сквозь него, не встретив ни одного патрульного.

– Куда я попал?! Что, чёрт побери, здесь происходит? Я ехал в свой старый, не меняющийся со временем Городок...

– Наверное, это судьба, что ты попал к нам именно сейчас, Майк. – Поскрёб трёхдневную щетину Бакстер. – Если ты сумел пройти сюда, то, может быть, тебе удастся и обратное. Телефонный кабель вышел из строя в первые часы паники. У нас имеется только несколько полицейских раций. Пока телефон работал, я пытался вызвать помощь, пытался связаться с армией, но они мне не поверили. А послать некого. Никто не сможет пройти через кордон! Мы теряем ежедневно десятки людей.

– Джим, скажи, наконец, кто держит Городок в осаде? Где враг?

– Крысы и черви! Не смотри на меня так, Майк, я три ночи не спал, но голова у меня в порядке. Ты сам утром всё увидишь.

Журналист достал сигарету, бросил пачку рядом с переполненной пепельницей.

– Может, это я сошел с ума, Джим? Ты действительно...

– Утром, Майк, утром ты всё увидишь сам.

Огромным, десятиметровым зонтиком, торчал на холме деревянный гриб. Майк и его мама сидели в высокой траве под «шляпкой». Прислонившись спиной к ножке «гриба», Майк жевал кислую травинку и лениво наблюдал за толпой одетых в одинаковые синие комбинезоны и шлемы ребят у подножия

холма. Перед огромным экраном плясал парень. Мощный луч света освещал конвульсивно дёргающуюся фигуру. На экране проецировалась многократно увеличенная копия танцора, чтобы каждый в толпе одинаковых синих роботоподобных парней видел каждое его движение.

«Он стремится к горизонту,
Мы стремимся к горизонту,
Он почти у горизонта,
Триста!»

Скандирует толпа странный припев.

– Что это? – спросил Майк.

– Экзамен, – безразлично бросает мать, перелистывая страницу журнала. Первый раз Майк видит свою маму читающей. Сколько он себя помнил, она постоянно хлопотала по дому, возилась с Сэмом, что-то шила. Майку захотелось, как в детстве, прижаться к располневшему телу матери, чтобы она, воркуя нежные глупости, гладила его волосы, а он, замирая от счастья, забыв обо всём мире. Без единой мысли, не разбирая ни слова из того, что она ему щебечет, он вбирал бы, впитывал в себя то, что ему так не достаёт, что не может дать ни одна другая женщина. И мать, уловив его настроение, отрывает глаза от шелестящих страниц, с улыбкой поворачивается к нему. Но глупая мальчишеская смесь гордости, взрослости и чёрт знает чего ещё заставляет Майка вернуться из-под протянутой *мадоньей* руки, отвернуться, наткнувшись на каменное лицо танцора. Тот уже в двух шагах.

Ужас сжал сердце Майка. Подхватив с травы маму, он попытался увести её от надвигающейся опасности, но ноги отказали, и мать тяжело повисла на его руках. Майк понял, что не успеет.

«Он почти у горизонта,
Он уже у горизонта,
Три!»
Ревёт толпа.

– Нет! – кричал Майк, отступая перед синей трёхметровой фигурой, надвигающейся прямо на него.

– Я должен! – послышался хриплый голос. – Я должен его срубить!

– Но это же моя мать! Её раздавит! Подожди! – молил Майк.

«Он уже у горизонта,
Два!»

– Я должен успеть! – Великан ударил ребром ладони по ножке гриба, сверху посыпалась труха. Майк попытался оттолкнуть фанатика, но почувствовал, что проще сдвинуть скалу.

– Лучше ударь меня, это же моя мать!

«Один!»

Могучим ударом великан перерубил ножку и повернулся к журналисту. В следующий миг Майк почувствовал, что летит. Падая в хрустящую траву рядом с матерью, он увидел, как огромная «шляпка» накрыла одинокую синюю фигуру.

«Ноль!»

Центр упавшего диска вспучился, и меж рваных зубьев толстой фанеры появился синий шлем.

– Господи, ведь ему не больше двадцати, – подумал Майк, вглядываясь в покрытое потом и кровью лицо. В наступившей тишине Майк бросился в облако пыли, сдирая кожу с ладоней, начал отгибать акульки зубы фанеры, помогая голубой фигуре выбраться на волю. И вдруг раздался смех.

– Ты проиграл! Ты не успел!

Майк обернулся. Заросшее рыжей щетиной, такое знакомое и в то же время незнакомое лицо дёргалось в злобной ухмылке. Съёжилась, сжалась от позора голубая фигура в центре диска.

– Нет, он выиграл! – Шагнул навстречу рыжему Майк.

– А это ещё что за букашка? – Навис над ним рыжий.

– Он выиграл, – твёрдо сказал Майк, не чувствуя страха перед надвигающимся громилой. – Он выдержал самый главный экзамен: пожертвовал собой ради других.

– Он не успел! – Отступил вдруг рыжий.

– Успел.

– Время! – Отступая, тряс секундомером рыжий.

Майк оглянулся. Вокруг стояла толпа одетых в синие комбинезоны ребят.

– Время! – твердил, отступая, рыжий.

Майк очнулся.

– Время. – Тряс его за плечо Джим. – Пора!

Они шли к огненному кордону. Утреннее солнце весело плескалось в стёклах окон.

«Боже мой, неужели это не сон? – думал Беннет. – Неужели это я иду по пустынным улочкам своего родного Городка, где старых деревянных домов до сих пор больше, чем каменных, где единственными железобетонными символами конца двадцатого века являются гостиница «Дикий Запад» с огромной витриной ресторана внизу и городская тюрьма? В каком кошмаре мне могло привидеться, что я буду идти по улочкам моего детства, лучи солнца будут ласкать отросшие в госпитале волосы затылка, а впереди, в дорожной пыли, будут плыть уродливые тени людей, вооружённых автоматами и ружьями?»

– Я всё же советую тебе взять хотя бы пистолет, Майк. – Отбросил в сторону окурок шериф, расстёгивая кобуру.

– Спасибо, Джим, моё оружие – кинокамера.

– Ладно, я тебя прикрою, постарайся не отрываться от меня там. А ну, ребята, подтянись, ещё один переулочек, и мы на кордоне.

Трое полицейских и два ополченца взяли оружие наизготовку, громко лязгнули взведённые курки. Журналист приготовил кинокамеру. Из-за полуразрушенной церкви вышли двое патрульных. Майк узнал аптекаря Холмса и старого Биггса.

– Как прошло дежурство?

– Пока всё тихо, – устало ответил Биггс. – Вы ведь знаете, шериф, они появляются, в основном, после шести часов.

Ополченцы сменили падающих с ног стариков. На следующем посту шериф оставил двух полицейских и повёл журналиста дальше. Они шли вдоль выжженной полосы, огромным кольцом охватывающей Городок. Поначалу журналист поминутно вскидывал камеру, пугая этим идущего рядом молоденького полицейского. Майк снимал обгоревшие останки людей, неподвижные фигуры часовых. Казалось, население всего города выстроилось в цепь вдоль нарисованного огромным циркулем круга. Скоро журналист опустил камеру. Он хмуро шагал между шерифом и полицейским.

– Они всегда появляются неожиданно. Люди не успевают их даже увидеть. Крыса, огромная, величиной с кошку, прыгает на выбранную жертву. Спасти человека невозможно: мерзкая тварь, прокусывая кожу жертвы, вводит в её кровь и тело вместе со своей слюной оплодотворённые клетки. Буквально через несколько минут от человека остаётся одна оболочка, набитая

новорожденными крысятами. Единственное средство – огнестрельное оружие и огнемёты. Уже трое суток мы ведём эту неравную битву.

– А черви?

– Черви нападают на тех, кто прячется в помещениях. Они проникают через любую щель. Вообще-то черви больше похожи на розовых метровых змей. Результат их нападений тот же, что и у крыс.

Внезапно шериф схватил журналиста за руку и одним махом швырнул его на крышу стоявшего рядом обгоревшего «фиата». Распластавшись на горячей от солнца машине, журналист вскинул камеру. Бойня была мгновенной и ужасной. Майк успел увидеть серую тварь с длинным крысиным хвостом, вцепившуюся в горло молоденького парня в полицейской форме. Автоматная очередь буквально перерубила беднягу пополам, и через мгновение всё залила струя огня...

– Твои погibli ещё вчера, Майк, когда ты валялся в канаве за кордоном. – Шериф налил себе виски, бросил в бокал кубик льда. – Мои – два дня назад. Я не сплю уже четвёртые сутки. Пока ты чистил пёрышки и проявлял свои плёнки, они сбили военный вертолёт.

– Кто?

– Чёрт его знает! Ребята сожгли вертолёт, как только он упал. Никто никогда не видел, откуда эти твари появляются! Их можно увидеть только за мгновение до смерти или уже на жертве. Никто не видел просто бегущую крысу. Откровенно говоря, Майк, мы обречены. Я даже преступников выпустил из тюрьмы и послал в патрули. Люди гибнут каждый час. Оставалась одна надежда, один шанс. До сих пор, Майк, крысы и черви напали только в полосе огненного кордона. В центре был только один случай. Мы не уходим с кордона только потому, что нет уверенности, что эти твари не пойдут за нами, сжимая кольцо. Я надеялся на десант с воздуха и вбивал эту возможность всем. Проклятый вертолёт разбил нашу последнюю надежду! Мы не в кольце, Майк, мы под куполом!

– Всё же я попробую вырваться, Джим. Люди должны знать...

Журналист вдруг замолчал. Подскочив к окну, он лихора-

дочно разматывал извивающуюся змеей только что проявленную плёнку, просматривая на свет отдельные кадры.

– Не может быть, – прошептал Беннет, медленно садясь в кресло. Потом резко вскочил, выбежал в соседнюю комнату. Там что-то упало, послышался звон разбиваемого стекла. Шериф схватил автомат, прыгнул к двери. Навстречу, чуть не сбив его с ног, вынырнул журналист с кинопроектором в руках. Смахнув со стола посуду, Майк установил проектор, дрожащими руками стал заправлять ещё не просохшую плёнку.

– Экран, быстро!

Бакстер шагнул в соседнюю комнату. Под его сапогами захрустело битое стекло. Сдернув со стены небольшой экран, вернулся в гостиную, снял портрет Вашингтона, повесил на его место экран. Журналист со скрипом закрыл жалюзи. Через минуту они увидели чёрную полосу выжженной земли, цепь дозорных. Вот молоденький парнишка в полицейской форме с ужасом смотрит прямо в объектив. Дымящийся пунтир автоматной очереди перерубил беднягу пополам. Через несколько кадров на месте человека вспыхнул факел. Никаких крыс в кадре не было! Журналист с шерифом просмотрели плёнку трижды. Нигде, ни в одном из восьми заснятых Беннетом случаев нападения, они не увидели ни крыс, ни червей.

Полицейская машина за пять минут доставила их в участок.

– Я этих гадов из-под земли достану! – рычал шериф, расстилая на столе карту Городка.

– Тихо, не кричи. – Плотно закрыл дверь журналист. – Гипнотизёр такой силы не обязательно действует в одиночку. Чем позже он узнает, что раскрыт, и мы его ищем, тем лучше. Если он весь город заставляет видеть то, чего нет...

– Ясно. Гляди, линия кордона проходит так. – Фломастер шерифа заскрипел по карте. Чёрная линия вывела почти правильный прямоугольник, в центре которого друзья увидели квадрат городской тюрьмы.

– Что за чертовщина? – Фломастер хрустнул в руке шерифа. – Я сам два дня назад вывел всех оттуда, направил в патрули. Сейчас в тюрьме только сумасшедший Гаррис.

– Кто такой?

– Его перевели к нам полгода назад. Им занимается ФБР. В одиночку Гарриса входил только приехавший вместе с ним врач.

– Где этот врач?

– Погиб одним из первых. Это тот единственный случай, когда человек погиб не на кордоне.

– Кто сейчас лечит узника?

– Никто. Когда вон там, за окном, на площади крысы растерзали врача, я попросил старого Холмса осмотреть больного. Для начала мы заглянули в чемоданчик врача, но не нашли в нём ни одного пузырька с лекарством. Там были только пронумерованные ампулы и шприцы. Мы просмотрели дневник врача и...

– И поняли, что этот человек не лечил, а экспериментировал на живом человеке, – перебил шерифа журналист.

– Да, Майк.

– Где этот чемоданчик?

– В гостинице, в номере «врача». Мне было не до этого: начался «крысиный кошмар».

Журналист закурил.

– Посмотри, Джим. Контуры кордона образуют прямоугольник. Представь: сумасшедшего разбудили утренние звуки Городка. В бреду этот несчастный старается держаться подальше от таящих, как ему кажется, опасность стен камеры, съёживается посреди бетонного прямоугольника пола. Ему мерещатся выползающие из тёмных углов черви и крысы. Бред больного под действием какого-то препарата неизмеримо усилился. Кордон – это гигантские контуры камеры сумасшедшего. Врач был единственным, кто подходил к нему вплотную, поэтому он погиб не на кордоне.

– Какой ужас, Майк! Выходит, мы сами себя убивали, сжижали заживо! И всё из-за бреда умалишенного?

– Неужели ты не понял, Джим? Этот несчастный – своеобразный передатчик, биологический резонатор-усилитель. На нём испытали какой-то препарат. Как ты мог позволить опыты на заключённом? Неужели ты не знаешь, что сумасшедших лечат не в тюремной камере, а в специальных клиниках?

– Ты прав, Майк, я догадывался, что с этим Гаррисом дело не чисто, но решил не связываться с ФБР. Кто же мог подумать, что случится такое?

– Надо немедленно увести людей с кордона, Джим. Кордон – это зона смерти. Сумасшедшего Гарриса придется...

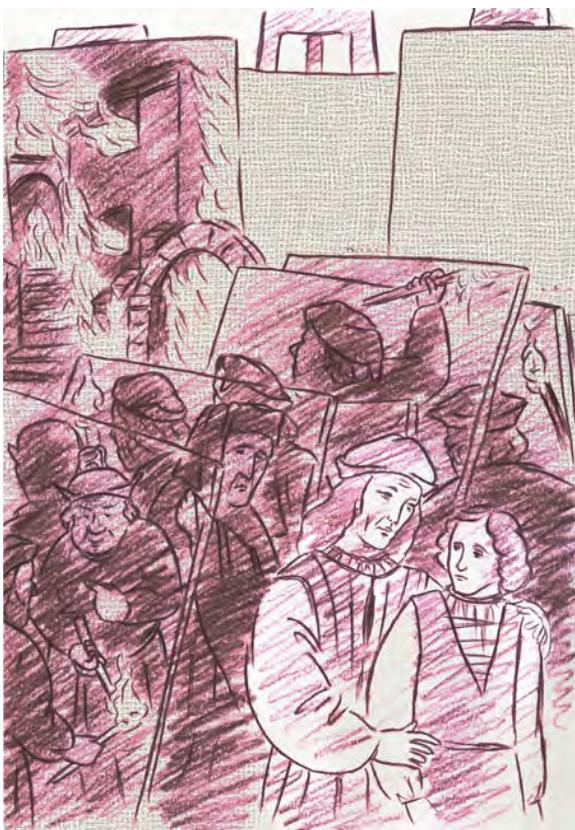
– Может, попробуем усыпить?

– Нет. Мы не знаем, что ему может присниться.

– Боже мой, сколько жертв!

Шериф включил рацию.

– Всем постам!.. – Услышал журналист, выходя на площадь. Он шёл в «Дикий Запад» за чемоданчиком «врача»...

СВЕЧА НА ВЕТРУ

– Прекрасно, мальчик! Ты становишься настоящим мастером. Вот только...– Старик отошёл от картины ученика, сел в кресло у пульсирующего жаром камина. – Я же много раз говорил тебе: пиши только то, что ты сам видел, хорошо знаешь.

Гибкий безусый юноша осторожно поставил на стол подсвечник, порывисто опустил на одно колено перед стариком.

– Но, учитель, твои рассказы о далёкой стране, где нет богатых и бедных, где все люди свободны и счастливы, где нет войн, голода и болезней, живут во мне. Я вижу цветущие города, смеющиеся лица детей и женщин, плывущих в солнечном небе на летающих кораблях!

– Мальчик, без фантазии нет гения. Тебе всего пятнадцать лет, ты ещё очень юн, но я ясно вижу твоё будущее. Тебя ждёт великая слава. – Старик подбросил полено в пылающий камин. – Пиши пейзажи, натюрморты, стражников у ворот, нищих пилигримов, торговцев, портреты. Помни, мы живём в страшном мире. Я бы давно сторел на костре, если б не жадность и тщеславие епископа. Каждый месяц я дарю ему одно из своих полотен. Но если люди узнают, о чём я тебе рассказываю, если увидят эту твою картину, даже епископ не спасёт нас от костра.

– Эй, колдун, отворяй! – Забарабанили в дверь.

Ученик мягко скользнул к окну.

– Сандрелли, придворный живописец!

– Открой. – Старик встал, сорвал с подрамника картину ученика и бросил в камин. Огонь мгновенно слизал с холста счастливые улыбки и смех летящих меж облаков людей.

Громяхая сырыми ботфортами, в мастерскую вошёл закутанный в короткий чёрный плащ высокий полный человек.

– Ты ещё жив, старый колдун? – прорычал вместо приветствия Сандрелли. Сняв широкополую шляпу с понижими от дождя перьями, он бросил её ученику и, задевая длинной шпагой за подрамники, прошёл к камину и сел в кресло хозяина.

– Вы промокли, сеньор. – Старик склонился перед гостем. – Эй, мальчик, вина!

– Некогда мне пить твою кислятину! – Раздражённо подёргал кошачьими усами Сандрелли. – Ты сделал то, что мне надо?

– Да, сеньор, с божьей помощью ваш слуга сделал проект нового дворца для герцога.

Ученик развернул на столе эскизы дворца. Маленькие тёмные глазки гостя зажглись, пухлые щёки затряслись. Не сдержав возглас изумления и восторга, Сандрелли вскочил с кресла и склонился над столом. Старик придвинул поближе свечи, чтобы ни одна линия не осталась незамеченной и неоценённой заказчиком.

– Ты не колдун, старик, ты – сам дьявол! – Сандрелли бросил на стол туго набитый монетами мешочек, спрятал эскизы на груди и выбежал под дождь, забыв укрыть свои свисающие до плеч кудри шляпой.

Старик стряхнул с кресла натёкшую с плаща гостя воду и сел у огня. Ученик запер дверь и опустил на пол у ног старика.

– Учитель, я не понимаю, почему ты меняешь свои прекрасные картины на бездарную мазню? – спросил юноша, разбивая кочергой в мерцающую пыль остатки сгоревшего холста.

– Запомни, мальчик, важно не имя художника, стоящее на картине, а сама картина. Пусть епископ берёт мои полотна и подписывает своим именем. Меня это не волнует. Зато его уродливые творения не омрачат ничей взор, не подадут дурной пример. Пусть образцом будут мои картины и проекты, а не мазня епископа или Сандрелли. Слышишь? К нам опять стучит гость, открой.

Ученик ввёл невысокого измождённого мужчину со свёрнутым холстом в руках. С обвисших полей размокшей шляпы на потемневшую от влаги куртку струилась вода.

– Проходи сюда, к огню, обсушись, – предложил старик. – Кто ты? Хочешь обменять свою картину на одну из моих?

Ученик подтолкнул робкого гостя. Оставляя мокрые следы, тот подошёл к камину, положил рулон холста на стол и протянул к огню покрасневшие руки.

– Да, – хрипло каркнул гость. – Я не могу продать свою картину. Мне нечего есть, негде жить. Вчера я продал кисти и краски, чтобы заплатить за кусок хлеба и ночлег.

Старик то отступал назад, то подходил вплотную к быстро надетому учеником на подрамник мокрому, как и его хозяин, холсту. Наконец положил руку на плечо гостя.

– Как твоё имя?

– Джузеппе.

– Я не возьму твою картину, Джузеппе.

– Бог отступился от меня, дьяволу я тоже не нужен. Что же мне теперь делать?

Старик взял гостя под руку и ввёл в соседнюю комнату. Ученик зажгёт свечи. Блики огня заплясали на развешенных по стенам картинах.

– Смотри, Джузеппе, – сказал старик.

Оставив гостя одного, они вернулись в мастерскую. Старик сел в своё кресло. Отблески огня в камине окрасили алым цветом его изрезанное морщинами лицо, озарили седину длин-

ных густых волос и мохнатых бровей. Ученик молча встал перед дымящимся паром холстом.

– Мальчик, принеси мне глоток вина. Сегодняшний день надо отметить.

– Чем же он хорош, учитель? С утра льёт дождь. К тому же ты сам не раз говорил мне, что вино губит художника.

– Ты прав, ничего не надо. Готовься в дорогу, малыш. Как только прекратятся дожди, ты отправишься в Рим.

Полуночным лунатиком в мастерскую вошёл Джузеппе.

– Мальчик, дай нашему гостю кисти и краски. Теперь он знает, чего не хватает его картине.

Мгновенье поколебавшись, Джузеппе решительно подошёл к своему просохшему холсту и твёрдой рукой нанёс несколько мазков. Мальчик одобрительно кивнул и развернул картину так, чтобы учитель заново оценил работу гостя.

– Иди к герцогу, скажи ему, что старый колдун отказался купить твою картину. Мальчик, возьми мешок Сандрелли, отсыпь Джузеппе половину...

Искры взлетали в чёрное небо, соперничая со звёздами. Пламя ревели, пытаюсь десятками языков лизнуть кровавую луну. Но ещё громче ревели беснующаяся толпа.

– Проклятый колдун! Давно пора было его изжарить!

Тонко взвизгивая, мальчик бросался на плотную массу потных орущих фанатиков, пытаюсь пробиться к горящему дому учителя, но стена тел каждый раз отшвыривала его назад. Неожиданно чьи-то сильные руки перехватили падающего на брусчатку ученика.

– Не надо, мальчик, нельзя туда. Они и тебя кинут в огонь. Учителю уже никто не сможет помочь.

– Джузеппе, за что?!

– Ты разве ничего не знаешь?

– Учитель вчера отправил меня в Рим, посмотреть Вечный Город. Я не смог уйти далеко: мне не понравилось, как он прощался со мной.

– Значит, он знал...

– Жги колдуна! Поджаривай дьявола! – проревел рядом знакомый голос. Сандрелли, чёрный от сажи, в прожжённом плаще, выхватывал у людей плачущие смолой факелы и швы-

рлял их через головы в бушующие пламенем окна горящего дома.

– Проклятый колдун, – рычал он, топорща опалённые кошачьи усы. – Как же мы теперь... без тебя? – Вдруг слёзы прорезали светлые полосы на полных щеках. Закрыв лицо плащом, Сандрелли исчез в тёмном переулке.

– Уйдём отсюда, – Джузеппе увлёк юношу прочь от беснующейся толпы. – Когда я неделю назад пришёл к герцогу и передал ему слова Мастера, герцог, не глядя, купил мою картину и взял меня придворным живописцем. Он сказал, что Мастер отказывается только от настоящих шедевров.

– За что они его?

– Сегодня утром все картины Мастера исчезли!

– Куда?

– Не знаю. Висят в рамках чистые холсты, без единого мазка, если не считать подписей тех, кто их присвоил. Епископ в ярости! Жаль Мастера – такая ужасная смерть...

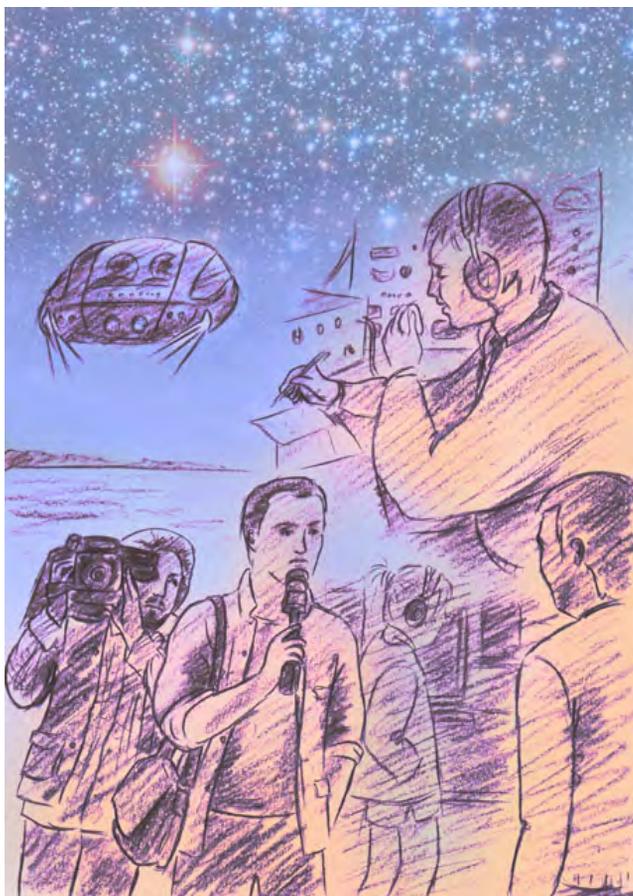
– Нет, я не верю! Он не умер! Он улетел в свою прекрасную страну.

– Бедный мальчик, ты болен от горя. Пойдём ко мне.

Сноп огня взметнулся в небо. Грохот рухнувшего дома слился с торжествующим рёвом толпы.

– Эти безумцы радуются. Они думают, что смогли убить Мастера, что уничтожить идею, мысль, красоту так же легко, как задуть свечу. Но мы-то живы, мальчик! Мы живы, и у нас есть кисти и краски. И нас уже двое. Прости, я не знаю, как твоё имя?

– Зови меня Леонардо.

ИНТЕРВЬЮ

– Извините, Вас беспокоит программа «Мир и молодёжь». – Молодой бородатый парень в чёрной «аляске» и зелёных вельветовых джинсах сунул микрофон ко рту остановленной посреди улицы женщины. – Как Вы относитесь к возможности контакта с инопланетной цивилизацией?

– Простите, я в этом не разбираюсь, – переложив тяжёлую хозяйственную сумку из одной руки в другую, смущённо улыбнулась женщина. – Газету почитать нет времени, не то что...

– Программа «Мир и молодёжь». Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к возможности контакта с инопланетной цивилизацией?

СOLIDНЫЙ мужчина лет шестидесяти неторопливо окинул взглядом стоящего перед ним репортёра, повернулся к его товарищу, держащему камеру, и, глядя прямо в объектив, веско ответил:

– Не верю!

– Почему так категорично? – Блеснул блюдцами очков «аляска».

– С соседями договориться не можем. А вы говорите с инопланетянами...

– Здравствуйте, ребята, «Мир и молодёжь». Вы студенты?

– Да.

– Как вы относитесь к возможности контакта с инопланетной цивилизацией?

– Мы – за! Обеими руками. Хоть сейчас! А что, уже сели?

– Нет. А как вы себе это представляете?

– Ну, уже давно ведь разработаны всякие там таблицы, формулы, картинки. Что, Вы сами не знаете?

– Извините, молодой человек, программа «Мир и молодёжь». Представьтесь, пожалуйста.

– Иванов Павел, инженер.

– Скажите, Павел, что Вы думаете о возможности контакта с инопланетной цивилизацией?

– Я думаю, что в ближайшее время такой контакт невозможен и нежелателен.

– Даже так?

– Только так.

– А можно узнать, почему?

– Это же тривиально! Представьте, сегодня на Красной площади – или какой-нибудь другой площади советского города – садится, грубо говоря, «летающая тарелка». Я уверен, что как только она сядет, такое начнётся! Вы что думаете, там, на Западе, позволят нам с помощью инопланетян вырваться вперёд?

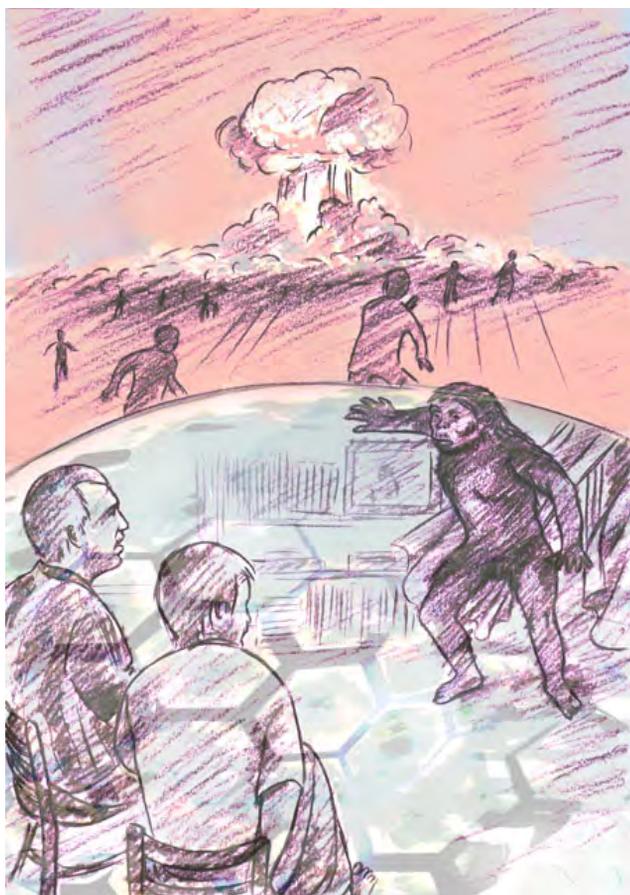
– А если «тарелки» сядут и у нас, и у них? Одновременно?

– Всё равно. Любой толчок вызовет непредсказуемые последствия.

- Спасибо, Павел, до свидания.
- Всего хорошего!

Репортёры молча погрузили в старенький «уазик» аппаратуру. «Аляска» сел на место шофёра и плавно тронул машину с места. Через полчаса они были за городом. В пульсирующем свете зажёгшихся уже вдоль дороги фонарей старенькая обшив-ка кусками разлетелась в разные стороны, и разведкатель типа «малютка» с двумя космодесантниками на борту резко взмыл в звёздное небо...

Паша Иванов не спеша вошёл в свою новенькую коопера-тивную квартиру. Через несколько минут гиперпочта понесла его рапорт о том, что земляне наконец-то начали широко обсу-ждать возможности контакта.

ПОКА ГОРИТ СВЕЧА

Уже полчаса мы обалдело сидим на краю ямы и курим одну за другой ментоловые сигареты.

– Гляжу и не верю, – в который раз сказал Джек.

Я молча стряхнул пепел и попытался отвести глаза от того, что мы так неожиданно откопали, но находка притягивала к себе наши взоры, как Солнце Землю.

– Подумать только, десятки лет археологи пытаются найти хотя бы косточку этого, так называемого «недостающего звена» между человеком и обезьяной, а мы копнули у меня в саду и...

Джек нервно затаился и, отбросив окурок, вытащил из пачки новую сигарету. Я потянулся за бутылкой и бокалами.

– Послушай, Джек, а ты уверен, что этот красавец и есть «недостающее звено»? Может, это какой-нибудь питекантроп или просто обезьяна?

– Молчи, несчастный технарь! Я три года проучился на биологическом. Вопрос возникновения человека волнует меня с детства. Ещё в колледже я решил во что бы то ни стало найти кости Адама.

– Ладно, не лезь в бутылку. На, лучше глотни содовой. Пусть я не разбираюсь в биологии, но меня как технаря интересует, почему этот Адам так хорошо сохранился? Если верить тебе, то этому красавцу не меньше миллиона лет, а он свеженький, как будто его только вчера закопали. Может, нас кто-то решил разыграть?

– Я сам об этом постоянно думаю, Джим. Но о том, что мы будем копать яму, знал только ты. К тому же даже ты не знал, что яма будет именно в этом месте. Так что о розыгрыше не может быть и речи.

– А, может, это мумия? – спросил я, поливая себя из бутылки: полуденное солнце пекло немилосердно.

– Едва ли. Тогда не умели их делать, хотя кто знает, что они...

– Хэлло, мальчики! – раздался вдруг женский голос.

Мы с Джеком от неожиданности чуть не упали в яму и, как зачарованные, уставились на Адама. Потом всё-таки догадались оглянуться. Сзади стояла Джил, невеста Джека.

– Я звонила, звонила у входа – никто не выходит, – весело сказала она, сходу чмокнув Джека в испачканную землёй щёку. – Пришлось без разрешения проникнуть в частные владения. А что это вы тут делаете? – И заглянула в яму. – Ой, кто это там?!

Пока я ходил за третьим бокалом и кока-колой для Джил, Джек с серьёзным видом объяснил ей, что мы нашли вампира.

– Только не вздумай тиснуть об этом статью в своей газетке, – предупредил я Джил, открывая кока-колу. – А то набегут сюда всякие-разные, хлопот не оберёшься!

Теперь уже троём мы сидели на краю ямы, потягивая из бокалов колу и дымя сигаретами. Джил непрерывно трещала о том, что она с детства любит всякие чудеса. Ещё старая няня

рассказывала ей сказки и страшные истории про вампиров и ведьм.

Внезапно мы с Джеком вздрогнули и переглянулись. Нам показалось, что Адам повёл плечом. И тут Джил завизжала и вскочила.

– Боже мой, Джек он шевелится!

Мы с Джеком продолжали сидеть, оцепенелые, словно в трансе. Адам медленно открыл глаза и повернул к нам свою косматую голову. Его красноватые, злобные глазки уставились на нас. Мы сидели, как пришитые, на краю ямы. Адам заворочался. Комья земли посыпались с его заросшего шерстью тела. Длинная мускулистая рука медленно потянулась к моей ноге. Визг Джил перешёл в ультразвук, и она бросилась бежать. Оцепенение разом покинуло нас, и мы с Джеком, откатившись от ямы, бросились к дому...

– Городок оцеплен войсками и полицией и находится на осадном положении, – говорил диктор, серьёзно глядя на нас с Джеком с экрана телевизора. – Бежавшие из Городка очевидцы до сих пор не могут прийти в себя и связно рассказать, что там происходит.

По словам Джил Рассел, молодой сотрудницы одной из местных газет, чудовище откопало из-под земли на её глазах двое бывших студентов университета Джек Конноли и Джим Кларк. Джил Рассел утверждает, что чудовище является вампиром, которые, как известно, питаются человеческой кровью. Убить вампира невозможно, ибо он и так мертвец, живущий за счёт выпитой крови. В свою очередь жертва вампира сама становится вампиром. Единственное средство покончить с чудовищем – это вбить ему в сердце осиновый кол. Этот кол, по словам специалистов, навсегда пригвоздит вампира к земле.

Жители штата могут спать спокойно. Городок оцеплен войсками, и ни один человек не выйдет оттуда, пока с чудовищем не будет покончено. Лица, покинувшие Городок в часы паники, изолированы и проходят проверку. Даже если среди них успел просочиться вампир, он будет обнаружен и пригвождён осиновым колом, первая партия которых уже поступила в части армии и полиции, блокирующие Городок.

– Покупайте освежающий напиток «Завтрак Вампира»! – зарычал с экрана волосатый тип.

– Чушь какая! – сказал Джек, бросая в бокал кубики льда.

– Я, конечно, в вампиров не верю. Но что ты, Джек, думаешь о нашей находке? – спросил я, подходя к окну. Сквозь щель жалюзи просматривалась пустынная улица. На дороге валялись зонтики, шляпы, сумки, женские туфли.

– Не знаю, – ответил Джек, закуривая. – У меня пока единственная версия: летаргический сон, который прервался именно тогда, когда мы откопали Адама.

– Но ведь сон не может длиться миллион лет! Или ты думаешь, что это наш современник, которого по ошибке закопали лет сто назад, и за это время одежда его истлела, а сам он зарос шерстью, как обезьяна?

– Новая версия о событиях в Городке, – объявил диктор, и мы с Джеком опять оставились на его серьёзное лицо.

– По данным полиции Джек Конноли и Джим Кларк, якобы нашедшие Вампира, исключены полгода назад из университета за красную пропаганду и организацию студенческих беспорядков. На вторичном допросе Джил Рассел заявила, что она не видела, как Конноли и Кларк откапывали Вампира, а застала чудовище уже лежащим в яме. Джил Рассел показала так же, что перед этим она долго звонила перед входом, но ей никто не открывал, и так как Джек Конноли является её женихом, она открыла калитку своим ключом и вошла в сад, где и застала всю компанию за бутылкой виски.

В свете указанных фактов полиция выдвинула версию, что происшествие в Городке является очередной акцией коммунистов с целью дестабилизировать обстановку в штате. Налицо сговор. Конноли и Кларк загримировали под чудовище своего третьего соучастника, а невеста Конноли Джил Рассел разнесла по Городку панические слухи о Вампире. В результате жители Городка заперлись по домам, и коммунисты теперь могут беспрепятственно хозяйничать в общественных учреждениях, банке и в магазинах.

Джил Рассел арестована. Полиции дан приказ найти и изолировать коммунистических агентов.

– Покупайте манто «Шерсть Вампира», – заулыбалась с экрана очаровательная блондинка.

– Бедняжка Джил, – сказал я. – Во всяком случае, если они поймают Адама или убьют его, твою невесту отпустят.

– Сомневаюсь, – ответил Джек. – У них есть повод устроить травлю коммунистов и всех неугодных, и они от него не откажутся. Боюсь, мы никогда не узнаем, кто такой Адам. Скорее всего, власти оставят версию о загримированном «агенте Москвы».

– Новые вести и новая версия полиции, – объявил вновь появившийся на экране диктор. – Наблюдатели с вертолётов сообщают, что улицы Городка безлюдны. Не видно ни одной живой души, кроме Вампира. По сообщениям наблюдателей чудовище обладает огромной физической силой. Автоматные пули отскакивают от его широкой груди. Если учесть, что Конноли учился на биологическом, а Кларк на кибернетическом факультетах, то возникает мысль, что Вампир – не загримированный под чудовище человек, а робот, созданный озлобленными красными диверсантами. А может быть, и присланный им из Кремля!

– Бесшумный пистолет «Вампир» защитит вас от любого грабителя, – заворковал с экрана неприметный тип, демонстрируя оружие.

– А может, они правы, Джим? – Глаза Джека лихорадочно блестели. – Может это действительно робот?

– Чушь! – отрезал я. – Ты начитался фантастики. Зачем делать механическую обезьяну и закапывать в твоём саду?

– А вдруг, Джим, это вовсе не наш робот? Представь, давным-давно прилетели «зелёные человечки» на нашу голубую планету, а кругом одни адамы. Агрессивные полулюди-полузвери. Логично будет послать к ним неуживимого для дубин аборигенов робота, загримированного под адама. Тот без особого риска может проникнуть в первобытное общество и изнутри изучать его. Могло ведь так быть?

– Интересная мысль, – согласился я. – Вполне могу это допустить. Допускаю так же, что по неизвестной нам причине «зелёные человечки» оставили своего агента-робота на Земле, а мы его случайно нашли и не менее случайно расконсервировали. Однако, если это правда, наше положение безнадежно, Джек. Пентагон уцепится за Адама, а нам грозит либо пожизненная тюрьма (чтобы держали язык за зубами), либо нас просто убьют «при попытке к бегству». Скорее, второе – так надёжнее.

– Передаём репортаж из Городка. – Вновь появился на

экране диктор. – Мы попросили экипаж одного из вертолётчиков захватить нашу аппаратуру, и сейчас вы сможете увидеть всё собственными глазами.

Вот он, Вампир – детище кровожадных коммунистов! Вы видите его безобразную фигуру, прыжками передвигающуюся вдоль улицы. По сообщению шерифа чудовище направляется в направлении дома Конноли. Вы видите этот дом сейчас на своих экранах. По-видимому, красные диверсанты вызывают на помощь своё дьявольское детище. Пилоты вертолётчиков уже неоднократно перехватывали какие-то непонятные радиосигналы. Пеленгаторы указывают, что источником этих зашифрованных сообщений является Вампир. Вы видите, как пули отскакивают от шкуры чудовища, но пусть агенты Москвы не думают, что их детище неуязвимо! У нас найдётся оружие против...

Внимание, получено срочное сообщение! Президент разрешил применить в случае необходимости нейтронную бомбу!

– Нет, они не посмеют, – прошептал Джек. – Здесь восемьдесят тысяч жителей!

– Наоборот, – ответил я. – У них нет пути назад. Они теперь просто обязаны продемонстрировать превосходство своего оружия, даже если придётся стереть с лица земли весь наш Городок. Смотри, Адам приближается к нашему дому!

Жалюзи затрещали, посыпалось стекло. На экране телевизора мы увидели, как от пролетающего над Городком самолёта отделилась чёрная точка и стремительно полетела вниз...

Догорает свеча. В колеблющемся свете мы вглядываемся в застывшую посреди комнаты фигуру Адама. В последний момент он, как коллаком, накрыл нас защитным полем и замер. То ли напряг все свои энергетические ресурсы и держится на пределе, то ли... Мы отрезаны от всего мира. Даже луч света не проникает сквозь окружающее нас невидимое нечто. Мы не знаем, что там, снаружи. Может, уцелел только наш маленький островок среди ядерного моря третьей мировой?

Ау, люди! Услышьте нас, услышьте друг друга! Пока горит свеча, мы глядим на застывшего Адама, гладим его синтетическую шерсть и верим...

АВТОГРАФ ГАГАРИНА

День был испорчен. И надо же было нам поссориться из-за какой-то ерунды, пустяка. А ведь в кои-то веки выдалась у обоих свободная суббота. То у нас на заводе отработка, то у Наташки в институте что-нибудь важное.

Детский визг вывел меня из мрачной задумчивости. Впереди, на обочине тротуара, у забора школьного стадиона трое пацанов в синих школьных костюмчиках навалились на малыша лет шести. Свернувшись в клубок, малыши непрерывно гогосил. Первоклашки, сосредоточенно сопя, молча тузили свою жертву, стараясь развернуть визжащий клубок.

- Вы что?! – Шагнул я к ним.
- Дяденька, у него спички! – Вскочили, отряхиваясь, агресоры. – Он такой маленький, а у него целая коробка.
- Вас же трое, и вы старше. Октябрята, называется!
- Таким маленьким нельзя спички, надо отобрать, а он не даёт.

Я поднял с земли малыша. Крепко зажав что-то в кулачке, тот спрятал его в карман коротких серых шортиков.

- Мне ты тоже не отдашь?

Размазывая по грязной мордашке слёзы и сопли, мальчик отрицательно покачал головой.

- Где ты живёшь? – спросил я, заправляя ему в шорты клетчатую рубашонку, из коротких рукавчиков которой свисали тонкие, покрытые пылью и ссадинами ручонки.

Мальчик не ответил. Косясь на своих обидчиков, он старался держаться поближе ко мне.

- Вы его знаете? – обратился я к ребятам.
- Нет, он не из нашего района.

– Пойдём. – Я взял малыша за руку и повёл вдоль металлических кружев школьного заборчика. Трое первоклашек сожалеющими взглядами проводили уходящие спички и полезли через ограду на стадион. Я подвёл мальчика к прилавку летнего кафе и спросил:

- А, может, поменяемся? Я тебе мороженое, ты мне спички, а?

- Нет, не могу.

– Ну, ладно, в такую жару и мне мороженое не помешает. Пломбира нет, есть только фруктовое. Ты любишь фруктовое?

Мальш пожал плечами. Все столики были заняты. Мы вошли во двор ближайшего девятиэтажного дома и сели на лавочку в тени осыпающегося снегом пуха тополя.

- Меня зовут Сергей, а тебя?

- Дублёр.

- Дублёр? Разве есть такое имя?

– Нет. Но меня зовут так, – жадно черпая палочкой из булжального стаканчика быстро тающую розовую массу, ответил мальш.

- И кого же ты дублируешь?
- Олега.

– Это твой брат? Или друг?
– Это я. Настоящий я, там, дома, – ответил мальш, с сожалением бросая опустевший стаканчик в урну.
– А где твой дом? Я тебя провожу.
– Не получится, – улыбнулся мальш. – Вкусное мороженое, спасибо. Олег будет доволен: он никогда не пробовал такое.

Я достал сигарету.

– Выручай, Дублёр, у меня спичек нет. Подари мне свои.

– У меня тоже нет.

– Ну, ты даёшь! А из-за чего же визг поднял?

Мальчик осторожно вынул из кармашка грязный спичечный коробок.

– Это, по вашему, машина времени.

Я засмеялся, прикурил у прохожего.

– Значит, ты путешествуешь во времени? Откуда же ты прибыл?

– Конечно, из каменного века! Дураку ясно, что машину времени изобрели пещерные люди. – Смерил меня насмешливым взглядом Дублёр.

Я подавился дымом и закашлялся.

– Слушай, мальш, я задал глупый вопрос, согласен. Но неужели в будущем все дети так грубят взрослым?

– Прости, не обижайся на меня, ведь я не человек, я дублёр. Дублёр первокурсника по имени Олег. Олегу надо сделать в школе доклад о первом космонавте Юрии Гагарине. Вот он и сматрицировал себя, создал меня и отправил в двадцатый век. Я здесь всё узнаю, сфотографирую, потом вернусь к Олегу, а! И всё, что я узнал, переписется из моей памяти в его.

– Значит, твой Олег – лентяй? Сам не хочет добывать знания, отправил тебя. Да ещё ошибся на четверть века! Гагарин летал в космос двадцать пять лет назад!

– Я уже понял, что попал не туда, – уныло ответил мальш. – У Олега это первый опыт посылки в прошлое дублёра. И он вовсе не лентяй. Просто человек не может сам путешествовать во времени – слишком опасно.

– И как же ты путешествуешь?

Мальчик перевернул коробок, и я увидел этикетку, на которой всеми тремя цветами сразу горел светофор.

– Если мне надо в прошлое, я нажимаю на зелёный кружок, если в будущее – на красный, жёлтый – точка старта: комната Олега.

– Здорово! И на каком же горючем работает твоя машина?

– Я же не человек, у меня в памяти только то, что разрешено инструкцией. Преждевременные знания опасны. Могу сказать только в общих чертах, хочешь?

– Валяй, – кивнул я, ловя себя на жгучем желании поверить в то, о чём рассказывает голубоглазый сопливый карапуз, в выгоревшем чубчике которого застрял тополиный пух.

– Вон, видишь те качели? Вверх, вниз. Вот так и во вселенной материя переливается из одной точки в другую. Переливается в подпространстве из Чёрной дыры в Белую. Целые галактики могут провалиться в такую дырочку и вынырнуть незнамо где. Вот эту энергию мы и используем. Человек слишком сложен и непредсказуем в своих желаниях и поступках. Поэтому проще и безопасней посылать в подпространство – время его упрощённую копию, дублёра.

Крупные капли смачно шлёпнули об асфальт.

– Дождь начинается, – сказал я, вставая. – Пойдём, путешественник, ко мне. Перекусим чего-нибудь, лимонада выпьем, а там опять солнце выглянет. Я вон в том доме живу, напротив, на втором этаже. Вон моё окно.

Согнувшись под шрапнелью дождя, мы пролетели двор и вскочили в подъезд. По инерции взбежав на первый этаж, я оглянулся. Мальчик стоял у дверей и держал в руке коробок.

– Ты что?

– Спасибо за помощь, Сергей. Если б не ты, пришлось бы испугать ребят. Прощай!

Сверкнула в окне молния, задребезжали от грома стёкла. У дверей внизу никого не было. На подгибающихся, ватных, ногах я выскочил из подъезда. Дождь стоял сплошной стеной. По асфальту тротуаров неслись пенистые ручьи.

– Не видали мальчика, лет шести, в шортах и клетчатой рубашке? – спросил я сидящих под козырьком подъезда старушек.

– Что ты, сынок! Вон их сколько по лужам носится, разве за всеми уследишь?

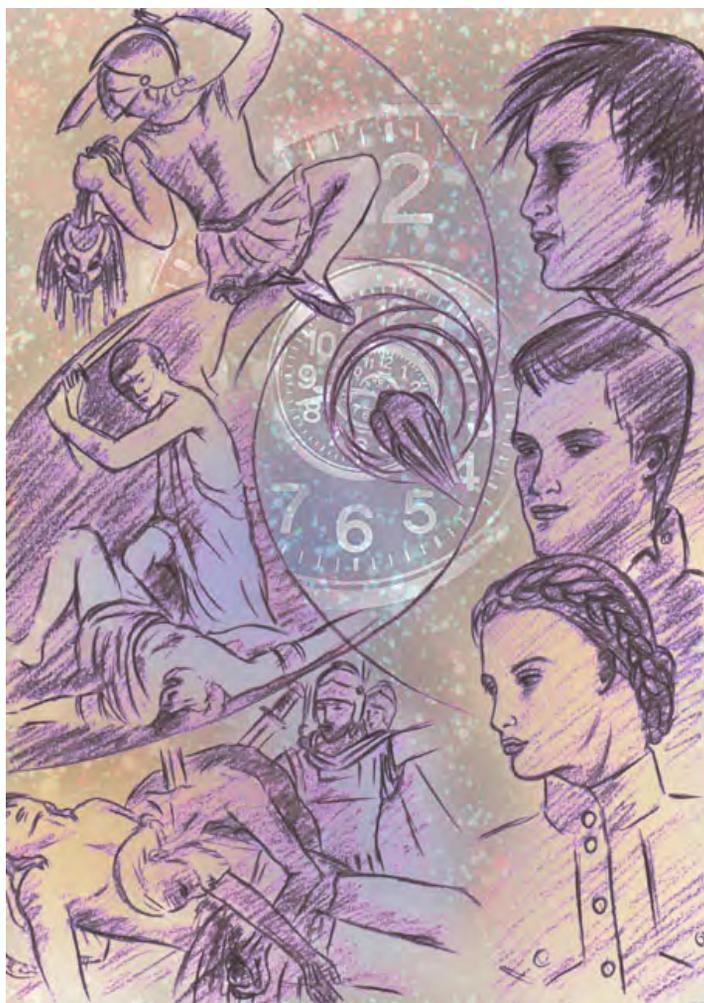
Как во сне я поднялся на второй этаж, открыл дверь.

– Где ты ходишь? – Выглянула из ванной Наташка. – Я, как проклятая, кручусь целый день со стиркой, а он гуляет! Дождь кончится, пойдёшь вешать бельё. Кстати, тебе там открытка пришла.

Я прошёл в комнату, взял со стола открытку и задохнулся. С цветной объёмной фотокарточки на меня смотрел со своей обаятельной улыбкой Юрий Гагарин. На обратной стороне я прочёл:

«Сергею, с наилучшими пожеланиями, Гагарин».

И ниже: «Спасителю от Дублёра».

ХРОНИКИ

«Все ... происшествия изображены мною верно, и я позволял себе вводить вымыслы там только, где история молчит или представляет одни сомнения... Вымыслами я только связал истинные исторические события и раскрывал тайны, недоступные историкам».

Фаддей Булгарин «Димитрий Самозванец»

1. КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ

...Враги напали внезапно. Запылала дома. В удушливом, плотном дыму, закрывшем встающее над лесом солнце, с криком метались женщины, дети. Мохнатые кочевники на косматых низких конях с визгом насакивали на беззащитных русичей, душили их жёсткими арканами, рубили короткими кривыми саблями.

Василиса, прижав к груди пятилетнюю Марьюшку, бросилась к близкому лесу. Из облака дыма выскочил всадник. Тонко запела стрела и, чмокнув, вошла бегущей под правую коленку. Охнув, Василиса упала, Марьюшка без звука откатилась в кусты и замерла. Со звериным стоном выдернув из забившей фонтаном крови раны стрелу, Василиса поползла навстречу врагу.

– Бери меня, гад, только дочку не тронь!

Ощерив в ухмылке редкие кривые зубы, всадник развернул коня и, не глядя выпустив вторую, смертоносную, стрелу, скрылся в дыму...

Василиса открыла глаза. Она лежала в незнакомой избе, и хотя нигде не трещали лучины, не коптили смрадом факелы, было светло. В воздухе стоял незнакомый сладкий аромат. Василиса осторожно села. Нога совершенно не болела, и на месте кровотокащей рваной раны белел небольшой, почти незаметный шрам. Василиса осторожно встала с невысокого мягкого ложа. Она чувствовала себя совершенно здоровой и бодрой. У противоположной стены перед странным непрозрачным окном с красивыми разноцветными кружочками внизу стояла на одной ноге, как гриб, короткая скамья с высокой удобной спинкой, покрытая тем же странным, толстым и мягким полотном, что и ложе. Высокая дверь, как и стены избы, была из холодного светлого металла и надёжно отделяла пленницу от воли.

Убедившись, что путь наружу закрыт, Василиса подошла к окну. В его зелёной поверхности, как в бездонном омуте, отразилась стройная женская фигура, гибкость и красоту которой не могла скрыть свободная, покрытая искусной вышивкой рубаха. Приблизив к странному окну лицо, Василиса аккуратно расчесала пальцами длинные светлые волосы и стала заплетать их в толстую косу...

Иван вышел на поляну. Перед ним высился высокий час-токол забора. Учувя чужого, захрипели, захлабываясь лаем, сторожевые псы. Иван подошёл к воротам и постучал...

Костя Шеев плавно приземлился рядом с хронолётом. Выключив антиграв, он нажал на широком поясе кнопку и по образовавшемуся в защитном поле коридору подошёл к хронолёту и открыл дверь. Навстречу ему широко распахнулись голубые озёра Василисиных глаз...

– Марьюшка сказала, что он унёс её в эту сторону: лучи восходящего солнца чуть не ослепили дочку.

– Да, сынок, верен твой путь. Я часто вижу, как он летает по небу, словно птица, только без крыльев. Мои сыны – охотники выследили его до самого логова, только ты туда не пройдёшь.

– Ради Василисы, мать, я любую препону преодолею!

– Нет там препон, окромя болота, сынок. Свободен путь, а не пройдёшь! Неведомая сила не пускает. Поживи у меня, Иван, отдохни с дороги. Вернуться с охоты мои сыны, проводят тебя к вражьему логову.

– Эх, мать, как сидеть без дела, зная, что Василиса тут, рядом, в плену томится? Да и за дочку, Марьюшку, душа болит, как она там без нас? Время не спокойное, братья в поле без оружия не выходят. Спасибо тебе за всё, мать, пойду я.

– Не спеши, Иван, путь там один, через трясины, и знают его только мои сыны...

– Нет, Василиса, не проси. Не могу я тебя отпустить. Поими, ты уже давно погибла для своего времени. Стрела должна была пробить твоё сердце. Я нарушил закон и вмешался в ход событий, спас тебя.

– Что ж, – сверкнули слезами глаза-озёра, – я – твоя пленница? Скоро наложницей меня сделаешь? Рабыней?

– Что ты говоришь, Василиса? Ты свободна!

– В этой железной клетке? Я хочу рвать цветы, лежать на траве, дышать лесным воздухом, видеть солнце и небо, гулять босиком по росе! Я тоскую по Марьюшке...

– Хорошо, я научу тебя открывать дверь и делать проход в защите. Только прошу: не пытайся бежать. Мы на острове, кругом непроходимое болото. А я летаю, узнаю, как там Марьюшка.

– А вдруг тебя убьют?
– Меня убить невозможно: я окружён защитным полем, не бойся. Вот, возьми эту коробочку. Нажмёшь эту кнопочку, этот глазок направишь туда, где тебе нужен проход. Поняла?

– Бежим, Василиса!
– Нельзя, Иванушка, далеко не уйдём. Костя Шеев по воздуху догонит, с неба высмотрит.

– Знать, судьба мне сразиться с Кощеем! Бессмертный он, говоришь?

– Вызнала я его тайну, Иванушка! Достанет твой меч до его шеи, снесёт буйну голову. Вот, видишь, у меня коробочка....

– Нет, это нам не подойдёт! – Снял шлем редактор. – У нас детское издательство, а вы что предлагаете? Резня, кровь, хронолётчик-преступник, главные герои – убийцы, причём Василиса – кто у вас её играет? – хладнокровно разрабатывает план убийства своего спасителя!

– Но, ведь...

– Да и сюжет не нов. – Редактор прочёл на футляре название мыслепфильма. – Мне кажется, оригинал сказки интереснее. Вон у нас в салоне сколько этих «Кощеев Бессмертных». Дети с удовольствием играют. И ни разу никто не захотел превращаться в Кощея. А у вас этот Кощей – хронолётчик, герой нашего времени, так сказать. И вдруг – преступник, да ещё и жертва! Вы представляете нагрузку на психику ребёнка, пожелавшего испытать эту роль? Да и эмоции у вашего Кости Щеева...

– Шеева.

– Тем более. Эмоции у вашего Кощея, когда он смотрит на Василису... Одним словом, для конкурса исторических мыслепфильмов для детей и юношества ваш «Кощей Бессмертный» не подходит.

Тимур Боев встал и подошёл к мыслеппроектору.

– Извините! – Отвёл его руку редактор. – Мыслепфильмы не рецензируются и не возвращаются. Таков обычай. Идите, дорогой, и работайте. До начала конкурса ещё есть время. Желаю Вам и вашим друзьям успеха. И пришлите ко мне актрису, игравшую Василису! – крикнул редактор выходящему Тимуру. Потом надел шлем мыслеппроектора и нажал кнопку воспроизведения...

Тимур ввалился в комнату и заметался по ней.

– Ты, что? – Изумлённо уставился на него из-под съезжающей на глаза повязки Костя.

– Не принял! – зло выдохнул Тимур. – «Нам это не подходит. Идите и работайте».

– Как это не подходит? – Взвился с койки Костя. – Почему? Что же я зря мотался в прошлое, тягал туда-сюда модель хронолёта, вытаскивал из-под стрел Василису, лечил её?

– Вот Василиса ему явно по душе. Он хочет её видеть!

– А вот этого он не хочет? – Сорвал с головы повязку Костя. – Мечом по башке он не хочет? Ради чего я страдаю?

– Надеюсь, он не понял, что наш мыслефильм полу документальный. Или сделал вид, что не понял. – Успокаиваясь, сказал Тимур. – Кому охота отвечать за пособничество «диким хроникам»? И мыслефильм, гад, не вернулся.

– Вот негодяй! – Вновь сел на кровать Костя. – Мы ж не успеем сделать другой: до начала конкурса меньше месяца!

– Теперь это не важно, – хмуро ответил Тимур. – Он же не примет от нас ни одного мыслефильма, пока мы не приведём к нему Василису. Что будем делать?

2. ПЕРСЕЙ

Диктис сполоснул в море руки, взял корзину с рыбой и пошёл к хижине. Чей это огромный сундук у дверей? Рыбак поставил корзину в тени росшего у хижины кипариса и открыл дверь.

– Даная?!

– Тише! Ребёнка разбудишь. – Встав с ложа, вытолкнула хозяина наружу гостя.

Диктис снял гиматий*, оставшись в короткой хлене**. Широким жестом сеятеля он расстелил снятый плащ на влажной ещё от утренней росы траве. Глухо стукнули, задев громадный

* Гиматий – обёрнутый вокруг фигуры ничем не скреплённый прямоугольный кусок шерстяной ткани, достигавший 1,7 метра в ширину и 4 метров в длину.

** Хлена – прямоугольный кусок плотной шерстяной или смешанной льняно-шерстяной ткани, закаляемый фибулой на правом плече.

Прим. авт.

сундук, небольшие свинцовые грузики, зашитые в углы гиматия, чтобы он не соскальзывал при движениях. Диктис жестом предложил девушке сесть.

– Прости, царевна, я не ждал гостей, и в доме у меня, как ты, наверно, уже заметила, ничего нет. Вот только корзина свежейпойманной рыбы. Я могу быстро приготовить её для тебя.

– Не это главное. – Брезгливо сморщив нос и подобрав расшитую золотыми звёздами полу голубого хитона*, девушка грациозно опустила на плащ рыбака. – Ты всё так же красив, – вздохнула она, глядя на растерянного полуобнажённого юношу, замершего перед ней. – Ну, что стоишь? Займись рыбой, пока она не протухла. Да глянь в моём сундуке: там должны быть ойнохоя** с вином и кое-какие сласти. И передвинь очаг! Не видишь, он дымит прямо на меня. Всё так же красив и... глуп!

– Зачем ты здесь, царевна? – Нахмурился рыбак. – Я не желаю больше быть твоей игрушкой.

– У меня теперь другая игрушка: вон спит в твоей грязной хижине, неужто не заметил?

– Ты хочешь сказать... – изумлённо заулыбался Диктис.

– Я хочу сказать сразу, что не знаю, кто его отец, идиот! – зашипела Даная. – Ты вообразил, что был у меня единственным? Когда мой полоумный папаша, испугавшись дурацкого пророчества***, запер меня во дворце и стал отказывать всем сватавшимся ко мне женихам, он, наверно, вообразил, что я так покорно и умру старой девой. Ему и в голову не пришло, что детей умеют делать не только цари и принцы.

– Что же ты сказала царю Акрисию, когда родила?

Даная злобно захохотала.

– Я сказала, что сам великий бог Зевс пролился ко мне в спальню золотым дождём, и что Персей – плод нашей любви! И если дорогой мой папаша причинит нам с сыном малейший вред, Зевс покарает его.

* Хитон – подобие льняной или шерстяной рубашки, чаще без рукавов. *Прим. авт.*

** Ойнохоя – одноручный яйцеобразный кувшин с тремя носиками. *Прим. авт.*

*** Царю Акрисию, отцу Данаи, предсказали, что он умрёт от руки своего внука. *Прим. авт.*

– И царь Акрисий поверил?

– Разумеется! Поверил же он прорицателям. Да и не было у него другого выхода: отказать стольким знатым женихам и потом объявлять внуком неизвестно чьего ублюдка? А Зевс, как-никак, завидный родственник.

– Но почему ты здесь, Даная? Неужели всё же...

– Ишь, размечтался! Просто отец выставил нас с Персеем из дома. Ты единственный мой любовник, покинувший Аргос. Здесь, на Серифе, никто не знает и не подозревает о нашем знакомстве. Надеюсь, у тебя хватило ума держать язык за зубами?

– А кто б мне поверил? Все знают, что царь Акрисий держит дочь взаперти в башне.

– Уже нет. Вчера на закате воины отца бросили нас с сыном в этом вот сундуке в море. Потом, ночью, тайно выловили и доставили сюда. Этого никто из местных не видел. А ты, приготовив мне рыбу, пойдёшь к своему царю Полидекту. Скажешь ему, что выловил сегодня утром в море сундук, а в нём оказались прекрасная знатная – не забудь это уточнить! – женщина и ребёнок. Ваш царь – известный бабник, да и молод, а я привыкла жить во дворце, а не в грязной хижине. Куда ты? Вряд ли царь Полидект встаёт в такую рань. У нас ещё есть время и на десерт: иди же ко мне, чего ждёшь? Персей спит, а потом тебе не скоро представится подобная возможность...

Сигнал тревоги выдернул Костю Шеева и Тимура Боева из прошлого.

– В чём дело, Тимур? – Костя сорвал с головы хроношлем. Тимур, рыча ругательства, безрезультатно пытался вырубить сигнализацию. Наконец, рёв сирены смолк, щёлкнули сверхнадёжные запоры, дверь мягко ушла в стену, и в комнату спокойно вошла девушка.

Толстая русая коса короной венчала гордо поднятую голову с классически правильными чертами лица. Военный комбинезон наглядно подчёркивал не менее классические пропорции тела вошедшей. Огромные глаза из-под длинных дважды изогнутых ресниц зелёными лучами скользнули по замершим в креслах Косте и Тимур и остановились на контрольном голозраке, где сплелись в жарких объятиях Даная и Диктис.

– Ну что ж, я так и думала. На этот раз вы попались, мальчишки, и крепко!

– Кто Вы, и как сюда попали? – Опомнился, наконец, Костя, отключая голоэкрэн.

– Агент службы хронобезопасности Афина Павлова.

– Богиня! – ахнул в восторге Тимур.

– Чему радуешься? – цыкнул на него Костя, мысленно кроя себя последними словами.

Он так долго и старательно подбирал слово, которое система воспримет, произнеси он его вслух, как команду на полное уничтожение всех данных, перебрал массу вариантов, чтоб это слово не могло прозвучать в случайном разговоре, приведя к непоправимым последствиям, и вот теперь, когда возникла надобность, не может его произнести! Костя рассчитывал, что у него будет несколько секунд, прежде чем агенты СХБ справятся с дверью, а на деле, как всегда, оказалось всё не так. Агент уже здесь, и наверняка всё происходящее записывается.

– В чём нас обвиняют? – хмуро пробурчал Костя.

– В том, что вы оба – дикие хроники, разумеется! – Усмехнулась Афина, садясь в освобождённое для неё Тимуром кресло.

– Это ещё надо доказать! – Не сдавался Костя.

– Я же здесь, не так ли? Запоры у вас, конечно, неплохие, но для нас они не проблема. Отследить вас было куда труднее, должна сказать. Или вы думаете, я здесь случайно?

– Не понимаю, как вам это удалось? Где мы засветились? – Сдался Костя.

– Вы крупно прокололись с вашим последним детищем: мыслефильмом «Кашей Бессмертный». Неужели вы всерьёз рассчитывали провести нашу службу столь наивным прикрытием? Понять, что «Кашей» не просто мыслефильм, не плод авторского воображения, а натурная съёмка, для меня, например, не составило труда. Природа, воздух, люди – всё с натуры. В этом фильме вы нарушили все мыслимые запреты.

Мы знаем, что всегда существовали, существуют и будут существовать люди, которых не устраивают стандартные маршруты, незримое присутствие при исторических событиях, чужие эмоции и восприятие. Вы, хроники, ходите своими путями, и пока не слишком нарушаете основные правила, мы смотрим на вас сквозь пальцы. Конечно, периодически наказываем самых ретивых для

острастки. Любителей поизображать из себя призраков или полтергейст, попутать древних обывателей инопланетянами. Но вы двое – другое дело. Вы не просто нелегально мотаетесь в прошлое, но и посылаете дублёров, то есть присутствуете в прошлом не только зримо, но и материально, и даже имеете наглость участвовать в событиях, что категорически запрещено!

– Мыслефильм – не доказательство! – огрызнулся Костя. – Мы могли, вернее мы взяли антураж с какого-то стандартного турмаршрута во времена крещения Руси, искоренения языческих капищ. Что молчишь, Тимур, ты оператор или кто? Пусть докажут!

– Доказательство у тебя на лбу, – усмехнулась Афина. – Шрам от меча? Болит? Наверно, уставки защиты занижены?

– Удар был неожиданным, – смущённо пробормотал Тимур, не сводя с девушки влюблённых глаз. – Когда делают обычный мыслефильм, художник воображает героев, их действия, внешность, ощущения. Оператор записывает на кристалл куски фильма и позднее вместе с художником компокует мыслефильм. Причём в части ощущений героя, как правило, оператор делает отсылки к индивидуальному воспоминаниям зрителя. Например, если герой мыслефильма ест, пьёт, обоняет или осязает что-либо ему уже известное, то конкретные ощущения берутся из памяти зрителя. Если зритель столкнулся с чем-либо новым для себя, он испытывает авторский вариант ощущений, пропущенный через определённые фильтры: у каждого зрителя свои пределы, допустим, болевые, моральные или религиозные. Нам для фильма нужны были полные эмоции, без ограничений и фильтров, так как «Кощей», как вы заметили, не плод фантазии автора, а в основном реальные события и ощущения Костиного сознания в теле дублёра, специально сформированного в прошлом. Кто ж знал, что так выйдет, и на Костю устроят засаду? Хоть дублёр и не человек, а только сотканная из полей оболочка, при помощи которой сознание хроника путешествует во времени, удар меча по голове Костя ощутил вполне реально. Вот стигмат* и образовался – Сдаюсь. – Махнул рукой Костя, видя, что его друг и напарник готов рассказать обворожившей его с первого взгляда нежданной гостье всё, что только её заинтересует. – Ваша взяла. Что нам светит?

* Стигмат – след на теле от раны, ожога, оспы и т. п. *Прим. авт.*

– Зависит от того, какой выбор вы сделаете. Частичная амнезия с полной мыслеблокадой любой возможности хронопутешествий, даже официально разрешённых, с полной конфискацией аппаратуры, или... вы оба переходите на работу к нам.

– К вам!? – восторженно взревел Тимур.

Костя только вздохнул, глядя на друга, для которого выбор был очевиден и наказанием не являлся, так как Тимур потерял свободу и стал рабом с того мгновенья, как увидел Афины. А вот как быть ему? Что выбрать: свободу без любимого дела или любимое дело, но с ограниченной свободой?

– Как вы на нас вышли? «Кошечка» мы издали под псевдонимом. Настоящие имена и адреса нигде не указывали. Хотелось бы знать, где мы прокололись.

– Это просто. Как вы думаете, мальчишки, кто вам заказал «Персея»?

– Дьявол! – Вскочил Костя и заметался по комнате.

– Гениально! – Восторгу Тимура не было границ. – Вы сплели паутину, подбросили нам приманку и стали ждать, кто появится.

– Вот именно. Появились вы.

– Похоже, вы задействовали немалые силы, чтобы поймать нас, – позлорадствовал Костя.

– Нет, зачем? – Улыбнулась Афина Павлова. – Мы знали, что дикие хроники, промышляющие вдобавок изготовлением исторических мыслефильмов, обязательно появятся на Серифе, чтобы заснять прибытие Данаи с младенцем. Эта сцена не случайно оговорена в примерном сценарии, который мы вам прислали вместе с авансом. Так что вы решили?

– Хайре!* Мать, мне надо поговорить с тобой.

– Хайре, Персей! Опять будешь просить денег на своих гетер**? Не дам!

– Пусть Диктис уйдёт! Мне надо поговорить с тобой наедине.

– О чём? Да ты трезв сегодня! Ладно, Диктис, оставь нас с Персеем, зайдёшь ко мне позже. Ну вот, сын, мы одни, говори. Надеюсь ты не собрался жениться на какой-нибудь голодранке?

* Хайре – греческое приветствие, букв. «Радуйся!». *Прим. авт.*

** Гетера – образованная незамужняя женщина, ведущая свободный, независимый образ жизни. *Прим. авт.*

– Я не такой дурак, каким ты меня считаешь! Да я, Персей, сын Зевса и Данаи, внук и наследник Акрисия, царя Аргоса, вынужден жить в самых дальних и жалких покоях царя Полидекта и сносить насмешки окружающих его льстецов и подхалимов. Я вспоминаю об этом каждое утро, когда мой единственный старый полуслепой и полуглухой раб приносит мне кувшин холодной воды для омовений. А вот ты всё забыла, и тебя все забыли, кроме этого нищего рыбака, неизвестно почему снабжающего нас бесплатной рыбой.

– Замолчи, я не хочу этого слышать! Что тебе надо? И я, и ты уже тысячу раз просили Полидекта дать тебе воинов, чтобы отвоевать у Акрисия трон, но этот сластолюбивый недомерок одинаково труслив и скуп, а у нас с тобой денег на наёмников нет.

– Плевать мне на Полидекта! Полидект не дал тебе воинов, когда был без ума от тебя, юной и цветущей. Сейчас, когда твоя кожа потемнела и покрылась морщинами, груди обвисли, а волосы поседели, он и слушать тебя не захочет. Но у меня есть решение нашей проблемы.

– Какое?

– Серифу нужен новый царь, причём такой, который к тебе – даже сейчас! – не равнодушен.

– Ты имеешь в виду себя?

– Нет, конечно, я говорю о Диктисе.

– Видать, ты вчера лихо хватил! Небось, опять пил вино неразбавленным?

– Как видишь, я трезв и говорю серьёзно. Может, ты и смирилась со своим положением, а я не желаю чахнуть на этом паршивом острове в нищете!

– Но ведь Полидект жив, здоров и может прожить ещё долго. Убить этого труса невозможно: он в окружении охраны, еда и питьё постоянно проверяются на наличие яда, он даже в спальне с девицами не остаётся один – специальная рабыня с отрезанным языком следит за его возлюбленными, чтобы не умертвили царя во время любовных игр и сна. Он и детей не заводит, чтобы не трястись потом за жизнь и трон, если наследнику станет невтерпёж.

– Я убью царя Полидекта!

– Ты?! Как?

– Есть один способ. Вчера у меня были гости.

- У тебя? Гости? Ты хотел сказать «кредиторы»?
- Мои брат и сестра.
- Что ещё за новости? Ты у меня единственный.
- У тебя, но не у отца.
- Какого отца? Что ты несёшь?
- У Зевса, разумеется! Он же мой отец – это всем известно.

Закрой рот, мать, муха влетит.

Все вокруг над нами смеются. Я уж и сам начал сомневаться в твоих словах. Даже начал подозревать Диктиса – уж больно он к нам неравнодушен. И вдруг вчера меня навестили Афина и Гермес. Отцу не нравится моё положение, но боги помогают только героям. Поэтому мне необходимо совершить подвиг, чтобы Зевс принял участие в моей судьбе.

– Во-первых, убийство царя Полидекта – не подвиг, а вторых, с чего ты взял, что у тебя были Афина и Гермес? Не хватало ещё, чтобы какие-нибудь проходимцы втянули тебя в заговор против царя!

– Мать, перестань говорить глупости! Кто ещё, кроме богов, умеет проходить сквозь стены, появляться посреди комнаты из ниоткуда и исчезать в никуда? Кто знает твои мысли и поступки, твоё прошлое, настоящее и будущее? Знаешь, я порой не понимаю, что мой отец Зевс нашёл в тебе?

Но довольно! Я пришёл к тебе не спорить и ругаться, а для того, чтобы ты знала и понимала мои будущие поступки. И, конечно, поддерживала во всём, если хочешь вырваться из этой дыры и вернуться на Аргос, где мне суждено занять царский трон.

– Я не понимаю, что ты от меня хочешь, Персей?

– Я знаю, у тебя сохранились кое-какие связи в царском окружении. Мне необходимо совершить подвиг, но инициатива должна исходить от царя Полидекта. В этом случае дело изначально получит широкую огласку, и мне легче будет приблизиться к нему, чтобы убить. Ты должна настроить окружение царя так, чтобы Полидект бросил мне вызов.

– Этот трус? Никогда!

– Ты не поняла. Я не собираюсь вступать в поединок с царём Полидектом. Я должен убить горгону* Медузу!

* Горгоны – три сестры: Сфено, Эвриала и Медуза, дочери морских божеств Форкия и Кето, внучки богини–земли Геи и моря Понта. Чудо-

– Ну что ж, коллеги, теперь, когда с формальностями покончено, получите своё первое задание. Я уверена, оно вам понравится.

– Отловить какого-нибудь дикого хроника? – хмуро поинтересовался Костя. – Типа: вор лучше всех знает, как поймать вора? Кстати, Афина, как быть? с авансом за мыслефильм? Нам с Тимуром придётся его вернуть?

– Нет. Вам придётся выполнить заказ, параллельно, так сказать, с основной работой. Дело в том, что в космическом отделе института времени проводился эксперимент, закончившийся весьма неудачно. Технические детали вам ни к чему, а суть эксперимента такова. Сейчас мы вынуждены в межзвёздных перелётах погружать экипажи звездолётов в анабиоз, что не всегда оканчивается для людей без негативных последствий. Космический отдел разработал некое устройство, условно называемое хроноизлучатель, которое, грубо говоря, «консервирует» время в заданном объёме. Причём учёные добились того, что в качестве объекта хронозаморозки могут быть только биологические объекты.

Размеры хроноизлучателя были минимизированы настолько, что он вполне уместился в корпусе универсального корабельного робота. По замыслу учёных, данный робот, снабжённый излучателем, после старта звездолёта по команде капитана корабля «хронозамораживает» экипаж, а после прибытия в пункт назначения – «размораживает». Эксперименты в лаборатории института прошли успешно. Было решено продемонстрировать работу хроноизлучателя приёмной комиссии на одном из стандартных космических катеров.

– И что произошло?

– А вот это нам и предстоит выяснить. Капсула с экипажем катера и три корабельных робота, один из которых был оснащён хроноизлучателем, просто исчезли. Скандал был жуткий. Мы чисто случайно обнаружили их. Вы уже догадались, где?

вища-сестры имели тело, покрытое крепкой блестящей чешуей, разрубить которую мог только меч Гермеса, с громадными медными руками с острыми когтями и крыльями с золотыми сверкающими перьями. Лица были с острыми, как кинжалы, клыками, а вместо волос извивались, шипя, ядовитые змеи. Взгляд Медузы превращал людей в камень. *Прим. авт.*

– Чёрт побери! – Возбуждённо вскочил Костя. – Неужто пресловутые горгоны, обращающие людей в камень?

– Одна горгона, Константин, одна. Медуза. Две другие не обладают подобной способностью. Они ведь – обычные корабельные роботы.

– Что-то они запаздывают. Надо мне было сопровождать Костю, а не загорать здесь одной.

– Не волнуйся, Афина, я слежу за вами. Они уже летят к тебе. Косте пришлось дать Персею несколько уроков полёта. Не привык этот дикарь пользоваться антигравитационным поясом.

– Всё шутишь, Тимур? Лучше приготовь контейнер для хроноизлучателя и лазер.

– Уже. Экранирующий биополе скафандр сейчас у тебя появится. А за ним и контейнер с лазером. Скажи, Афина, а почему на это дело ты выбрала нас? У вас что, проблемы с кадрами?

– Нет. Видишь ли, Тимур, у всех наших сотрудников установлена мыслеблокада, запрещающая перемещение материальных предметов во времени. У вас с Костей такой блокады нет, зато имеется соответствующий опыт – помнишь так называемый «хронолёт», где твой друг прятал спасённую от смерти Василису?

– Во дела! Как много, оказывается, ты узнала о нас из этого мыслефильма. Хорошо ещё, что сам излучатель установили в голове робота, а то пришлось бы кромсать Медузу на куски. То ещё было бы зрелище!

– Да, повезло. Без источника энергии и основного устройства, установленных в корпусе робота, сам излучатель станет безвреден, и мы сможем вернуть капсулу и роботов назад.

Кстати, Тимур, перестань тайком целовать мои руки. Я однажды расследовала случай, когда оператор забавлялся с телом своей подружки-хроника, пока её сознание путешествовало в дублёре по значным местам Древнего Рима времён Петрония. С тех пор я позаботилась, чтобы часть моего сознания оставалась в теле и контролировала его ощущения. Это создаёт некоторые неудобства, зато я за свое тело спокойна.

А вот и наша парочка летит. Роботы всё ещё заряжают свои солнечные батареи. Это хорошо: пока они «загорают», к ним проще подойти.

– Смотри, Персей, вот этот остров. Спускаемся. Видишь на берегу горгон?

– Вижу! Ну и страшилища! Гермес, почему они лежат, раскинув крылья? Они живы?

– Живы. Считай, что они спят. Запомни, ты должен отрубить голову только одной из них. У неё на груди нарисована медуза. Понял?

– Да, ты мне уже сто раз об этом говорил. А вдруг две другие проснутся и меня увидят?

– Не увидят. Афина даст тебе плащ, который скроет тебя от их глаз. Вон она нас ждёт. Опускаемся.

– Чёрт! Какая досада, что приходится полагаться в таком важном деле на этого надменного самовлюблённого дикаря. Как он меня утомил!

– Что делать, Костя. Люди не могут перемещаться во времени. А дублеры – совокупность полей, разрушающаяся при приближении к непрерывно работающему хроноизлучателю Медузы.

– Да помню, Афина, ты мне говорила. Но досадно! Он меня просто достал своим нытьём и глупыми требованиями. Персей вбил себе в голову, что с помощью головы Медузы он эффектно отомстит царю Полидекту.

– Пусть только уложит её в спецконтейнер, чтоб мы могли к ней приблизиться. Всё же кое-какой остаточный заряд у неё возможен – ведь режим «хроноразморозки» не был использован. Главное, чтобы Персей не струсил в последний момент.

– На счет этого я не волнуюсь. Он так жаждет прославиться, отомстить всем своим обидчикам и стать царем Аргоса, что...

– Тише! Он возвращается. В контейнере что-то есть! И индикатор лазера почти на нуле. Он сделал это!

– Ну что, мальчики, устали?

– Есть немного. Надеюсь, подобные вещи у вас...

– У нас, Костя. Вы с Тимуром теперь агенты спецкоманды СХБ.

– Хорошо: у нас. Какой команды?

– Случай с Медузой выявил необходимость создания спецкоманды агентов, у которых отсутствует мыслеплокада переме-

щения вещей во времени. Пока в этой команде вы двое и я – ваш непосредственный руководитель. Вы рады?

– Могла бы и не спрашивать, посмотри, как сияет Тимур.

– А ты, Костя, не рад?

– Ну, тебя-то, Афина, я уже знаю. И...да что там – конечно рад!

– Вот и чудненько! А как наш фильм, Тимур?

– Двигается. Честно говоря, я испугался за ваших дублеров, когда этот псих Персей наотрез отказался возвращать лазер и антиграв. Да ещё пригрозил вытащить из контейнера голову Медузы, если вы попробуете отнять их силой.

– Ничего, Тимур, пусть Персей пока погеройствует. А мы посмотрим, что у него получится. Глядишь, и сочинять ничего не придётся – правда жизни окажется интересней!

3. ЛАБИРИНТ

– Налей вина, раб. Ты был в портовом квартале? Договорился с капитаном египетского корабля?

– Да, господин, я был там. Египтянин прислал к тебе человека. Можно ему войти?

– Какого ещё человека? Зачем? Я же тебе сказал, что заплачу любую сумму и тебя отдам в придачу, лишь бы поскорее убраться с Крита! Ты что, не смог сторговаться? Я говорил, раб, что жить нам с тобой осталось недолго?

– Да, господин, но египтянин не стал говорить со мной. Он хочет знать причины твоего желания покинуть Крит столь срочно и тайно. Сказал, что не хочет давать повод для осложнения между Египтом и Критом.

– И ты привёл его сюда, в мой дом? Болван! Мускулистое животное! Боги дали тебе красивое тело, но обделили умом. Тело возвысило тебя из рабов в личные телохранители царицы Крита, тело сделало телохранителя любовником, но тупая безмозглая голова вновь вернула тело в то положение раба, которого ты только и заслуживаешь.

– Не понимаю, господин, причины твоего гнева. Ты сам сказал, что дело срочное. Потому я и привёл египтянина сюда...

– Конечно, не понимаешь! Тупица! Я запретил тебе называть моё имя. Ты должен был просто найти корабль, в ближайшее время покидающий Крит, и договориться с его владельцем,

что он возьмёт твоего хозяина на борт. А ты привёл египтянина прямо в мой дом! Теперь весь Кносс* будет знать, что Гектор, советник самого царя Миноса, собирается бежать с Крита! Поддай мне плеть, раб.

– Прости, господин, я не смог отказать египтянину...

– Быстрее! Стой. Что со мной? Я не могу пошевелиться. Почему ты так странно смотришь на меня? Как смеешь ты, раб, смотреть в лицо своему господину? Вино! Что ты мне подмешал, Икар?

Раб откинул дверную занавесь.

– Входи, святейший, я сделал, как ты велел. Не забудь мою услугу.

– Я никогда ничего не забываю, акаваша**, – ответил вошедший. – Собирайся, корабль ждёт.

– Вы нашли его, мальчишки? – Руководитель спецгруппы службы хронобезопасности Афина Павлова была явно встревожена.

– Нет. – Тимур Боев выглядел непривычно мрачным. Обычно присутствие Афины повергало его в состояние восторга и любовной заторможенности в мыслях и действиях. – У царя Афин Эгея никогда не было сына по имени Тесей. Эгей действительно в юности много шлялся по окрестным городам и, соответственно, местным красоткам, а чаще – красавцам, и... – Тимур внезапно понял, кто перед ним, густо покраснел и впал в ступор.

– ...никогда не посещал Трезены, – закончил фразу Костя Шеев. – Может, где и подрастают внебрачные дети Эгея, но только не у царевны Эзры из Трезены. Не удалось обнаружить и прочих персонажей греческого мифа: на дороге из Трезены в Афины никто не слышал о разбойниках по имени Синид, Скирон или Прокруст, с которыми согласно мифу лихо расправился Тесей.

– Плохо. Очень плохо! Видимо, нам придётся проследить все похождения Эгея.

– Ты с ума сошла, Афина! – возмутился Костя. – Это ж адский труд! Почему бы не подключить к поискам Тесея дру-

* Кносс – столица Крита. *Прим. авт.*

** Акаваша – чужеземец, иностранец. *Прим. авт.*

гие отделы? Мы с Тимуром и так почти сутки вкалывали без отдыха.

– Это невозможно: нельзя привлекать постороннее внимание к персоне Тесея. Вы, наверно, действительно очень устали, если забыли, что наша группа занимается исключительно делами высшей степени секретности. Ладно, идите спать. Я составил график дальнейшей работы. Будем искать Тесея круглосуточно: двое в хронопоиске, третий отдыхает.

– Не пора ли раскрыть карты, Афина? – Костя раздражённо отшвырнул хроношлем. – Мы, ведь, с Тимуром давно не дикие хроники, мы с тобой теперь в одной команде. Почему службу хронобезопасности заинтересовал Тесей?

– Не ломай казённое оборудование. Я сама узнала ответ полчаса назад! Может, сначала отдохнёте? На свежую голову...

– Какой, к чёрту, отдых?! Думаешь, мы уснём, не узнав причину аврала?

– А, узнав, уснёте? Ладно, успокойся. Помните дело Персея?

– Ещё бы! Неудачный эксперимент с капсулой хронозаморозки космонавтов, неожиданно провалившейся в прошлое с двумя испытателями на борту и тремя корабельными роботами, которых древние греки называли горгонами. Весёленькое было дело!

– Да, весёленькое. На нём вы с Тимуром и погорели, как дикие хроники. Мы тогда неплохо поработали, отключили роботов, вернули капсулу. Вот только она оказалась пустой!

– Что значит – пустой? – удивился Тимур.

– Испытатели! – воскликнул Костя. – Мы, возясь с этим болваном Персеем, совершенно забыли о двух испытателях, бывших на борту капсулы во время того эксперимента.

– Действительно. – Озадаченно посмотрел на Афины Павлову Тимур. – А ты нам о них даже не напомнила. Почему?

– Почему – понятно! – раздражённо махнул рукой Костя. – Секретность! Не доверяет нам начальство.

– Но ведь общеизвестно, что перемещение людей во времени невозможно! – воскликнул Тимур. – Потому мы и используем дублёров.

– В этом всё и дело! Видите ли, мальчики, как оказалось, тот эксперимент с капсулой хронозаморозки вовсе не был не-

удачным. Это была спланированная акция перемещения людей во времени, причём удачная!

– Акция? Чья? – неожиданно напряжённым голосом спросил Костя Шеев.

– Двое учёных одной из лабораторий нашего Института Времени решили лично отправиться в прошлое. Им это удалось. Вы представляете, что сейчас творится наверху?

– Но зачем им понадобился этот эксперимент? – удивился Тимур. – Ведь использование дублёров гораздо безопаснее, а по возможностям чувственного восприятия окружающей обстановки практически неотличимо. К тому же использование дублёров наверняка намного экономичнее в энергетическом плане.

– Разумеется, ты прав. Суть в том, мальчишки, что эта безумная парочка просто сбежала в прошлое. Как им это удалось, никто в институте не знает, зачем – тем более. Они уничтожили перед бегством все данные своих тайных, как оказалось, исследований и опытов. Капсула хронозаморозки, неожиданно оказавшаяся «машиной времени», поглотила столько энергии, что сработала защита. Потому капсула и застряла в прошлом на «острове горгон», а не вернулась назад, как планировали беглецы. Вот только с капсулы сняты все приборы и устройства, превращавшие её в «машину времени».

– Что-то не вяжутся у тебя концы, Афина! – жёстко сказал Костя. – Откуда всё это стало известно, если капсула оказалась пустой? Ты говоришь: с хронокапсулы сняты все приборы и устройства. Но тогда капсула уже не могла быть машиной времени. И, следовательно, вовсе не случайно оказалась на острове горгон.

– Ты хочешь сказать, Костя, что у беглецов есть другая машина времени? – нахмурилась Афина. – А капсулу с роботами они просто забросили в прошлое, как вы когда-то свой «хронолёт» во время снятия мыслефильма «Кощей Бессмертный»?

– Это очевидно! – Поддержал друга Тимур. – Потому у вас и был такой гигантский перерасход энергии, что сработала защита.

– Как бы там ни было, наше задание: найти беглецов и вернуть. – озабоченно произнесла Афина. – В крайнем случае: найти и узнать, зачем и как они это сделали.

- А причём здесь Тесей? – спросил Костя.
- В хронокапсуле была записка: «Хотите нас найти? Следуйте за Тесеем».
- Но ведь это может быть ложный след! – возмутился Костя. – Если те два профессора решили сбежать в прошлое, зачем им указывать нам, куда именно?
- Другого следа у нас нет. Придётся отработывать этот. – Раздражённо развела руками Афина. – Единственный широко известный Тесей в греческих мифах был сыном царя Афин Эгея и царевны Эзры из Трезен.
- В мифах! – Костя вскочил и заметался по комнате. – А в действительности такого парня не было. Что ж теперь делать?
- Да что мы упёрлись в родословную! – Тимур поймал Костю за руку и усадил в кресло. – Не мельтеши, и так голова почти не варит. – И вновь обратился к Афине: – У греков все герои – потомки богов и царей. Давайте рассмотрим суть мифа, а не частности. Чем знаменит Тесей? Разбойники уже отпадают. Что остаётся?
- Лабиринт и Минотавр! – Вскочил Костя.
- Нить Ариадны. – Вновь усадила его Афина.
- Вот! – Довольно улыбнулся Тимур. – Ариадна – женщина. К тому же её нить сродни ложу Прокруста – красивая сказка. Мы ищем кого?
- Двух мужчин! – хором вскричали Афина и Костя.
- Значит, первой нашей наиболее достоверной целью становится кто?
- Минотавр! Тимурчик, ты – гений! – Афина подошла к Боеву и поцеловала в щёку. – Костик, твоя очередь спать. А мы с Тимуром отправляемся в Кносс.
- Вы уверены, что заботитесь обо мне? – ехидно спросил Костя. – А мне почему-то вспомнилась поговорка о третьем – лишнем.
- Итак, Гектор, смотри сюда. – Египтянин откинул шкуру леопарда, обнажив грудь. – Видишь мой амулет? Красивый кристалл, правда? Смотри, как переливаются грани. Тебе хорошо видно?
- Передник из дорогой ткани, юбка, длинный вышитый пояс, шкура леопарда, плетёная из библуса* обувь... Ты – не капитан корабля! Кто ты?

– Я один из жрецов Аписа**. Моё имя тебе ни к чему. Ты напрасно ругал своего раба, Гектор. Неужели забыл, кем был Икар? А кто его хозяин сейчас тоже всем в Кноссе известно. Ни один корабль не возьмёт тебя тайком на борт. Никто ни за какие деньги не поможет бежать хозяину Икара. Владычество Миносов действительно немного пошатнулось. Крит постепенно сдаёт мировое первенство Египту. Но ссориться с Миносом пока не рискует даже фараон. Глупо бежать в Египет. Единственное место, где ты действительно смог бы затеряться – мелкие варварские царства акаваша: февана или туруша***.

Но довольно пустых разговоров. Я вижу, ты уже вошёл в нужное мне состояние. Гектор, ты хорошо меня слышишь?

– Да. Я слышу тебя.

– Спи. С этого мгновения ты слышишь только меня. Я – твой господин. Ты понял меня, Гектор?

– Да, господин, я понял тебя.

– Я буду задавать тебе вопросы, ты будешь отвечать только правду. Понял?

– Да, господин, ты – спрашиваешь, я – отвечаю только правду.

– Ты, ведь, не кефти****? Откуда ты родом? – Из Афин, господин. Я был главным художником при дворе царя Эгея. Строил храмы и дворцы.

– Как ты, акаваша, попал на Крит и столь быстро возвысился?

– Мой сын Икар и племянница царя Эгея Ариадна полюбили друг друга. Но царь отказался устроить их брак. Он сам положил глаз на моего сына и решил сделать Икара своим любовником. Однажды ночью мы все трое: я и влюблённые, бежали из Афин на критском купеческом корабле. Но, как только корабль вышел в море, матросы напали на нас сонных, ограбили и превратили в рабов. Так я попал на Крит, господин.

– А теперь подробно расскажи, где ты изучал критский и

* Библус – тростник. *Прим. авт.*

** Апис – священный белый бык, имевший собственный храм. – *Прим. авт.*

*** Февана и туруша – греки и этруски. *Прим. авт.*

**** Кефти – житель Крита. *Прим. авт.*

египетский языки, и кто открыл тебе секреты письма Крита и Египта?

– Я никогда не изучал ни того, ни другого, господин.

– Откуда же ты их знаешь?

– Хозяин корабля выставил нас на Кносском рынке рабов, господин. Распорядитель рынка через раба-переводчика спросил, были ли мы ранее на Крите, какие знаем языки и ремёсла. Я ответил, что мы все трое всю жизнь прожили в Афинах, никаких языков, кроме родного, не знаем. Сказал, что я – скульптор, а мой сын – воин, Ариадна же, как всякая афинская девушка, умеет шить и готовить. Распорядитель рынка не позволил выставить нас на продажу, а велел присоединить к небольшой группе отобранных ранее у других продавцов рабов. Хозяин корабля был очень недоволен таким поворотом дел, но спорить не посмел.

Весь день мы простояли на рынке, изнывая от жары, жажды и неизвестности. Вечером, когда торги закончились, спала жара, и утих огулительный гомон рынка, огромные чернокожие рабы принесли носилки, из которых вышел наш покупатель. Это был Минотавр, тайный советник Миноса. Нас выстроили в ряд, и распорядитель рынка приказал своему рабу-переводчику вновь в присутствии знатного покупателя расспросить каждого. Минотавр купил всех.

– Привет, Тим, как успехи?

– Глухо. Как в Афинах никто не знает Тесея, так и в Кноссе никто не слышал о Минотавре. Принёс чего-нибудь пожрать?

– Чёрт! Дело Персея сейчас мне кажется лёгкой прогулкой. – Костя поставил перед Тимуром сумку с бутербродами и бутылками с апельсиновым соком. Потом жестом фокусника вынул из кармана чудом не помятый букетик из трёх свежесрезанных красных роз и положил на колени лежащей в кресле Афины. – Где она сейчас?

Тимур снял мнемощлем и включил контрольный голоэкрэн.

– На базаре. Её дублёр уже несколько часов блуждает по Лабиринту. Это вовсе не отдельное сооружение, где Минос прячет от народа людоеда Минотавра. Лабиринт – это весь Кносс, огромный город-дворец. Этакая четырёхугольная крепость с глухими наружными стенами, почти без окон. Мы обнаружили

всего двое ворот, за которыми начинаются узкие ломаные коридоры, ведущие внутрь. В Кноссе довольно сложная система зал и комнат, коридоров и проходов, лестниц, террас и храмов, мастерских, складов и, конечно, дворцов Миноса и его родственников. Многоэтажные дома! Не город, а муравейник.

– Ничего, найдём иголочку. И не такие стога ворошили. А бабы у них классные! Какие платья, причёски! Любая сегодняшняя модница позавидует. И все с голой грудью! А наша Афина ничего: люблю местную красотку затмит!

– Перестань!

– У неё действительно такой бюст или это игра воображения?

– Костя, убью! Прекрати! Услышит.

– Ерунда. Женщины на комплименты не обижаются. Да и мнеошлем ты снял.

– Я всегда оставляю часть сознания в теле, забыл, Костя? – Ожила вдруг Афина. – Мы выбрали неверную методику, мальчики. Вряд ли Минотавр был чудовищем из сказки: получеловек-полубык. И потому никто не треплет о нём языком на базарах и в мастерских. По мифу он – сын Пасифаи, жены Миноса. Надо искать во дворце.

Афина протянула хроношлем Косте.

– Посмотрим, как ты выглядишь в длинных завитых локонах, юбке и с двумя копьями в руке. Кстати, мне бодикосметика без надобности!

– Утром надсмотрщик отобрал семерых из нас, кто должен был участвовать в тавромахии*. Я был в их числе. Никто из нас ранее никогда даже не видел подобных ритуалов. Все мы были на Крите чужаками, все разных возрастов и национальностей. Я – грек из Афин. Пожилой египтянин. Молодой, но уже сплошь покрытый шрамами этруск. Пара негров: один высокий и могучий в набедренной повязке из шкуры какого-то полосатого зверя, другой – маленький, совершенно голый, весь разрисованный какими-то несмыслаемыми узорами и морщинами. И ещё двое совершенно незнакомых мне дикарей с красной кожей и птичьими перьями в волосах.

* Тавромахия – состязание человека с быком. Испанская коррида – наследница критской тавромахии. *Прим. авт.*

Нас вывели за город, на поле, где происходят танцы с быками. Постепенно вокруг поля собиралась публика. Я забыл голод и страх, разглядывая выходящих из носилок женщин в удивительных нарядах. У нас женщины носят обычный пеплос – кусок ткани, обёрнутый вокруг тела и прихваченный на плечах заколкой. А тут – многослойные расукрашенные юбки, талии перетянуты корсетами, жакеты с длинными рукавами, оставляющие грудь совершенно открытой, шнуровка. Огромные и разнообразные, раскрашенные в разные цвета причёски. Шляпы в три яруса! Кольца, ожерелья, заколки, перстни. Косметика лица и груди! Ничего подобного я никогда ранее не видел.

Вдруг вокруг поднялся восторженный рёв: в царской ложе перед главным входом, под пышным портиком*, появился Минос. Он стоял, и на пёстром фоне изразцовой стены, покрытой фресками, отражалось сияние царской мантии, усыпанной драгоценностями. Рядом с Миносом не менее ярко сияла украшениями царица Пасифая. Поддавшись всеобщему восторгу, я орал нечто невразумительное, как вдруг ожёг бича вернул меня в реальность. Оказывается, в нашем загоне появился Минотавр. Он привёл с собой профессионального танцора с быками.

Надсмотрщик выстроил нас в ряд. Вошёл раб с фиалом** вина. Минотавр влил в вино из странного, маленького, совершенно прозрачного сосуда какую-то зелёную жидкость. Раб понёс фиал вдоль нашего ряда, заставляя каждого сделать несколько глотков. Первым, не колеблясь, пригубил странную смесь критянин-танцор. Затем и мы последовали его примеру, так как в горле от страха и жары, по крайней мере у меня, всё давно пересохло.

На поле начались танцы с быками. Молодые юноши и девушки бесстрашно ждали мчавшегося на них разъярённого быка, и когда он нагибал голову, чтобы поддеть их на свои огромные страшные рога, птицей взмывали ввысь, делали на спине могучего животного сальто и опускались на ноги позади быка.

*Портик – выступающая вперёд часть здания, открытая на одну или три стороны и образуемая колоннами или арками, несущими перекрытие; чаще всего оформляет главный вход. *Прим. авт.*

** Фиал – чаша, кубок. *Прим. авт.*

Мы ждали своей очереди и молились каждый своим богам, прощаясь с жизнью. Танцор разминался. Его гибкость и быстрота движений поражали. Вокруг ревели зрители, восхищаясь выступлением храмовых танцоров. И вдруг что-то изменилось. До меня неожиданно дошло: я прекрасно понимаю, что кричат люди на трибунах, о чём поёт предсмертную песнь этруск, что бормочет стоящему рядом рабу из храма Аписа египтянин, оказавшийся жрецом-шпионом фараона. Я вдруг увидел промахи выступающих танцоров, движения которых ранее казались мне безупречными. Это было удивительно.

– Почему ты замолчал, Гектор? Рассказывай дальше.

– О чём, господин? Ты спросил, я ответил.

– Ты знаешь, откуда к тебе пришло знание языков?

– Из напитка Минотавра, господин.

– Не понимаю. Поясни подробнее, как напиток может нести знания?

– В нём был растворён чудесный порошок, господин, связывающий умы тех, кто его принял, в единое целое. Мы выпили напиток Минотавра, и наши знания соединились.

– Невероятно! Ты хочешь сказать, что все рабы, хлебнувшие из фиала, получили знания и опыт друг друга?

– Я ничего не хочу говорить, господин. Но ты спрашиваешь, я отвечаю.

– Так отвечай!

– Спрашивай, господин.

– Выпив напиток Минотавра, ты слился душой с остальными? Узнал всё, что они знают?

– Нет, господин. Я был сам по себе, они сами по себе. Просто те знания, что были мне необходимы в тот момент, я черпал у них: языки, правила и приёмы тавромахии. Их разумы были закрытыми сундуками. Но если мне что-то понадобилось, чего я не знал сам, но у кого-то из них это было, сундук открывался, и я брал необходимое. Боюсь, храмовый танцор не почерпнул у нас ничего, зато мы вычерпали его знания до дна.

– Неужели вы все участвовали в тавромахии?

– Да, господин.

– И остались живы?!

– Нет, господин. Первым вышел и погиб египтянин, потом этруск и два краснокожих дикаря. Погибли быстро и бесслав-

но. Вокруг стали возмущаться, Минос неожиданно покинул ложу, и Минотавр выпустил на поле храмового танцора. Но тот тоже вскоре погиб: видимо, наши страхи и мысленные комментарии его действий отвлекали и, в конце концов, погубили беднягу.

– Почему так произошло? Ведь у вас у всех были необходимые знания.

– Минотавр объяснял это тем, господин, что знаний самих по себе недостаточно. Нужно уметь пользоваться ими. Глаза видят, ум принимает решение, но тело, мускулы, не успевают за умом. Бык действует умело, его тело и разум согласны между собой.

– Понимаю. Что было дальше?

– Минос разочаровался в Минотавре. Тот обещал мгновенно превратить его воинов в армию суперсолдат. Наш провал на поле тавромахии разозлил царя. Минотавр бросился к царице, подарил ей Ариадну и Икара, умоляя спасти его от царского гнева. Пасифае Икар понравился, (этот болван всегда нравился женщинам), и она упросила Миноса сохранить жизнь Минотавру. Скоро Икар стал личным телохранителем царицы, а Ариадна – её любимой рабыней.

– Где сейчас Минотавр?

– Я убил его, господин.

– Зачем?!

– Из зависти, господин.

– Объясни подробнее.

– Минотавр придумал новый способ письма.

– Стоп. Так новое секретное кносское письмо придумал Минотавр? Ты знаешь его?

– Да, господин. Я был первым, кого Минотавр обучил новому письму.

– В чём его секрет?

– Ранее на Крите, как и в Египте, писали иероглифами, господин. Писцы тратили полжизни на обучение. Конечно, Минотавр мог значительно ускорить этот процесс при помощи своего напитка. Собственно, под этим предлогом Пасифая и спасла Минотавра от гнева Миноса. Она передала в его ведение кносскую школу писцов. Однако Минотавр пошёл иным путём: он отказался от самой системы иероглифов, предложив

обозначать отдельными простыми знаками не слова целиком, а их простейшие части, звуки. Теперь писцу достаточно изучить менее сотни простых знаков, с помощью которых можно записать живую речь на любом языке.

– Мудро. Но и глупо. Сделав письмо столь простым, Минотавр открыл доступ к секретным знаниям любому. Мы в Египте не допустим подобной беспечности. Рассказывай дальше, Гектор.

– Минос вновь возвысил Минотавра, Икар проводил ночи в постели Пасифаи, а Ариадна причёсывала царицу по утрам, и только я оставался жалким, никому не нужным и неизвестным рабом, которым помыкал любой неуч из школы писцов. А, ведь, в Афинах моё имя всегда было окружено почётом и уважением. Я решил украсть знания Минотавра и занять его место.

Минотавр не оставлял своих опытов с напитком. Не знаю, чего он хотел добиться, но заниматься школой писцов у него не было ни желания, ни времени. По утрам он выдавал мне кувшин вина с уже растворённым в нём зельем, и я в сопровождении стражника нёс его в школу, где разливал по фиалам вновь прибывших со всех концов критской империи писцов, а затем выпивал свою долю и проводил сеанс обучения новому письму.

Однажды вновь прибывших писцов оказалось меньше, чем установил Минотавр. Накануне двое из них за кувшином вина поспорили о достоинствах какой-то местной красотки, спор перерос в драку, вмешалась стража, и оба дебошира загремели в царское подземелье. Я принял это за знак богов и припрятал их долю вина, а за обедом подал его Минотавру, предварительно выпив чашу сам. Но боги вновь посмеялись надо мной. Ведь Минотавр тоже получил доступ к моим тайнам, и мне пришлось свернуть ему шею, прежде чем он позвал стражу.

– Сделанного не вернёшь. Что ты успел узнать о Минотавре, Гектор? Кто он? Как попал на Крит, и почему о нём никто ничего не знает?

– У меня было мало времени, господин: я убил Минотавра почти сразу, как он выпил напиток. Знаю только, что он прибыл на Крит из какой-то далёкой страны, где нет рабов. А Минотавру нужно было на ком-то испытывать действие своего напитка. На себе он боялся. У Миноса много рабов, господин. Минотавр

обещал ему сильных, умелых воинов и мореходов, прося взамен только рабов для испытаний и тайну вокруг него и его работы.

– Но хоть знание, как приготовить напиток, ты успел получить?

– Нет, господин. Я неправильно задал вопрос. Я хотел знать, как приготовить напиток, и я узнал: где взять сосуд с порошком, где и какое вино, в каких пропорциях смешать. А вот как и из чего приготовить сам порошок...

– Ясно! Какие ещё знания ты успел вытянуть у Минотавра?

– Никаких, господин. Знания без практического применения быстро умирают. Наш ум хранит лишь то, что необходимо.

– Плохо. Как тебе удалось не только сохранить жизнь, но и занять место Минотавра?

– Я сразу бросился к Икару, и тот повёл меня в покои царицы. Я предложил Пасифае наслаждение, которого она до этого не испытывала, прося в качестве награды жизнь и должность Минотавра.

– Что же ты ей дал?

– Напиток Минотавра, господин.

– Не понимаю, объясни подробнее, Гектор.

– Я подмешал в напиток Минотавра возбуждающие травы и предложил его выпить Пасифае и Икару. Они провели очень насыщенную ночь, пока я трясся от страха под надзором личной стражи царицы на пороге её спальни. Всю ночь из-за двери доносились страстные крики и стоны. Каждый из них, и Пасифая, и Икар, знали, что и как делать, чтобы партнёр получил наивысшее наслаждение. Причём их чувства взаимно складывались и накладывались. Пасифая с Икаром не могли оторваться друг от друга, пока действие напитка не прекратилось. Царица наутро была в восторге, и я получил всё, что хотел, и даже стал советником Миноса. Минотавр был забыт, его имя нигде не упоминалось.

– Как же получилось, что Икар неожиданно утратил своё, столь завидное, положение и превратился в жалкого раба, причём своего собственного отца?

– Изнурительные ночные забавы не прошли бесследно. Мужские силы Икара таяли, не помогали и возбуждающие травы. И однажды, во время очередного перерыва в любовных

играх, царица впервые заглянула вглубь души Икара и неожиданно для себя выяснила, что этот болван по уши влюблён в её рабыню, Ариадну, и тратит столь необходимые Пасифае мужские силы на эту девчонку! Икар сохранил жизнь лишь благодаря моему заступничеству и вновь надел ошейник раба. Ариадне вырвали язык и отдали в храм Аписа. В ближайшие тавромахии она выйдет на поле.

– А теперь, Гектор, расскажи, почему ты решил бежать с Крита?

– После Икара, господин, царица стала сразу, в первую же ночь, проверять истинные чувства своих любовников. Пасифая не блещет ни телесными, ни иными достоинствами и, естественно, быстро разочаровалась в мужчинах. Царица пошла в храм Аписа, чтобы принести жертву и пожаловаться божеству на несправедливость мужчин. Там она увидела Аписа, белоснежного быка, недавно доставленного из Египта, дар фиванского храма кносскому. Пасифая была очарована мощью и красотой божества. Она вызвала меня и приказала найти способ, как ей стать возлюбленной Аписа. Мне пришлось сделать деревянную корову, обтянуть её настоящей шкурой и оборудовать внутри так, чтобы Пасифая не испытывала неудобств при контакте с божеством.

Но бык – не человек, и хоть Апис – божество, ему словами не объяснишь желание царицы. Пришлось вновь пустить в ход средство Минотавра. Но бык, повторяю, не человек, и теперь Пасифая лежит в постели в очень тяжёлом состоянии. Лучшие лекари бьются над сохранением её жизни. Минос пока не знает причину недуга царицы, но если она умрёт, лекарям придётся сказать ему правду. Если выживет, правда всё равно скоро выйдет наружу. К тому же на эту последнюю любовную схватку Пасифай с Аписом ушли остатки порошка Минотавра. Я больше не нужен царице.

– Значит, порошка Минотавра больше нет, и ты не знаешь, как и из чего его приготовить?

– Да, господин.

– Выходит, это знание утрачено?

– Возможно, нет, господин. Надо найти второго.

– О чём ты?

– Минотавр был не один, когда бежал из своей страны, господин. С ним был ещё один человек. Но дороги беглецов разо-

шлись где-то на полпути их странного корабля. Этот, второй, искал не рабов, а конкретного человека.

– Кого? Ты знаешь?

– Да, господин. Его зовут Александр из Македонии. Найди одного, господин, и, возможно, рядом окажется второй.

– Македония – это где?

– Не знаю, господин, никогда о ней не слышал.

– Ладно, от глаз и ушей Аписа ничего не ускользает. Гектор, ты немедленно забудешь Минотавра и всё, что с ним связано.

– Да, господин, я забуду Минотавра и всё с ним связанное.

– Ты хочешь возвратиться в Афины, потому что царь Эгей совсем плох, и Ариадна, единственная его прямая родственница, должна спешить, чтобы застать дядю живым. Ты понял?

– Да, господин, нам надо спешить в Афины.

– У тебя остались какие-нибудь вещи Минотавра?

– Кто такой Минотавр, господин?

– Не важно, забудь. Сейчас ты возьмёшь мой перстень и пойдёшь в храм Аписа. Отдашь перстень главному жрецу и скажешь, что владелец перстня просит выдать тебе Ариадну, бывшую рабыню Пасифаи. Понял?

– Да, господин.

– Получив Ариадну, ты пойдёшь в портовый квартал. Там тебя будут ждать Икар с вещами и капитан египетского корабля, прибывшего на Крит за партией кносского вина. Капитан спрячет вас в пустые пифосы*. Погрузка идёт уже третий день, и смотритель царских хранилищ перестал проверять каждый сосуд лично, доверив свою печать писцу, взимающему плату за хранение товаров. Этот писец постоянно делает крупные ставки во время игр с быками. Однако боги очень редко посылают бедняге удачу. Все купцы знают об этом и давно пользуются: за небольшую взятку писец занижает количество сданного на царские склады товара, что, естественно, уменьшает и арендную плату. Когда-нибудь писец попадётся, но пока он на месте и за небольшую мзду закрывает глаза на лишние пифосы. Сидеть в запечатанном пифосе, конечно, нелегко, но дорога в порт и погрузка на корабль не займут много времени.

* Пифос – большой глиняный яйцевидный сосуд высотой до 2 м, предназначенный для хранения зерна, воды, вина и пр. *Прим. авт.*

Утром в море вышел афинский корабль. Он будет плыть не спеша, потому что на его борту возвращается посланник царя Эгея с печальной вестью, что Пасифая отказалась вернуть Ариадну домой. Египетский корабль легко нагонит афинский. Дальнейшее – в руках богов. Ты всё понял, Гектор?

– Да, господин.

– Ступив на палубу афинского корабля, ты проснёшься, забудешь меня и наш разговор.

– Да, господин.

– И ещё, Гектор, скоро тебя и Икара будут искать повсюду, куда достигает рука Миноса. Советую вам сменить имя.

– Хорошо, господин, в Афинах я известен как Дедал, а Икара его мать всегда звала Тесеем.

4. ЛЖЕФИЛИПП

Миновав колоннаду портика*, лекарь подошёл к стоящему в центре двора алтарю Зевса-домохранителя. Уже неделю с затянутого серой пеленой неба моросит мелкий холодный дождь. Натянутая рабами над двором ткань давно промокла, провисла по центру и уже не могла удержать собравшуюся на ней воду, тонкой струйкой падавшую как раз на голову Зевса. Лекарь быстро пересёк границу шатра из брызг, плеснул на жертвенный камень из принесённой чаши и неторопливо направился ко входу в тронный зал, скользя разбухшими сандалиями по размокшей глине двора. Младший стражник откинул дверную занавесь, и лекарь под хмурыми взглядами расступившихся македонцев прошёл к троносу. Стоящее на львиных лапах кресло уже пустовало несколько дней. Следуя по грязной дорожке, натоптанной посетителями на мозаичном полу, лекарь обогнул тронос, откинул тяжёлую занавесь и вошёл в спальню.

– Вот и ты, наконец, Филипп. Долго же мне пришлось тебя ждать!

Лекарь молча подошёл к скрючившемуся под несколькими шерстяными накидками царю. Присев на край лежанки,

* Портик – выступающая вперёд часть здания, открытая на одну или три стороны и образуемая колоннами или арками, несущими перекрытие; чаще всего оформляет главный вход. *Прим. авт.*

Филипп осторожно коснулся пылающего отблесками огня в жаровне лба больного.

– Ты весь горишь, Александр. Я принёс лекарство, выпей эту чашу до дна, и тебе вскоре станет лучше.

– Видимо, боги персов решили остановить меня, поразив неизвестной болезнью. – Царь без колебаний выпил лекарство, с трудом удерживая тяжёлую чашу в дрожащих от слабости руках. – Оставьте нас! – Рабыня, следившая за жаровней, и гетера*, тихо перебиравшая струны арфы, молча встали и вышли. – Скажи, Филипп, что там, впереди: жизнь или смерть? – Ты не умрёшь, Александр. Я этого не допущу, – ответил лекарь, помогая царю лечь поудобнее. – У нас великая цель, на пути к которой ты достигнешь небывалой славы, превзойдя столь любимых тобою героев «Илиады».

– Кто ты, лекарь? – неожиданно жёстко спросил больной. – Не бойся, я не буду звать стражу. Ты не впервые приходишь ко мне. Я прекрасно помню все наши беседы, о которых мой друг Филипп не имеет ни малейшего понятия. Я не раз безуспешно пытался обсуждать с Филиппом данные тобой политические и военные советы. Он явно не понимал, о чём идёт речь. Все интересы моего друга относятся только к медицине и боям на палках.

Недавно до меня дошло: вас двое. Ты всегда появляешься в критические моменты моей жизни. Поэтому, заболев, я приказал не спускать с Филиппа глаз. Парменион составляет ему компанию, не отходит ни на шаг почти месяц. Филипп сейчас мертвецки пьян. Врачи не знают, чем я болен, и как меня лечить. Они трясутся от страха. В случае моей смерти их тут же казнят. Мой друг не исключение, и потому уже давно пытается заглушить страх вином.

У тебя внешность Филиппа, но ты трезв, принёс лекарство, а главное – уверен в себе, и тебя не гложет страх. Кто ты?

– Разве это важно, царь? – Лекарь поставил опустевшую чашу на стол и вновь спокойно сел рядом с больным, заботливо кутая его в накидку. – Да, я не Филипп, но ты сам признал, Александр, что многим мне обязан. Я тебе больше, чем друг,

* Гетера – образованная незамужняя женщина, ведущая свободный, независимый образ жизни. *Прим. авт.*

даже больше, чем отец. Без моей помощи ты был бы сейчас никому не известным мелким македонским царьком. Я создал тебя, пробудил твоё тщеславие, направлял развитие, обучил стратегии и тактике, дал цель. Великую цель!

Без моего лекарства ты умрёшь через несколько дней. Купание в холодных водах Кидны повредило почки, и сейчас твой организм отравляет сам себя. Я спас тебе жизнь. Кто сделал для тебя больше?

– Благодарю тебя за всё! У меня было время подумать и разобраться, кто я, и чем тебе обязан. Даже будучи юнцом, я понимал, кто на самом деле усмирил Буцефала* и заставил слушаться узды. Ты подарил мне тогда кинжал, помнишь?

– Это был подарок ко дню рождения.

– Но я родился в иной день, в шестой день гекатомбеона**. Неужели ты забыл? В тот день был сожжён храм Артемиды Эфесской. Об этом все знают.

– Конечно. Мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы предсказатели связали собой эти два события. Когда-нибудь расскажу тебе правду о Герострате***. Я имел в виду твоё рождение как личности, способной на поступок, достойный внесения в летописи. Разумеется, мне было не трудно заставить коня сбрасывать с себя всех седоков и подчиниться только тебе. Гораздо сложнее убедить юного упрямяца–царевича публично заявить свои претензии на исключительность. Признайся, Александр, ты ведь боялся тогда не столько ярости необъезженного жеребца, сколько позора провала после бахвальства перед лицом отца, его приближёнными и своими юными друзьями?

– А кто бы не боялся? – Царь завозился под накидками, пытаюсь занять наименее болезненную позу. – Буцефал сбросил с себя опытных наездников. Вспоминая всё позднее, я ло-

* Буцефал – любимый конь Александра Македонского. История гласит, что Александр в юном возрасте стал единственным человеком, которому покорился своенравный 11-летний конь. *Прим. авт.*

** Гекатомбеон – первый месяц аттического года; длился с 15 июля по 15 августа. *Прим. авт.*

*** Герострат – молодой житель Эфеса, который сжёг храм Артемиды в своём родном городе 21 июля 356 до н. э. для того, чтобы, как он сознался во время пытки, его имя помнили потомки. *Прим. авт.*

мал голову, как тебе удалось тогда вселить в меня уверенность в успехе, и почему Буцефал подо мной ни разу даже не взбрыкнул. А мой друг Филипп, когда я пытался обсудить с ним это, смотрел на меня с недоумением, явно не понимая, о чём речь, и за какой подарок я его благодарю. В конце концов, объяснение пришло само: великий Зевс, которого мать часто называла моим настоящим отцом, в облике Филиппа принял участие в судьбе своего сына. Ты подарил мне кинжал, и с той поры, как я понял, кто даритель, он всегда со мной. Даже когда сплю, твой подарок лежит у меня под подушкой.

– Что ж, Александр, можешь считать меня Зевсом, если хочешь. Только никогда не расставайся с кинжалом. Это не простой клинок, а своеобразный маяк, по которому я всегда найду тебя, где бы ты ни находился. Мир очень велик. Даже твой мудрейший учитель Аристотель вряд ли представляет, насколько он велик. Тебе самому вскоре предстоит в этом убедиться. Конечно, я найду тебя и без кинжала, но это займёт много времени. Я могу опоздать, когда тебе в следующий раз понадобится моя помощь.

– Я понял. Но ты не ответил, как мне обращаться к тебе? Скажи, какому богу мне приносить жертвы? Хочешь стать главным божеством моего царства?

– Зови, как и прежде, Филиппом. Эти имя и внешность меня устраивают. – Лекарь встал, подбросил в очаг пару поленьев. – Сейчас, Александр, мне безразлично, каким богам ты приносишь жертвы. Чем больше этих богов, тем лучше. Ты должен брать у покорённых народов не только золото и рабов, но и богов, обычаи, моды. Надо не отвергать чужое, навязывая повсюду своё, а впитывать, делать общим. Если ты будешь с уважением относиться к чужой культуре, стараться понять её и принять, бывшие враги вскоре станут твоими друзьями. Они постараются в свою очередь понять тебя и твою культуру. И, в конце концов, у вас будут общие боги, общие законы, общая культура, единое государство, а не сборище постоянно бунтующих провинций. Исчезнут многие поводы для ненависти, заговоров, интриг и мятежей. Твоя армия будет расти, а не дробиться на охранно-карательные отряды. Всё это значительно ускорит достижение нашей цели и увеличит твою славу.

У одного из народов, что тебе предстоит покорить, есть сказка.

«Два человека решили переселиться, вместе двинулись в путь и вскоре прибыли в чужую страну. Один из них рассудил так: сначала надо будет научиться говорить на языке здешних жителей. Так он и сделал. А второй был таким гордецом, что презирал язык простого народа и не пожелал учиться. Он говорил только на языке придворных и знати. А страной правили чужеземные захватчики.

Спустя несколько лет оба переселенца остановились в какой-то деревне, а тамошние жители вдруг восстали и перебили иноземных порабитителей. Переселенцы жили в разных домах. Восставшие схватили их и стали допрашивать порознь. Тот, что хорошо говорил на местном народном языке, дал ясный ответ, и его отпустили восвояси. А второй переселенец отвечал на языке ненавистных правителей, вот разгневанные жители и отрубили ему голову».

Армия персов по количеству воинов во много раз превосходит твою, Александр. Но состоит она из наёмников и разноплеменных отрядов. Как и их держава, сшитая из отдельных лоскутков покорённых народов, ненавидящих порабитителей. Именно эта ненависть к власти является залогом твоего успеха в войне. Единственный серьёзный противник, противостоящий тебе, – греческие наёмники под командованием родосца Мемнона. Эти будут воевать всерьёз. Попытайся склонить их на свою сторону.

– Ни за что! Коринфский конгресс запрещает грекам и македонянам служить в персидской армии. Никаких договоров с предателями!

– Тогда постарайся как можно скорее убрать Мемнона. Он очень умён и талантлив как полководец. Впрочем, дела мы подробно обсудим, когда ты встанешь на ноги, оправившись от болезни.

– Я сделаю, как ты советуешь, Филипп. – Принятое лекарство, наконец, остудило вспухшие болью почки, и Александр с облегчением, впервые за несколько дней, распрямылся и лёг на спину. – Все твои предсказания всегда сбываются. Чтобы облегчить наши встречи, я сниму слежку с настоящего Филиппа и ещё больше приближу его к себе.

– Вот эта склянка с порошком поможет тебе скорее встать на ноги и возвысить твоего друга. Пусть Филипп разделит по-

рошок на восемь частей. Ты будешь пить его растворённым в тёплой воде или свежевыжатом соке три раза в день. Сегодняшнюю первую порцию ты уже выпил из моих рук. Месяц не будешь есть кислую, солёную или острую пищу. Никакого вина, никаких женщин, только полный покой. Месяц потерпишь, здоровье вернётся к тебе, и твой друг станет спасителем царя.

– Ты же знаешь, Филипп, я никогда не был привередлив в еде и не являюсь любителем вина или женщин.

– Неужели? Вспомни Фаселиду*, где ты, пьяный, в сопровождении весёлой компании шлёлся по улицам, пугая жителей. – Да, я был весел, но вовсе не пьян! И потом: разве не ты провозгласил тогда тост в память о Теодекте**, а затем предложил пойти и возложить венки к подножию его памятника? Впрочем, ты никогда не учил меня развлечениям. Так то был настоящий Филипп? Как же мне различать вас?

– Сегодня, Александр, благодаря моему лекарству, ты родился ещё раз. Прими ко дню рождения подарок, столь же важный, как и предыдущий. Носи этот перстень, не снимая. Когда рядом с тобой буду я, камень сменит цвет и станет таким, как сейчас.

– Стой, Филипп, нам необходимо поговорить.

– Парменион? Что случилось?

– Вообще-то мы оба знаем, что настоящие Парменион и Филипп сейчас отсыпаются после многодневной пьянки по случаю выздоровления царя. Не спешите убежать, профессор, я хочу только поговорить.

– Хроник или безопасность?

– Или. Агент спецгруппы хронобезопасности Константин Шеев. А Вас как называть?

– Филипп, конечно.

– К чему эти игры в таинственность, профессор? Я не Александр.

– Не тяните время, агент, это вам ничего не даст. Проследить мой хронолуч можно только до стен института, далее ваша

* Фаселида – город в Ликии. *Прим. авт.*

** Теодект – ученик Исократы и Платона, родом из Фаселиды, оратор и трагический поэт. *Прим. авт.*

аппаратура бессильна. Вы назвали меня профессором. А вдруг я студент–практикант или лаборантка?

– Действительно, не будем тянуть время и играть в кошки–мышки. Я буду с Вами откровенен, надеясь на взаимность. Нам известно, что Вы один из двух профессоров института, тайно разработавших технологию перемещения живых организмов во времени, грубо говоря, создавших действующую «машину времени». Лично мне всё равно, кто Вы: Алексей Тимошкин или Всеслав Логвинов. Меня интересует технология.

– Вот как? А наши с коллегой цели службу безопасности уже не интересуют, агент Шеев?

– Интересуют, конечно. Но лично меня сейчас больше волнует ваше открытие. Я действую в данный момент скорее как частное лицо, а не служебное.

– Ясно. Вы знаете, кто мы, но ловите Дублёров. Значит, мы уже ушли в прошлое и вам недоступны. Как служба вышла на меня?

– Через Вашего напарника.

– Печально. Вы нашли моего коллегу, узнали у него, где искать меня, но это, видимо, единственное, что вы знаете. Раз службе неизвестно даже кто из нас, как говорить, ху, моего напарника ожидает незавидная участь. Вы постарались или...?

– Или.

– Не важно. Возможно, Вы говорите правду. Однако не советую мешать мне. Если служба попытается нарушить мои планы, я достану вас везде.

– К чему эти угрозы, профессор? Вы любите сказки. Я тоже могу рассказать одну.

«Как-то раз оленю захотелось пить, и он подошёл к роднику. А родник тот был в глубокой яме. Напился олень воды, хотел было выбраться из ямы и не смог. Поблизости стояла лиса.

– Э, брат! – сказала она оленю. – Неладно ты поступил! Прежде чем прыгать в яму, надо тебе было узнать – можно ли из неё выбраться!»

Ваш коллега не смог выбраться из ямы Критского Лабиринта. Вы объявляете войну нашему миру, а не службе. Почему? Ваше открытие...

– Моё открытие уйдёт вместе со мной. Как в сказке:

«Как-то раз один человек сказал другому:

– Ты отправляешься в дальнюю дорогу. Подари-ка ты мне своё кольцо, а я буду носить его, не снимая с пальца. Погляжу на кольцо и сразу о тебе вспомню!

– Если ты хочешь меня помнить, – отозвался другой, – смотри на свой палец. Как посмотришь, сразу вспомнишь, что, дескать, просил у такого-то человека кольцо, а он не дал».

Забудьте о моём открытии и обо мне, если хотите дожить оставшееся вашему миру время спокойно. Задумайтесь над собственной сказкой, прежде чем встать у меня на пути. Это я Вам как частному лицу говорю. Но можете передать мои слова и своему начальству, если хотите.

5. ОЛЬГА

– Кто позволил тебе вступить с ним в прямой контакт? Вновь возомнил себя диким хроником? Ты не от себя работаешь, агент Шеев. Да ещё выложил этому маньяку все наши карты! Сказочник! Тимур, а ты-то куда смотрел? Почему не помешал?

– Успокойся, Афина, пока ничего страшного не случилось. А ты, Костя, действительно, отмочил! Зачем полез на рожон? Мы же договорились: пока только наблюдаем за Лжефилиппом, выясняем его планы. Нельзя же не зная броду...

– Какие планы, Тимур? Что выяснять? Он уже действует, меняет прошлое. Вы что, не поняли? Афина, Александр должен был умереть от острого воспаления почек в этой чёртовой Киликии почти в самом начале своего похода. Лжефилипп уже изменил историю нашего мира!

И не ругай Тимура: даже прерви он мой контакт с Лжефилиппом, тот всё равно понял бы, кто я, и сделал соответствующие выводы. Нам необходима технология «живого» путешествия во времени. Почему бы не попытаться договориться полюбовно?

– Потому что с террористами не договариваются! Если бы профессора хотели с нами поделиться своими открытиями, они не сбежали бы в прошлое. Или, по крайней мере, не уничтожили бы все свои научные дневники и записи. Ты знаешь наши правила, Константин. Лжефилипп далеко не подросток-хроник, решивший немного пошалить в прошлом. Он действует об-

думанно, решительно реализуя свой план, о котором мы до сих пор ничего конкретно не знаем. Что мне теперь докладывать начальству? У нас нет ни времени, ни возможности отследить всю жизнь Александра, день за днём, чтобы засечь все его встречи с Лжефилиппом, выяснить их планы и цели и принять соответствующие меры. Заметь: теперь нет. После твоего необдуманного поступка. Я даже не хочу думать, какое решение примет начальство в отношении твоей дальнейшей судьбы, а может, и всей нашей группы.

– Не всё так трагично, Афина. Конечно, Костя поступил глупо, но, как ты сама сказала, Лжефилипп действует обдуманно, а потому наверняка изначально учитывает возможность нашего вмешательства. Согласен, сейчас контакт был преждевременен, но он всё равно необходим. Вот только, зачем было спешить, Костя?

– Мне очень нужна эта технология. Просто позарез! Когда цель близка, и кажется, протяни руку, и приз твой, но время идёт, и только кончики твоих пальцев едва касаются вождя, разум отступает, и тело из последних сил делает рывок вперёд...

Прости, Афина, я виноват, не смог удержаться. Мне казалось тогда (хоть сейчас я понимаю, что это был самообман), если прямо поговорить с Лжефилиппом... Если он ушёл в прошлое, почему не подарить эту возможность другим? Откуда мне было знать о его ненависти к нашему миру? Не знаю, что явилось причиной того, что Лжефилипп пытается изменить судьбу. Я тоже пытался, но у меня ничего не вышло. Я расскажу вам...

Её звали Оля. Ольга Петрова. Все школьные годы, с первого дня, Ольга царствовала в нашем классе. Только я почему-то избегал общения с нею, презрительно кривился в её сторону, постоянно демонстрировал враждебность. Никто, и я сам в первую очередь, не мог объяснить причины моей неприязни.

Наш класс почти в полном составе каждый год собирался у неё дома. В день её рождения. Делились радостями, обсуждали проблемы.

Это была пятая встреча после окончания школы. И первая для меня. После пяти лет разлуки. Собрались только бывшие одноклассники: жены, мужья и дети допускались всегда только в виде фотографий. На Ольгиных родителей данное правило,

естественно, не распространялось. Отец встречал гостей, а мать сновала меж кухней и гостиной, меняя тарелки с бутербродами, разнося вазочки с фруктами и пирожными, разливая по чашечкам чай, кофе или компоты собственного изготовления. Так уж сложилось и стало традицией.

Зачем я пошёл туда? Не знаю. Ольга всегда присылала мне приглашение. Я регулярно и демонстративно на виду у всего класса рвал эти раскрашенные, написанные по старинке от руки кусочки картона. И, конечно, не ходил. Первое, после окончания школы, приглашение я воспринял как издевательство и порвал перед зеркалом – других зрителей не было, а традиции надо соблюдать. Из-за второго поссорился с женой. Третье и четвёртое постигла обычная судьба. А пятое почему-то ждал. Буквально считал дни. Не мог понять, что со мной, весь издёргался. И вот, когда раздражённая беспричинной ссорой со мной жена с ядовитым комментарием хотела разорвать вынутую из почтового конверта открытку, я неожиданно вырвал у неё из рук этот кусочек прошлого, осознав, наконец, причину своего томления. Читая давно знакомые строки, написанные всё тем же по-детски округлым почерком, я сразу успокоился. Как заблудившийся, перед которым появился знакомый ориентир.

И вот я у неё дома. Впервые. Sensация! Все ребята и девочки просто обалдели. А она ничуть не удивилась: «Я знала, что когда-нибудь ты обязательно придёшь. Сегодня мы будем неразлучны. Этот день – наш».

И этот день действительно был наш. Мы почти не общались с другими. Сначала окружающие ждали от меня какой-нибудь гадости. Ребята держались поблизости, чтобы сразу вмешаться в случае чего и защитить свою королеву. Вот только королева была уже не их, и тревога Ольгиных родителей приобрела иной оттенок. Окружающее веселье стало принимать несколько натушный характер. Шутки в наш с Ольгой адрес становились всё ядовитее, а остроты – двусмысленнее. Наконец, ближайшая подруга Ольги громко прочла стихи Эдуарда Асадова, русского поэта середины двадцатого века. Там были такие строки:

«Ей было двенадцать, тринадцать ему.

Им бы дружить всегда.

Но люди понять не могли, почему

Такая у них вражда?!

Ей было пятнадцать, шестнадцать ему,
Но он не менялся никак,
И все уже знали давно, почему
Он ей не сосед, а враг.

А если праздник приходит в дом,
Она нет-нет и шепнёт за столом:
– Ах, как это славно, право, что он
К нам в гости не приглашён!»

И вот, однажды, она видит, как он провожает домой дру-
гую.

«Всё ясно, всё ясно! Так вот ты какой?
Значит, встречаешься с ней?!
С какой-то фитиолькой, пустой, дрянной!
Не смей! Ты слышишь? Не смей!

Даже не спрашивай почему! –
Сердито шагнула ближе
И вдруг, заплакав, прижалась к нему:
– Мой! Не отдам, не отдам никому!
Как я тебя ненавижу!»

Вокруг засмеялись, а Ольга обняла меня и поцеловала.
– Да, мой, не отдам никому.
И все замолчали.
– Оля, что ты делаешь? – Кинулась к нам её мать.
– Люблю. Всю жизнь люблю. Ты же знаешь, мама.
– Костя, у Вас же семья, дочь...
– Я тоже люблю, не мешайте нам, пожалуйста.

И мы ушли. Была чудная ночь. А потом наступило утро.
Жена уже всё знала. Всегда находятся «добрые люди». Они из-
бавили меня от объяснений. Лгать я не собирался. В то время
я был убеждён, что нельзя жертвовать счастьем ради «сохране-
ния семьи».

Как оказалось, у Ольги был свой вариант. Она покончила
с собой почти сразу, как я ушёл. В прощальном письме Ольга

объясняла свой уход тем, что счастье не может быть вечным. В дальнейшем нас ждёт только постепенное его убивание. Тайные встречи? Отпадают, да и какая уж теперь тайна? Ворованное счастье недолговечно. Развод, склоки с бывшей женой? А моя дочь? Встречи с ней по расписанию, постепенно переходящие из минут горькой радости в обязанность и отчуждение. Совместный быт, наконец, о который разбилось немало семейных лодок.

Она знала мои планы. Я уходил «за вещами», чтобы, вернувшись, никогда больше с ней не расставаться. Ольга не стала со мной спорить. Она решила уйти из жизни счастливой. Это был её выбор, я же должен был сделать свой сам.

Жена и друзья покинули меня. Я остался один. Далее был жуткий период в моей жизни, о котором не хочется вспоминать. Он закончился, когда жена неожиданно вернулась ко мне и заставила пойти к врачу. Тогда-то и выяснилось, что кто-то в детстве с помощью гипноза сделал мне соответствующую установку в отношении Ольги!

Вот тогда я и стал хроником. Решил найти этого неизвестного «доброжелателя» или мстителя и спасти наше с Ольгой счастье.

Как вы знаете, нельзя нырнуть в прошлое ближе, чем на сто лет. Именно тогда стали внедрять технологию дублёров, и, чтобы оградить личную жизнь граждан от неуместного любопытства посторонних, было принято решение добавлять в строительные материалы и ткани одежды специальные добавки, разрушающие поля дублёров. Я искал моменты в собственной жизни, когда бы мой дублёр смог приблизиться ко мне и передать сообщение. Хотел изменить собственную жизнь, обмануть судьбу. Мне это не удалось. Зато удалось кому-то другому. Пока я не знаю, кто он, и как до меня добрался. Пока. Сейчас у меня появилась надежда.

– Костенька, мне жаль, но твоя надежда призрачна. Лжефилипп ясно дал понять, что делиться технологией не собирается. Сделанного не вернёшь. Сейчас по крайней мере. Я постараюсь отстоять тебя перед начальством. Обещай только, что авантюры больше не будет.

– Спасибо, Афина, и не сомневайся: моя жизнь зависит от результатов нашей работы.

– Не только твоя. Мы все висим на волоске. Ладно, я иду докладывать, а вы думайте, как найти Лжефилиппа.

– Подожди, Афина, у меня появилась идея. Костя был свидетелем, как Лжефилипп подарил Александру перстень-индикатор своего присутствия. Что если нам подменить этот перстень своим, оборудованным передатчиком? Как только Лжефилипп приблизится к Александру, камень перстня изменит цвет, а нам придёт сигнал о контакте интересующих нас объектов.

– Мысль интересная, Тимур. Но вряд ли удастся вмонтировать в перстень достаточно мощный передатчик.

– И не надо! Год смерти Александра известен. Установим приёмник – ретранслятор где-нибудь чуть позже этой известной даты и будем отслеживать только его сигналы. Нам даже не нужно заниматься этим самим. Пусть поручат наблюдение за ретранслятором хоть практикантам. Мощность передатчика ретранслятора габаритами не лимитирована. Ретранслятор передаст лишь дату и время появления Лжефилиппа у Александра. Для тех, кто будет отслеживать или перехватит сигнал, эти данные ничего не значат, так что необходимая секретность будет соблюдена.

– Богатая идея! Молодец, Тимур! Ладно, мальчики, я – к начальству, а вы займитесь подготовкой необходимого оборудования.

6. АЛЕКСАНДР

– Здравствуйте, профессор!

– Это Вы, агент Шеев?

– Конечно, я. Вряд ли Парменион обратился бы к Вам по-русски. Что – не можете проникнуть к Александру?

– Ваши штучки?

– Разумеется! Вы объявили войну нашему миру, так что не обижайтесь. Ваш Дублёр к Александру больше не приблизится.

– Как вам это удалось?

– Элементарно! Мы позволили Александру захватить вместе с сокровищами Дария некий предмет, разрушающий поля дублёров. Мы знали, что этот предмет понравится македонцу. Так и произошло. С тех пор царь с ним не расстаётся. Что это за предмет, я Вам, разумеется, не скажу. Если, конечно, Вы не передумаете и не откроете мне свой секрет. Древняя формула: ты мне, я тебе!

– Ты пожалеешь, мальчишка, что встал у меня на пути! – прошипел Лжефилипп и исчез.

– Похоже, мы его здорово разозлили! – встревожено сказала Афина Павлова, глава спецгруппы службы хронобезопасности Земли. – Каков, интересно, теперь будет его ответный ход?

– Тут всего два варианта, – спокойно ответил Тимур Боев. – Профессор либо откроет нам способ перемещения людей во времени, либо вынужден будет сам явиться к царю Александру, лично! Первый вариант маловероятен, так что нам нужно не упустить момент второго. Датчик в перстне царя нам теперь не поможет, так как он настроен на определение поля дублёра, а не конкретного человека. Что будем делать?

– Будем думать... – угрюмо пробурчал Костя Шеев.

Агент Боев без стука ворвался в кабинет Павловой.

– Афина, сработал датчик в перстне царя Александра! Лжефилипп вновь в игре!

– Как это возможно, Тимур? – откидываясь на спинку кресла, удивлённо спросила Павлова. – Ведь ни один дублёр не может приблизиться к царю! Садись, рассказывай: что произошло?

– Александр неожиданно для всех решил двинуться в поход на Индию. Он заявил, что войско из-за огромной добычи стало малоподвижным, а потому приказал погрузить захваченное имущество на повозки и сжечь! Заметь, Афина – не отправить под охраной в Вавилон или Грецию, а именно сжечь! Македонцы, конечно, роптали, но не осмелились открыто возражать царю. Видимо, в том огне сгорел и наш прибор, разрушающий поля дублёров.

– Как профессор смог это организовать?!

– Мы упустили одну возможность. Последнее время Александр получал много писем...

– Вот и Вы, агент? Я Вас ждал!

– Ждали, профессор? Зачем?

– Прежде скажите: Вы – тот самый Константин Шеев или кто-то другой?

– Я – его напарник. Можете называть меня Тимуром.

– Жаль! Что ж, тогда Вы, Тимур, передайте своему наглому другу, что я уже отомстил ему за все те неприятности, что вы мне доставили.

– Отомстили? Каким образом?

– Тем самым, которого он так жаждал. Я посетил вашего друга, когда он был ещё маленьким мальчиком и вложил бомбу в его разум. Ха-ха-ха!

– Так это были Вы?!

– А-а! Вижу, Вам уже известны последствия моей мести. Значит, она удалась!

– Вы – негодяй, профессор!

– Но-но! Выбирайте выражения, агент. А то, ведь, я могу посетить и Вас в пору вашего беззаботного детства. Не забывайте: это вы встали у меня на пути! Вы вымогаете у меня моё изобретение. Да-да! Вымогаете! Я не обязан вам его дарить. Ваш друг сам в прошлый раз предложил формулу наших отношений: ты – мне, я – тебе! Так что всё честно: он мне неприятности, я – ему.

– Хорошо, профессор, оставим взаимные упрёки. Зачем Вы меня ждали?

– Я ждал не Вас. Но раз уж пришли Вы, то запомните сами и передайте всем остальным: уйдите с моего пути, если не хотите получить что-нибудь вроде моего «подарка» агенту Шееву. Не мешайте мне!

– Скажите, хотя бы, чего Вы добиваетесь?

– Александр Македонский выполнит до конца ту задачу, что я ему поставил. Он объединит все разрозненные, постоянно воюющие между собой царства и народы в одно государство, в единый народ. Только тогда наша Земля сможет избежать саморазрушения, расовых и религиозных войн, губительных атомных бомбардировок...

– Вы безумны, профессор!

– Прощайте, агент. Надеюсь, мы больше никогда не встретимся.

– Итак, мальчики, начальство срочно требует наш отчёт по делу Лжефилиппа. Расскажите мне кратко о произошедших за последнее время событиях. Как у нас обстоят дела в настоящий момент?

– Пашем, как трактор! Попеременно дежури́м с Тимуром,

следа за датчиками и контролируя ситуацию вокруг Александра. Вот и все наши дела, Афина, если вкратце. Так и доложи!

– Ну, не надо, Константин, понимать меня столь буквально. Если я представлю подобный отчёт, начальство меня не поймёт. Поподробнее, пожалуйста!

– А если подробнее, то мы, конечно же, вновь нашли возможность подкинуть царю вместе с трофеями наши разрушители полей Дублёров. Пришлось создать целую сеть нашей агентуры в окружении царя. Мы подменили с помощью подкупленных служанок любимые вещи Александра, с которыми тот никогда не расстанется: кинжал-маяк и перстень-индикатор, подаренные Лжефилиппом, а также свиток «Илиады» Гомера. Наш человек контролирует всю переписку царя, и мы перехватили и уничтожили уже несколько посланий-инструкций профессора. Мы, конечно, могли бы и сами влиять на действия Александра, подменив письма Лжефилиппа своими. Но перед нами пока никто не ставил такой задачи.

– И не поставит! – решительно сказала Афина. – Наша цель, Костя, – пресечь влияние Лжефилиппа на царя. Пусть история идёт своим ходом. Задача максимум – захват самого профессора или, по крайней мере, получение от него секрета перемещения людей во времени. Что ещё я могу доложить начальству?

– Вроде, пока всё. – Пожал плечами Костя Шеев.

– Что-нибудь добавишь, Тимур? – Повернулась Павлова к Боеву.

– Да. Лишившись направляющей руки Лжефилиппа, Александр стал быстро меняться и совершать ошибки. Обычно, покоров какой-нибудь город или государство, он воздавал должное мужеству или предательству его властителей и жителей. Например, как вы помните, захватив гарем Дария, Александр сам не тронул и другим не позволил даже пальцем прикоснуться к матери, жене и двум дочерям персидского царя, причинить им хоть малейшую обиду. А ведь эти женщины славились своей красотой на всю Азию! Более того, Александр приказал воздавать семье Дария те же почести, которыми она пользовалась ранее, оставил ей всех её слуг и даже увеличил средства на её содержание!

Тимур вскочил на ноги и стал взволнованно ходить по каби-

нету Афины, порывисто взмахивая правой рукой, как бы отмечая этим знаки препинания и ударения в произносимых им фразах.

– Далее. Когда разбитого в решающем бою царя Дария предал и убил собственный приближённый, Александр нашёл и казнил предателя, а Дарию воздал царские почести. Подобным же образом Александр поступал и в дальнейшем. В том числе и в первых боях за Индию.

– Всё это мы знаем, Тимур. – Посмотрела на часы Афина. – Я уже опаздываю «на ковёр». Нельзя ли по конкретнее?

– Подробности важны, Афина. Я хочу, чтобы ты ясно поняла всю свершившуюся с Александром метаморфозу и донесла её до начальства.

– Ну, хорошо. Продолжай.

– После того как мы окончательно лишили царя присмотра и советов Лжефилиппа, он стал груб с друзьями и раздражителен. Более того, царь стал совершать поступки, не достойные...даже позорные для него.

Пример. Один индийский отряд особенно упорно сопротивлялся войску Александра. Во время ожесточённой осады одного из городов, унёсшей особенно много жизней македонцев, Александр, наконец, заключил с этим отрядом мир, пообещав доблестным защитникам Индии жизнь и свободу. Но когда сложившие оружие индийские воины вышли из сданного города, царь приказал напасть на них и перебить всех до единого.

В то время многими индийскими царствами правили иноземные захватчики, поэтому войско Александра поначалу не испытывало особого сопротивления и даже находило союзников и помощников среди местного населения. После предательского истребления индийских патриотов, которого никогда бы не допустил Лжефилипп, вся Индия ополчилась против Александра. Встречая всё более жёсткое и упорное сопротивление, армия начала роптать. Воины решительно отказались переправляться через реку Ганг и идти вглубь Индии. Они уже вновь достаточно награбили добра и хотели вернуться с добычей домой. Самого-то Александра ждали по возвращении слава и дворцы, набитые сокровищами покорённых государств. А что было впереди у его воинов, кроме смерти, увечий и нищеты, если царь опять прикажет сжечь замедляющие ход армии повозки с трофеями?

Александр оказался в сложном положении. Армия и даже ближайšie друзья-македонцы не понимали замыслов царя и его целей. Идти вперёд с такой армией он не мог. Возвратиться назад – значит признать своё поражение и отказаться от великой цели завоевания всего мира и объединение его в единую державу. Царь не знал, на что решиться, а Лжефилиппа с его советами мы от него отсекли.

Кроме того, перед царём в полный рост встала ещё одна серьёзная проблема. Как мог Александр превратить свою огромную лоскутную империю в мощное государство, а населяющие её народы в единую нацию, если он не смог сплотить в монолит даже свою армию, по-прежнему состоящую из отдельных отрядов покорённых царств? Македонцы упорно не желали признавать других воинов себе ровней, держались надменно и высокомерно. Судьба Дария замаячила перед мысленным взором Александра.

А тут ещё вдобавок ко всему неожиданно умер Буцефал, любимый конь царя.

Александр сначала разозлился, а потом затосковал. Он закрылся в своей палатке и никого не хотел видеть. Ближайшие его друзья сутками стояли у входа в палатку и уговаривали царя прекратить поход и вернуться на родину. А Лжефилипп так и не появился! Александр приказал изготовить несколько алтарей, принести на них жертвы и вознести молитвы. Он надеялся, что теперь-то его главный наставник услышит зов своего ученика и явится на помощь. Но, разумеется, и эти меры не помогли. Тогда царь приказал привести к нему местных мудрецов. Но что те могли посоветовать захватчику их родины? Наконец, один из этих мудрецов, Сфин, которого греки позднее прозвали Каланом за то, что тот приветствовал всех по-индийски словом «кале», публично дал царю наглядный совет. Он бросил перед Александром на землю хорошо высохшую и затвердевшую шкуру какого-то животного. Обходя вокруг шкуры, Калан наступал на её край, и вся она тут же приподнималась. Когда же мудрец наступил на центр шкуры, та осталась лежать неподвижно. Тем самым Калан наглядно продемонстрировал Александру простую истину: пока царь находится на окраинах своей империи, та неустойчива и подвержена всяческому колебаниям. Государство спокойно, когда его владыка находится в его середине. Ра-

зумеется, воинов такой совет устраивал полностью. Он давал им ещё один важнейший аргумент для прекращения похода и возвращения назад.

Александр сломался, но не смирился. Он решительно отказался возвращаться назад по собственным следам. Царь предложил построить множество плотов и гребных судов, спуститься на них по рекам Индии к Океану и вернуться на родину морем. Армия согласилась с решением царя, тем более, что плыть куда удобнее, чем топать пешком. И вскоре огромная флотилия отправилась в плавание.

Сознавая, что он всё равно отступает, Александр упорно создавал иллюзию наступления. С горсткой своих личных телохранителей царь постоянно ходил с корабля и нападал на встречные города и поселения. В одной из таких стычек Александр едва не погиб. Его телохранители погибли в неравном бою, а тяжело раненого царя в последнюю минуту спасли подоспевшие македонцы. Жизнь Александра висела на волоске. Он ждал Лжефилиппа, но тот и теперь не появился.

Александр не был сказочным богатырём. Но он с раннего детства закалял свой организм, был крайне воздержан в пище и практически не пил вина. Царь говорил всем, что его воспитатель однажды дал ему лучших поваров: для завтрака – ночной переход, а для обеда – скудный завтрак. Молодой, закалённый в походах организм царя справился с тяжёлыми ранами, но вот дух его был основательно подорван.

Из-за постоянных попыток царя превратить отступление в наступление, его тяжёлых ранений и лечения, армия плыла к Океану семь долгих месяцев. Но и там Александр не пожелал просто так вернуться назад. Отправив часть войска под управлением своего друга Неарха с добычей на кораблях морем, сам он повёл армию по суше, по-прежнему желая даже отступая покорять новые царства и народы. Но земли эти оказались пустынными и безводными. Грабить тут было некого и нечего. Голод, болезни, жара и жажда погубили множество воинов Александра. Когда царь, наконец, добрался до границ своей империи, с ним осталась едва лишь четверть его армии. Это окончательно сломило Александра. Он впервые по-настоящему зашил. И остановить в этом непрерывном, многодневном запове царя было некому.

Во всех концах огромной империи Александра Македонского скоро узнали о его тяжёлых ранениях и непрерывных кутежах, об огромных потерях в армии. Полководцы и сатрапы, посаженные царём на покорённые престолы, стали вести себя, как самовластные властители. Повсюду начали вспыхивать мятежи, и Александру пришлось подавлять их. С таким трудом созданная империя начала разваливаться, рассыпаться на автономные куски.

Александр жестоко карал изменников, щедро раздавал награды верным, закатывал пиры. Царь женился на дочери Дария Статире и ближайших друзей-македонян женил на самых красивых девушках Персии, не смотря на то, что он сам и его друзья уже были женаты. А ведь у греков не принято многожёнство! Это была последняя наивная попытка удержать расползающиеся земли и народы. Предсмертная судорога прежнего Александра. Величайший в истории Земли полководец быстро и окончательно перерождался в обыкновенного восточного деспота: самовлюблённого, не терпящего возражений злобного тирана. Он стал подозрителен и суеверен без меры.

Александр отдалил от себя македонцев, не желавших отказываться от греческих обычаев. Его окружают теперь только персы. Царь требует, чтобы подчинённые и посетители падали перед ним ниц. И друзьям, и врагам Александру внушает отныне только одно чувство – страх. Царю повсюду мерещатся заговоры и покушения, и он сам живёт в постоянном страхе, который топит в вине и разврате.

Приведу тебе, Афина, пример одного из нынешних «великих деяний» Александра Македонского. На одном из пиров царь объявил состязание на умение пить. Больше всех выпил Промех и получил из рук Александра венок, ценою в талант. Через три дня мучений победитель скончался. Как и ещё сорок человек, не вынесших последствий попойки. Вот в каких «сражениях» гибнут отныне окружающие величайшего полководца люди!

– Что такое «талант»? – хмуро спросила Афина Павлова.

– Один талант в те времена равнялся почти двадцати шести килограммам золота.

– Ого! – присвистнул Костя Шеев.

– Подобный образ жизни доконал и Гефестиона, давнего любовника Александра. – продолжил Тимур. – Он заболел и умер.

Александр распял врача и, чтобы развеять горе, напал на племя коссеев и перебил всех, способных носить оружие. Это зверство собутельники царя назвали заупокойной жертвой в честь Гефестиона. Вот тебе ещё один «подвиг» Великого и Непобедимого!

– Хватит примеров, Тимур! – Не выдержала Афина. – Я уже поняла всю меру перерождения Александра. Каково положение дел сейчас?

– Военные раны и непрерывные попойки подорвали железное здоровье царя. На последнем пиру ему стало плохо. Почти две недели он в сильном жару и мучениях лежит в постели. Несколько врачей уже распято.

– А что с Лжефилиппом?

– Пока не появлялся. Теперь, когда охрана Александра полностью состоит из персов, нам не составило труда внедрить в неё своих людей. Одних мы подкупили, другим явились в виде богов или их посланцев. Мы показали этим людям портреты обоих профессоров-беглецов. Ведь дублёры к царю по-прежнему приблизиться не смогут, и Лжефилиппу придётся явиться к Александру лично. Если, конечно, он вновь попытается его спасти от неминуемой смерти!

Опознав профессора, наши агенты немедленно подадут нам сигнал. Кроме того, мы с их помощью для надёжности напичкали спальню Александра видеокамерами и сейчас непрерывно отслеживаем всё, что там происходит. Когда и если Лжефилипп появится рядом с Александром, мы его уже не упустим. Человек – не дублёр, исчезнуть не сможет!

– Ну что ж, мальчишки, молодцы! Спасибо за подробный доклад, Тимур. Думаю, мне теперь есть, что доложить начальству.

7. ХИЛЕР

Царь резко оттолкнул руку рабыни, попытавшей стереть салфеткой крупные капли пота с его багрового отёкшего лица и скривился от боли.

– Кто эти люди, Неарх? – Ткнул он зажатым в руке кубком в сторону абсолютно голых фигур, распростёртых ниц у дверей его спальни. – Зачем ты привёл их ко мне?

– Один из них – великий лекарь. Второй – великий мудрец и знаток многих языков. Я подобрал их в море, когда по твоему

приказу, Александр, вёл домой наши корабли с добычей из Индии. Уже тогда мудрец просил меня представить его тебе, когда мы доберёмся до Персии. Но ты в то время был очень занят.

Александр залпом осушил кубок и бросил его виночерпию. Тот с ловкостью обезьяны поймал серебряный сосуд и мгновенно наполнил его неразбавленным вином* из бурдюка. – Почему они голые?

Царь, кряхтя и ругаясь, ворочался в мягких подушках на огромном ложе, пытаясь найти позу, причиняющую меньше страданий.

– Таков приказ начальника твоей охраны, Александр. Голому негде спрятать оружие, а содержимое котомок лекаря и мудреца мы проверили.

Царь, наконец, угнезвился и вновь протянул руку за кубком.

– Охрана! – презрительно скривился он, позволяя рабыне утереть с его лица пот. – А снадобья лекаря они тоже проверили? Вдруг это – яд?

– Я знаю этих людей более года...

– И что?! – взревел царь. – Вспомни Пармениона! Он был другом моего отца, моим ближайшим сподвижником в походе на Азию. Двое его сыновей погибли у нас на глазах в войне с Дарием. И всё же Парменион изменил и вступил в заговор против меня! Мне пришлось послать палача к нему и его последнему сыну...

Александр скривился, выронил кубок и застонал, извиваясь от боли на ложе из мягких персидских подушек. Наконец, приступ ослабел, и царь со вздохом облегчения распрямился.

– Мудрецы мне сейчас без надобности, – прохрипел он. – Гони его прочь! А вот лекарь пусть остаётся и немедленно приступает к делу. Надеюсь, Неарх, он знает, что его ждёт в случае неудачи?

– Да, царь. Он видел всех шестерых своих предшественников, распятых по твоему приказу.

– Прекрасно! Пусть начинает лечение. А второго гони! Не до него...

– Он тоже нужен здесь, Александр. Лекарь не знает нашего языка. Филипп будет вашим переводчиком.

* Греки обычно разбавляли вино водой. *Прим. авт.*

– Хорошо, пусть остаётся. – раздражённо выкрикнул царь. – Но тогда он разделит и судьбу этого чудо–лекаря! Эй, вы, двое, вставайте и приступайте, наконец, к делу.

Две голые фигуры, одна по–гречески белая, другая по–индийски тёмная, поднялись с холодных камней пола и приблизились к царскому ложу.

– Великий царь, удали отсюда всех твоих слуг и гетер, – дрожащим не то от страха, не то от ярости голосом сказала белая. – Лекарю нужна полная тишина и покой, его нельзя ничем отвлекать во время твоего лечения. Прикажи охране никого не впускать сюда, пока мы не закончим.

– Что за наглость! Ты смеешь приказывать мне, царю?!

– Прости, о Великий. Но отсутствие посторонних совершенно необходимо для работы лекаря. Прошу тебя – удали всех.

– Что ж, ... как тебя?

– Филипп.

– Я не забуду твою наглость, Филипп. Уходите все! И ты, Неарх, тоже. Да–да, и ты. Чего мне бояться? Раз уж ты привёл сюда этих людей, значит, уверен в их благих намерениях, а не в стремлении убить меня. Или не уверен? То–то же! Распорядись там, чтобы сюда никого не впускали, пока лекарь не закончит. И пусть найдут палача! Он мне скоро понадобится...

– Афина! – Возник на экране Тимур Боев. – Скорее иди к нам.

– Неужели, Лжефилипп появился?

– Да. Это – профессор Тимошкин. Он уже в спальне Александра!

– Итак, Филипп, все ушли. Что дальше?

– Сними с себя всё, Александр. Лекарь должен тебя осмотреть. Боже, куда делись твои стальные мускулы? Что это за брюхо! Зачем ты отверг мои советы?

– Как ты смеешь говорить подобное, негодяй?! И когда это ты мне что–либо советовал?

– Не кричи, Александр, а то охрана вбежит и помешает твоему лечению. Я – Филипп. Тот самый, что когда–то навещал тебя в образе твоего друга–лекаря. Это я подарил тебе когда–то кинжал, кончик которого выглядывает из–под твоей подушки, и этот перстень на твоём пальце.

– Ты – тот самый Филипп? Что-то не верится. Тому Филиппу не требовался для наших встреч посредник в виде моего друга Неарха, и камень в перстне не изменил свой цвет в твоём присутствии!

– Так ведь и я сейчас не похож на твоего друга-лекаря, не так ли? Зачем же камню менять цвет? Я помню каждое слово наших с тобой бесед, Александр. Это ли не лучшее доказательство? Можешь задать мне любой вопрос, и я отвечу. Но не лучше ли отложить все объяснения на потом? Пусть лекарь сначала сделает своё дело. Это сейчас гораздо важнее.

– Что ж, Филипп, на этот раз ты прав. Пусть лекарь делает свою работу, а я пока обдумаю, какие вопросы тебе задать. Хотя самый первый из них я задаю себе уже давно: почему ты бросил меня? Теперь, наконец, я желаю получить на него ответ из твоих уст. Приступайте же, вы, оба! Один к лечению, другой к рассказу.

– Всё очень просто, Александр. У меня тоже есть враги. Довольно могущественные. Именно они препятствуют нашим с тобой встречам. Вот почему я вынужден был воспользоваться помощью твоего друга Неарха, чтобы попасть сюда. Я пытался их отвлечь, пустив по весьма запутанному следу моего напарника, но они всё же как-то сумели... Давай отложим объяснения, Александр – наш разговор мешает лекарю.

– Но он же ничего не делает! Только водит вокруг меня руками. Хотя... Как ни странно, я уже совершенно не чувствую эту изнуряющую меня уже не первый день боль! Твой лекарь-маг?

– Это не обычный лекарь. Я нашёл его на далёком южном острове и хотел привести к тебе ещё в Индии, но так и не смог пробиться сквозь заслон моих и твоих врагов. Лекари на том острове видят людей насквозь. Им не нужны инструменты и снадобья. Они лечат руками. Сейчас пальцы лекаря войдут в твоё тело, как в воду, и очистят его от всего лишнего, что там накопилось за время твоего неумеренного пьянства и обжорства.

– Внутрь?!

– Не бойся, царь. Ты не почувствуешь боли.

– Не смей называть меня трусом! А боль меня мучит уже не один день. К тому же, если б я боялся её, то никогда не стал бы воином.

– Прости, Александр, я вовсе не хотел тебя оскорбить. Конечно-

но, ты не трус и не неженка. Но кто из нас останется спокойным, видя, как чужие руки погружаются в наше тело и копаются в нём, как в воинской котомке? Я просто хотел тебя предупредить...

– Я понял. Что бормочет этот дикарь?

– Лекарь говорит, что в твоих почках, печени и других органах скопилось много камней и песка. Они разрывают тебя, пытаясь выйти наружу. Если их не удалить немедленно, ты вскоре умрёшь в великих муках.

– Так пусть скорее приступает к чистке...

– Да, это – Алексей Тимошкин. Молодцы, мальчики! Как мы его возьмём?

– Не волнуйся, Афина! Всё учтено. Костя уже там...

– Александр, муж мой, с тобой всё в порядке? Почему охрана не пускает меня к тебе? – неожиданно раздался из-за приоткрывшихся дверей пронзительный женский голос.

– Роксана? – удивлённо откликнулся царь. – Что тебе надо? Что-нибудь с нашим ребёнком?

– Со мной всё в порядке. С ребёнком тоже. Он уже начал шевелиться в моём животике. Я хочу, чтобы ты это увидел.

– Я сейчас занят, дорогая. У меня врач. Я сам приду к тебе позже.

– Ты обманываешь меня! Изменник! Я знаю: с тобой сейчас эта противная Статира, а не врач!

– Что ты выдумываешь, Роксана? Успокойся, тебе вредно волноваться...

– Пустите меня! Убери свои грязные лапы, Неарх! Я войду и выкину эту персидскую шлюху из постели моего мужа! Прочь все! А ты кто такой? Что это? Кровь! На помощь! Охрана! Вашего царя потрошат, как овцу, а вы...

– Итак, всё кончено... – с горечью произнесла Афина.

– Да. – Уныло кивнул Костя Шеев. – Профессор Тимошкин мёртв. Охрана, ворвавшаяся в спальню на крик Роксаны, покрошила его и хилера на куски. Александр тоже мёртв. Когда воины попытались оттащить от царя заколотого сразу несколькими мечами хилера, руки лекаря, сжавшиеся в смертной

судороге, вырвали из тела Александра почку, которую он в тот момент чистил. Всё ж таки Александр был великим человеком! Даже умирая, он успел остановить охранников от убийства Нерарха, заявив, что тот ни в чём не виновен и действовал по его приказу.

– Значит, мы потеряли и профессора Тимошкина, и его открытие. Кого из вас назначить козлом отпущения? – Павлова выразительно посмотрела на Шеева.

– Кто ж знал, Афина, что так получится? – Пришёл на помощь другу Боев. – Мы просто хотели прервать контакт профессора с Александром, сыграв на ревности Роксаны. Ведь нашей задачей являлось в первую очередь именно это? Костя не мог знать, что этот лекарь – хилер, и что вместо каких-нибудь чудо-порошков он пустит в дело руки.

– Конечно, ты прав, Тимур. – Невесело улыбнулась Афина Павлова. – История должна идти своим путём, без вмешательства всяких фанатиков-идеалистов вроде Тимошкина. Или аморальных экспериментаторов типа Всеслава Логвинова, кончившего жизнь под маской Минотавра.

И всё же, мальчики, я думаю, наше руководство уже привыкло к мысли, что мы раздобудем ему способ перемещения людей во времени. Мне придётся вскоре его разочаровать. А разочарованное начальство, как вы понимаете...

– Ничего! Переживут. Я же вот смирился...

– Ой, ли? Так уж, Костенька, и смирился? Что ж, посмотрим. Будущее покажет...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
«Заяц»	5
Проблема веса	16
Ведьмак	25
Чулан для непослушных детей	42
«Отец».....	49
История болезни	58
Палач	73
Трагедия в Сахаре	78
Город	85
Встреча. XXII век	90
Под куполом страха	96
Свеча на ветру	108
Интервью	113
Пока горит свеча	116
Автограф Гагарина	122
Хроники:	127
1. Кощей Бессмертный	128
2. Персей	131
3. Лабиринт	142
4. Лжефилипп	157
5. Ольга	164
6. Александр	169
7. Хилер	177

ТАЙНЫЕ ХРОНИКИ

Повести и рассказы

Сборник выпускается в авторской редакции

Верстка
Марина Тугушева
Художник
Наталья Ковалёва

Подписано в печать 28.09.2011.

Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура PetersburgС.

Печать Indigo. Бумага офсетная. Усл.п.л. 10,69.

Заказ 25-09-11. Тираж 150 экз.

Издательско-полиграфический комплекс «Индиго»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Отпечатано на собственном полиграфическом оборудовании

Сергей Владимирович Калабухин родился в 1958 году в России, в небольшом старинном русском городе Коломна, где и проживает до сих пор.

По основной профессии – инженер-электромеханик по автоматизации производства.

С десяти лет начал писать фантастические рассказы.

Печатался в российских газетах и журналах.

В 2008 году в России вышла книжка его избранных произведений «Лабиринт чувств».